

КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальные и религиозные меньшинства
в Балтийском регионе

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Издательство
Калининградского государственного университета
2004

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43
Б207

Редакционная коллегия

И.И. Жуковский – ответственный редактор; *Ю.Ю. Бардун*;
И.О. Дементьев; *А.В. Косс*, кандидат юридических наук;
Л.В. Сыроватко, кандидат педагогических наук

Ответственность за достоверность публикуемых материалов несут авторы.

Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: Сборник научных трудов / Клуб исследователей Восточной Европы. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – Вып. 2. – 120 с.
ISBN 5-88874-495-6

В сборнике представлены научные статьи молодых исследователей-гуманитариев из Латвии, Польши, Эстонии и России. Статьи посвящены различным проблемам истории Балтийского региона, в том числе истории культуры. Тема выпуска – история национальных и религиозных меньшинств в Балтийском регионе.

Предназначается преподавателям и студентам вузов для использования в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также всем тем, кто интересуется проблемами истории Балтийского региона.

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43

© Коллектив авторов, 2004
© КРОО «Открытый Калининград», 2004

ISBN 5-88874-495-6

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Раздел 1. Меньшинства в Балтийском регионе	5
<i>Радзишевска А.</i> Словинцы – жизнь, обычаи, культура	5
<i>Кирчанов М.В.</i> «Немец» и «немцы», «латыш» и «латыши» в Латвии во второй половине XIX – начале XX века: между реальностью и идеологией латышского и немецкого национализма	11
<i>Колмагоров К.Н.</i> Федеративная концепция Пилсудского	19
<i>Повилайтис В.И.</i> Василий Сеземан: штрихи к портрету	23
<i>Маслов Е.А.</i> Неправославное население Калининградской области в религиозно-политической истории региона 1948 – 1958 гг.	29
<i>Ярентовский М.</i> Национальные меньшинства в польском избирательном праве	55
<i>Полецук В.</i> Натурализация в Эстонии	60
<i>Богушевич Т.</i> Политическое участие и представительство национальных меньшинств и их доступ к государственной службе в Латвии	72
Раздел 2. Полемика	79
<i>Федорович К.</i> Различия в восприятии польско-русской истории на примере судьбы русских военнопленных, интернированных в Польше в 1919 – 1924 гг.	79
<i>Дементьев И.О.</i> Диалог об исторической ответственности	84
<i>Винокуров Е.Ю.</i> Калининграду должно быть возвращено его прежнее название – Кёнигсберг	87
Раздел 3. Историография. Библиография. Рецензии	92
<i>Тюрин Е.А.</i> История проблемы «Малой Литвы» во взаимоотношениях между Россией и Литовской Республикой	92
<i>Манкевич Д.В.</i> Тематика дипломных работ по истории Балтийского региона, защищённых на историческом факультете КГУ (2002 – 2003)	96
Польская внешняя политика 1989 – 2002	101
«Возвращение прусского духа» на «древнюю славянскую землю»	102
Балтийские исследования в Воронеже	105
Раздел 4. Научная жизнь. Общественные инициативы по регионалистике	107
Откуда мы в Калининградской области?	107
«Священный храм живых печатных слов»: из истории Зеленоградской библиотеки	112
Сведения об авторах	117

ОТ РЕДАКТОРА

Второй выпуск «БИ» выходит с солидным запозданием – большинство материалов было представлено уже к началу 2003 года. Это связано с реорганизацией (ребрендингом) издателя первого номера – **Центра «Молодёжь за свободу слова»** (krmoo@mail.ru), который доверил дальнейшую работу над сборником трудов молодых исследователей из стран Балтийского региона образованному на своей базе **Центру общественного развития «Открытый Калининград»**. Стоит отметить, что дух первого издателя был сохранён в полной мере – некоторые весьма и весьма спорные материалы (например, текст Е.Ю. Винокурова) были всё-таки размещены в сборнике, несмотря на сопротивление некоторых членов редакции.

Клуб исследователей Восточной Европы (КВЕ) задуман как проект прежде всего партнёрский, направленный на развитие исследований стран Восточной Европы в сообществе молодых учёных Калининградской области, равно как и на развитие контактов между молодыми исследователями политики, истории, культуры, экономики стран региона. КВЕ впервые заявил о себе в октябре 2003 года, выступив соорганизатором I Открытого конкурса польского языка в Калининградской области. Этот проект обещает перерасти в международный: подобный конкурс в сотрудничестве с Калининградским государственным университетом будет проведён для знатоков русского языка в Ольштыне в 2004 году.

КВЕ выступил соучредителем и партнёром международного проекта **AD NOVUM (Association for studies of East-Central Europe)**, полную информацию о котором можно получить на официальной странице проекта – www.AdNovum.org.

Игорь Жуковский
joukovski_igor@mail.ru

Раздел 1

Меньшинства

в Балтийском регионе

А. Радзишевска
(Варшава, Польша)

СЛОВИНЦЫ – ЖИЗНЬ, ОБЫЧАИ, КУЛЬТУРА

В XIII в. появилось слово «кашубы» как название территории и как название местного населения. Исследователь кашубщины, славист и филолог А. Гильфердинг разделил все кашубское население на три группы: *кабатков, словинцев, кашубов поморских (померанских)* [8, с. 77]. Проживали они главным образом в трёх районах: первый – деревни, расположенные на берегу моря между озерами Гардно и Лебско, второй – селения над рекой Лупавой в её устье при озере Гардно. Третий район – селения между рекой Лупавой и озером Гардно. Западная граница кашубского говора (что равнозначно границе этнографической) проходила в Средние века от Балтики на северо-восток от Кошалина и к югу от Сианова. С течением времени граница перемещалась на восток, что было следствием выдвигания кашубов переселявшимися с запада немцами [8, с. 65]. Прежде всего, германизация распространилась на города, и лишь некоторое время спустя – на сельские территории. Однако до конца XVI в. сохранился славянский характер Центрального Поморья, и только после начала систематической германизации стала резко сокращаться заселенная кашубами территория. Реформация привела к разделению кашубов на протестантов (позднейших словинцев) и католиков [8, с. 66]. Этот факт, а также разная историческая судьба были причинами образования особого культурного и языкового единства и быстрой германизации кашубов. До начала прошлого века сохранились только небольшие их группы в нескольких деревеньках, а язык был «отодвинут» на побережье, где и просуществовал до нашего времени. После Второй мировой войны на этой территории осталось лишь несколько человек, знавших некоторые слова на местном наречии, например, названия рыбацких принадлежностей и орудий лова или населённых пунктов [5, с. 89]. Сегодня о словинцах можно говорить в прошедшем времени, однако остались объекты материальной культуры – свидетельство их существования на земле поморской [10, с. 28]. Одно из немногих мест, в которых дольше всего сохранялись реликвии материальной культуры словинцев, – деревня Клуки. Способствовало тому её расположе-

ние среди болот над озером Ледко и отсутствие регулярной коммуникации с местной администрацией. На слупских землях кашубы присутствуют, уже, правда, утратив родной язык.

Среди историков, этнографов и языковедов продолжается спор о том, были ли словинцы и кашубы отдельными этническими группами либо приобрели различающиеся культурные черты в силу исторических условий и особенностей местности. К тому же неясно и происхождение названия «словинцы» – нет единства в вопросе о том, относилось ли оно к конкретным этническим группам либо происходило от названия местностей (например, Славна), заселённых славянами. S. Ramułt [6], как сторонник разделения этнических групп на кашубов, кабатков и словинцев, выводил их происхождение от давних славянских народов, проживавших на Поморье – от Вислы до Лабы, которые были последними представителями мощной некогда поморской ветви [8, с. 99].

Со второй половины XIX в. в научной литературе и публицистике утвердилось использование этих наименований, перекочевали они и в названия географические, названия организаций, в канцелярские документы. Особенно это касается понятий «словинец» и «словинский». Приморские территории получили название Словинского побережья, а расположенный там национальный парк – Словинского национального парка. В документах при оформлении польского гражданства проживающим на этих территориях вписывалась национальность «словинец», которой ранее не было [8, с. 95].

Словинские деревни были преимущественно рыбацкими, а к традиционным ремеслам относилось плетение сетей, вышивка, деревообработка, охота и пчеловодство. В конце XIX в. распространилось земледелие и огородничество. Со второй половины того же века в этих районах началась добыча торфа, который использовался в качестве топлива, менее качественные сорта – как подстилки в хлеву. Иногда торфом удобряли почву под посеvy. Период добычи торфа называли «черная свадьба». Он начинался в мае и продолжался от 12 до 16 дней, что зависело от количества работавших.

Территория (краина) словинцев находится между двумя большими озерами лагунного типа, отделенными от моря косами. Вся эта местность состоит из двух частей: Север – песчаная равнина с залежами торфа, где преобладают непригодные для использования земли (по этой причине долго не заселявшиеся). Южная часть ландшафтно более разнообразна. Здесь находится несколько возвышенностей, а территорию пересекают долины ручьев и рек.

Не каждый народ и не всегда интересуется своим происхождением. Жители Поморья, особенно кашубы, имеют богатую сокровищницу басен, легенд, преданий. Они нередко довольно своеобразным способом объясняют специфику своего жизненного пространства: пригорки, ручьи, леса, ущелья пробуждали творческую энергию кашубского народа, поэтому были созданы самые разнообразные повести и рассказы, которые связывали человека с его природным окружением. Примером может

служить сохранению преданий об основании деревень, особенностях жизни сельской общины [10, с. 28]. В течение долгого времени словинцы были изолированы от культурного влияния других народов, что способствовало сохранению сообщества до 1945 г. в практически неизменном состоянии. В то же самое время народы, проживающие около озер Гардно и Лебско, уже не составляли сплоченную группу кашубов. Они утратили свой язык, осознание своего славянского происхождения, хотя в значительной степени и сохранили элементы своей духовной и материальной культуры. Это заметно в постройках, фамилиях и элементах языка.

Еще в 1939 г. в Клуках проживало около 700 словинцев, в том числе 32 рыбака, промышлявших рыбалкой в озерах и прибрежных морских водах. После Второй мировой войны, вследствие ошибочной политики властей и многочисленных конфликтов с переселенцами, приезжавшими в деревни, число автохтонов падало из года в год. В 1950 г. в деревне осталось 150 словинцев, а в 1974 г. их проживало уже только пять. В 1992 г. в Клуках ещё оставались две словинки в преклонном возрасте [1]. Одновременно с сокращением числа словинцев шел процесс исчезновения следов их материальной культуры.

Деревня Клуки образовалась на западном берегу озера Лебско, на песчаных землях. Ранней весной и осенью она была совершенно отрезана от мира из-за окружавших ее болот, а вода заливала низко расположенные дома. Несмотря на это, до наших дней сохранилось предание об основании деревни [1, с. 39]. Оно гласит, что когда-то на берегу озера поселился крестьянин по имени Гженаута. Его дочь вышла замуж за Клеку и родила семерых сыновей. Названия соседних деревень происходят от потомков Клеки; одиночные поселения превратились в большие деревни, образовав так называемые «тройчатки»: Клуки Чеминские, Клуки Желеские, Клуки Смолдзинские [8, с. 70].

По легенде, основатель селения имел при себе предмет, называвшийся «клуком», который вошёл в название фамилии, а потом и поселения.

Кашубское и словинское название *kluka*, *klaeka* или *kleka* означает деревянный предмет, который служил символом созывания общинного собрания деревни. Этот предмет переходил из рук в руки, из дома в дом – что означало, что хозяин дома оповещён о собрании всех жителей деревни и обязан был присутствовать на нем.

На территории Польши и соседних с ней земель Западной Словинщины использовались разные знаки подобного характера. Они принадлежат к разным историческим эпохам, каждый из них представляет особый фрагмент устройства бытовой и общинной жизни. Традиционно выделяются следующие символические группы: знак, созывающий жителей на похороны; знак, созывающий жителей на свадьбу; знак, созывающий жителей на совет; символ власти старосты; символ власти судьи; символ власти крепостной стражи [10, с. 41].

Предметы, служащие знаком при вышеупомянутых случаях, часто идентичны либо очень похожи, несмотря на то, что их значения и способы использования часто различаются.

Самая первая форма *клуки* – созданная природой. Подобные вещи сначала специально искали в лесу среди корней и веток деревьев. Когда не удавалось найти подходящее, то использовали молодое дерево, которое особым образом изгибали, придавая нужную форму. Нередко как наверху для клук использовали козлиный череп. Характерной особенностью тех самых старших клук является то, что они никогда не были одинаковы и не имели простых форм. Почему форма клуки играла особую роль? Прежде всего, очевидно, потому, что такой необычный символ не может иметь обычный вид, должен быть легко узнаваемым и запоминающимся. Более того, он несет в себе некоторый элемент магии. Нечто, что вызывает удивление, может будить страх и уважение. Мимо такого предмета нельзя пройти равнодушно.

Общинное собрание в его давнем значении имело институциональный характер, было выражением воли коллектива. С того момента, как был создан институт сельского старосты, роль собрания жителей стала уменьшаться, и помимо коллективной воли стала иметь значение индивидуальная позиция старосты. Постепенно клука, знак и символ, переходит в руки старосты и меняет свою функцию, превращаясь в знак власти, представляющий собой искривленную палку с козлиным черепом в качестве наверху. Помимо того, власть старосты подтверждалась специальным документом, который прикреплялся к клуке либо вкладывался внутрь ее. Долгое время сохранение такой смешанной формы символов власти имело чисто практическое значение – использование клуки позволяло легитимизировать власть старосты – так как все жители реагировали на нее по традиции, в то время как не все понимали, какую смысловую нагрузку несет бумага.

Что осталось от давней традиции сегодня? И ныне в разговорном языке *kleka* означает весть, некую новость, которую передают дальше. Некогда клука передавалась старостой в первый от берега дом и немедленно должна была быть передана дальше, от дома к дому, нигде не задерживаясь. Тот, кто приносил знак, произносил устное послание и немедленно уходил. Клука обходила деревню за 2-3 часа. Если кто-нибудь задерживал ее движение, то платил солидный штраф, однако такие случаи были редки. После оповещения всех жителей клука возвращалась к старосте, совершая замкнутый круг. Законом было то, что никто не имел права уклониться от принятия клуки.

Для иллюстрации стоит привести текст 1862 г.: «*Староста ничего не предпримет без информирования общины. Каждое распоряжение начальства либо какое-либо дело, затрагивающее общину, сообщается всем жителям, которых он созывает в свое жилище. С этой целью в некоторых деревнях староста высылает всем кусок искривленного дерева, называемого krakula*» [3, с. 446].

Но фактом остается то, что клука не превратилась в символ власти старосты, а полностью исчезла на земле словинской. С того момента, когда вследствие исторических перемен воля собрания стала играть всё меньшее значение и перестала быть фокусом мнений, символ этой свободы – знак собраний – теряет смысл. Клука исчезает из памяти сообщества.

Традиции и обряды, связанные с погребением, также соотносятся со знаками собраний. О культе умерших у словинцев известно очень мало. Необходимо отметить фактор привязанности жителей к своей территории и связанный с этим запрет погребения умерших вне традиционного кладбища [3, с. 62]. Отсутствует информация о том, как проходила церемония приглашения на похороны. Профессор Леговский в своей книге вспоминает о существовании такого обычая, однако подробно его не описывает: «У кашубов посылали парня, который палкой ударял в двери и громко кричал: просили вас пригласить за телом» [4, с. 906].

Принцип здесь тот же, как и при практике применения других знаков собраний. Однако скорость прохождения по деревне погребального знака меньше, чем подобного в иных случаях. Знак погребального оповещения задерживается в доме не больше, чем этого требует необходимость культового отношения к нему. Всей жизни человека в деревне сопутствует сельская община, общинный характер носит и свадьба, где знаком собрания служит *жезл старейшины*, описать который с высокой степенью достоверности не представляется возможным, хотя подобная традиция сохранялась долгое время среди жителей региона озера Ямно. Символ словинцев, скорее всего, имел разноцветные ленты четырёх цветов (желтый, красный, зеленый, голубой) [10, с. 66]. Жезл должен был быть довольно высоким, для того чтобы было видно ленты. По аналогии с восточными кашубами можно провести реконструкцию внешнего вида подобного *жезла старейшины*. Друг жениха, приглашающий родственников и знакомых на свадьбу, имел шляпу и жилетку, украшенные искусственными цветами, и большой букет, прикрепленный к жезлу, которым служила толстая палка. Какую роль играл символ в этом случае? Свадебный староста носил его в знак «власти над подручными и как руководитель обряда, во имя соблюдения давних обычаев и традиций» [10, с. 67]. Схожесть с клукой проявляется в том, что *жезл старейшины* переходил из дома в дом, но есть и принципиальная разница: если не важно было, кто носил клуку (принцип анонимности держателя), то важен человек, носивший *жезл старейшины* и специально одетый для этого обряда. Когда владелец жезла переступал порог, еще перед тем, как он начинал говорить, всем становилось ясно, что в деревне происходит что-то важное и что в этом важном событии его дом примет участие. Вторая составляющая символа – элемент власти: староста не выпускает жезл из рук, не кладёт его на полку и не оставляет около дома.

Процесс исчезновения культуры словинцев был следствием того, что они покидали свои родные места, переселяясь за границу. Исчезали следы их материальной культуры, особенно дома и комплексные застройки.

Например, в 50-е годы в течение очень короткого времени исчезла деревня Клуки Чеминские. В начале 80-х подобная судьба постигла и Клуки Желеские. Дальше всего комплекс застроек просуществовал в Клуках Смолдзинских.

В 60-е годы по причине массового выезда местного населения в Германию обозначилась срочная потребность спасения и сохранения следов пребывания этого народа на польской земле. Этнографы отдавали себе отчет в важности и ценности памятников словинской культуры. Многолетние старания местных музейных работников привели к образованию в Клуках первого на Западном Поморье музея под открытым небом – Музейного словинского комплекса [5, с. 90]. Первоначально это был один типичный для данного региона комплекс, в состав которого входили: жилой дом, три хозпостройки, рыбацкий склад, рыбацкая лодка и лебёдка для вытягивания сетей [7, с. 258]. В начале 70-х годов музей Среднего Поморья в Слупске начал создавать Словинский скансен в Клуках, взяв под контроль земли и постройки вокруг Музейного словинского комплекса. Прежде всего собирали памятники материальной культуры и самые разные документы [5, с. 91]. Особенно много экспонатов было собрано музеем в период массовой эмиграции автохтонного населения в начале 70-х. Покидавшие деревню сами приносили личные вещи и домашнюю утварь. Хотели, чтобы память о них и их предках сохранилась для следующих поколений [7, с. 257]. Территория, отведенная под музей, – центр деревни, где ранее существовала застройка XVIII – XIX века (с сохраненными на своих местах тремя усадьбами). Музей занимает около 10 га земли с 20 объектами (7 изб, 7 хлебов, 2 сеновала, 2 хлебные печи, склад для лодок, рыбацкое снаряжение и шалаш рыбака).

Решаясь на воссоздание фрагмента исторической деревни Клуки с образцами застройки XVIII – XX вв., авторы концепции сначала собирались представить типичную для словинцев систему домашнего деревенского хозяйства. С течением времени исключительно рыбацкий ее характер сменился на смешанный, с элементами сельского хозяйства. Особое внимание при реконструкции деревни уделялось связи жилья с окружающей природой, прежде всего с озером. Потому важна была реконструкция старинного рыбацкого комплекса, основой которого послужил склад, в котором экспонировались лодки и многочисленные снасти. Специфику деревни подчеркивал шалаш, в котором находился полный комплект необходимого снаряжения для морской и озерной рыбалки. В перемещенных из Клуки Железских постройках были реконструированы внутренние помещения типичного домика рыбака, занимавшегося рыболовством время от времени. Особенностью было то, что местное население собирало тростник, а также добывало торф.

Можно утверждать, что воссоздание скансена в Клуках имело неоспоримое значение в процессе ликвидации угрозы забвения такой богатой и всё ещё таинственной культуры словинцев.

Список литературы

1. *Bolduan T.* Pożegnanie ze Słowińcami // *Pomerania*. 1992. Nr 2.
2. *Hilferding A.* Ostatki Słowian na jużnom beregu Baltijskago moria. St. Petersburg, 1857.
3. *Karłowicz J.* Poszukiwania // *Wisła*. 1890. T. 4.
4. *Łęgowski Wl.* Połabianie i Słowińcy // *Wisła*. 1902. T. 16.
5. *Ostrowska-Wójcicie H., Soja H.* Realizacja koncepcji odtworzenia dawnej wsi słowińskiej na przykładzie Kluk // *Tradycje Architektury Regionalnej*. Toruń, 2002. Nr 5.
6. *Ramult S.* Słownik języka pomorskiego czy kaszubskiego. Kraków, 1893.
7. *Rybicki H.* Nazywano ich Słowińcami. Słupsk, 1995.
8. *Rybicki.* Kluki. Zarys dziejów. Słupsk, 1998.
9. *Soja H.* Zagroda Alberta Klücka Skansen Słowiński w Klukach. Muzeum Pomorza Środkowego.
10. *Stelmachowska.* Wieś Kluki na tle badań dotyczących znaków zwolawczych na Kaszubach // *Słowińska Wieś Kluki*. Poznań, 1958.

Перевод с польского И.И. Жуковского

М.В. Кирчанов (Воронеж, Россия)

**«НЕМЕЦ» И «НЕМЦЫ», «ЛАТЬШ» И «ЛАТЬШИ» В ЛАТВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ИДЕОЛОГИЕЙ
ЛАТЬШСКОГО И НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА**

Особенностью истории Латвии во второй половине XIX в. было сочетание трех культур – латышской, немецкой и русской. При этом интересно не само такое сосуществование, а то, что практически каждую из названных культур в определенной степени можно рассматривать как культуру меньшинства. Действительно, немцы не составляли большинства населения, но имели политическую власть; латыши были меньшинством в политике, где монопольные позиции занимали немцы; русские же вообще были чуждым элементом как этнически, так и политически – они не смогли ассимилировать латышей, но были и не в силах окончательно лишит политической власти немцев, хотя Прибалтика входила в состав Российской империи.

В данной статье мы остановимся на одном из названных меньшинств, а именно – на немцах. Прежде всего сделаем определенную теоретическую оговорку: нас будут в данном случае интересовать две проблемы. Первая – образ немца и немцев в идеологии молодого латышского национализма. Вторая – латыши и латышский национализм глазами немцев.

Отметим, что настоящая проблема комплексного изучения в исторической науке так и не получила. В более ранних работах – как немецких, так и латышских – эта тема представлена крайне фрагментарно: не

существует полного и разностороннего анализа представлений немцев и латышей друг о друге. Исключение составляет монография П.Я. Крупникова «Полвека истории Латвии глазами немцев» [2; см. также 1]¹. Однако внимание автора сосредоточено в основном на немецком аспекте; латышский, в свою очередь, представлен слабо. Именно настоящая проблема будет в центре внимания этой статьи.

Важное место в идеологии латышского национализма во второй половине XIX в. принадлежало критике немцев. При этом его идеологов, например Кришьяниса Валдемарса, ни в коем случае нельзя обвинять в антинемецком этническом и политическом национализме. Сам Валдемарс немцев особенно не любил, но ненависти, которую питали отдельные немецкие авторы в отношении латышей, не испытывал. При этом он признавал факт бесспорного, пусть во многом и неоднозначного, влияния немцев на историю Латвии, указывая на необходимость ознакомления с работами немецких историков и публицистов [19-21].

В связи с проблемой отношения к немцам в Прибалтике латышские националисты, известные в историографии как младолатыши, вступили в полемику с другими представителями латышской национальной интеллигенции. По данному вопросу К. Валдемарс полемизировал с одним из первых латышских национальных историков Я. Кродзениексом, упрекая его в некритичном отношении к сочинениям немецких авторов, – Валдемарс, в отличие от него, с сочувствием относился к взглядам такого балтийского немца, как Гарлиб Меркель.

От младолатышских авторов в адрес немцев исходило немало критических, а порой и откровенно антинемецких националистических замечаний. Например, Каспарс Биезбардис описывал немецких баронов исключительно как людей, «чьи желания и устремления не чисты и грязны, так как они стремятся получить еще больше власти, несмотря на то, что покорили другие народы и не признают их как таковые». Другой латышский националист, Андрейс Спагис, внес в антинемецкий национализм младолатышского движения новый элемент, который отличается сильным социальным подтекстом. В ряде его сочинений присутствует тезис, что национальное неравенство латышей выливается в неравенство социальное. В связи с этим он указывал на то, что в роли угнетателей выступали, как правило, немцы, которые были землевладельцами, пасторами и чиновниками. При этом угнетаемыми, жившими, по его словам, в адских условиях, всегда оказывались исключительно латыши.

Особую неприязнь младолатышей вызывали представители немецкой администрации. Развитием младолатышского национализма они стремились подорвать ее роль и авторитет, расшатать немецкую систему воспитания латышей в покорности и религиозности. Особую неприязнь младолатышей вызывал один из принципов пронемецкой газеты «Latviešu Avīzes», согласно которому латыши должны жить «в духе

¹ [1] специально к проблеме данной статьи не обращается, но содержит немало фактов об отношении немцев и латышей друг к другу.

моральных и религиозных статей, смиренной преданности Богу и властям» [8].

Принципы младолатышских идеологов стали объектом критики со стороны балтийских немцев. Один из виднейших немецких деятелей в Российской империи, барон Левен, в 1863 г. писал Валдемарсу, рекомендуя младолатышам заниматься не политикой, а «воспитанием и обучением латышей на поле религии, морали, сельского хозяйства, ремесла и искусства, но не критиковать или осмеивать власти, дворянство и духовенство» [11, lpp. 164].

Это вызвало ответную реакцию: критикуя немцев, младолатыши не забывали развивать идеи о том, что латыши являются народом совершенно особым, со своим неповторимым комплексом черт и путем национального развития. Один из идеологов младолатышского движения, Каспарс Биезбардис, вообще доказывал, что именно латыши принадлежат к числу самых древних и по данной причине наиболее развитых народов Европы. Он составил историческую теорию в духе национального романтизма и немецких историков (не чуждых порой вольного обращения с фактами и приписывания германской природы негерманцам) о том, что латыши произошли от скифов, которых описывал еще Геродот [6; 6а].

Латышское восприятие немцев было достаточно широко отражено в латышской литературе, которая в XIX в. делала свои первые шаги. Первыми латышскими писателями можно считать Юриса Аллунанса, Фрициса Трейландса-Бривземникса, братьев Матисса и Рейниса Каудзите. К числу зачинателей латышской литературы, вне всякого сомнения, можно отнести и Андреяса Пумпурса. Отметим, что немецкая тема, в большей или меньшей степени, была представлена практически у всех первых латышских писателей.

Латышский национализм в творчестве А. Пумпурса сочетался с критикой немцев, готовых захватить балтийские земли и «в рабство народ повергнуть» [4, с. 48]; антинемецкий настрой был характерен для писателя. В наибольшей степени это проявилось в эпосе «Лачплесис». А. Пумпурс как националист во многом идеализирует латышей, их «песенный дар драгоценный, сладостно душу тревожащий то радостью, то печалью»; при этом национальные особенности рассматривались как один из факторов борьбы против немцев [4, с. 49].

Национализм Пумпурса нашел свое проявление не только в «Лачплесисе», он представлен и в других его произведениях. Пумпурс развивал культурный национализм – во вступлении к сборнику «На Родине и на чужбине» он обратился к «святым дубравам предков» [4, с. 189]. Он указывал на то, что «слагать пора оды о подвигах былых и величать народы и все свершенья их» («Восток») [4, с. 190-191].

Пумпурс констатировал и то, что из-за немецкого завоевания латыши утратили многие черты своей национальной культуры – в связи с этим он, как националист, шел на противопоставление латышей и немцев, доказывая, что ранее латыши занимали гораздо большие террито-

рии, а Балтийское море было лишь одной из естественных границ на огромном пространстве, населенном балтийскими племенами («Восток и Запад») [4, с. 196]. По данной причине Пумпурс именно территории на Востоке называет «гнездом отцовым» и «пращуров селеньем». В связи с этим критика немцев становится одной из важнейших тем в творчестве Андреяса Пумпурса: Запад (а именно Германия) в работах поэта ассоциируется со всем негативным и отрицательным («Народные песни») [4, с. 198].

Особо отрицательно он относился к роли немцев в развитии латышского языка. Пумпурс был за национальное изучение латышской культуры, выступал против немецкого участия в этом процессе. Он верил в возможность национального возрождения латышей на базе латышской национальной культуры («Народу») [4, с. 201]. Этому, согласно его точке зрения, должно было способствовать освобождение от немецкой культурной опеки, от культуры «пришлых». Поэт призывал «разыскать песни» и изучить «напевы родной земли» («Разыщем песни») [4, с. 203]. Отметим и тот факт, что Пумпурс выступал за равноправие латышского языка, способствовал формированию понятий «Родина» и «Латвия». Именно ради этого он воспевал «Отчизну нашу, взморье чистое, островки пашен, рощи мгlistые» («Моя Отчизна») [4, с. 217].

Если в «Лачплесисе» антинемецкий национализм А. Пумпурса носит языковой или культурный характер, то в других поэтических произведениях присутствует и религиозный в своей основе национализм. А. Пумпурс воспевал массовую религиозность, посещение церквей, воодушевление паствы, звон колоколов. Но и при этом значительную роль играл антинемецкий элемент. А. Пумпурс выступал за независимость и в религиозном отношении, высказывался о необходимости освобождения от немецкой духовной опеки, которая, по его мнению, лишь тормозила развитие латышей («Святой миг») [4, с. 202].

В латышской историографии при рассмотрении жизненного пути и творчества А. Пумпурса практически всегда приводится один и тот же пример, способный объяснить и антинемецкий настрой, и консерватизм А. Пумпурса. После завершения обучения в средней школе будущий писатель обратился к немецкому пастору с просьбой о содействии в получении высшего образования – и получил следующий ответ: «Разве тебе недостаточно усвоенных уроков, разве мало того, что дало церковное училище, тебе хватит знаний для своего сословия – не каждому Бог дал возможность ходить по путям высших сословий» [15, lpp. 153].

Как видим, латышские интеллектуалы, бывшие и латышскими националистами, уже имели значительный опыт не только общения с немцами, но и политического противостояния им. К началу XX в. в латышской оценке немцев появились новые элементы. Андриевс Ниедра [12-14], лютеранский пастор, призывал соотечественников к активной деятельности в любых отраслях, дабы вытеснить оттуда немцев. Он требовал развивать индивидуалистские устремления и, по собственному признанию, предпочитал писать о «великих индивидуумах». Но, будучи

священником, не устал апеллировать к авторитету Церкви, ее тысячелетнему опыту. В советской исторической литературе творчество Ниедры так и осталось непонятым – важный для своего времени роман «В дыму подсеки» (1899) рассматривался как «буржуазный и националистический во всех отношениях», а его автор – как «типичный представитель реакционной литературы», своего рода «диверсант против прогрессивной мысли». Сам Ниедра свои политические идеи предпочитал оценивать как народный национализм. В романе Ниедры художественно рассмотрен и представлен конфликт между семьей хуторян Страутмалсов и немецкими помещиками Зенденом и Вестфалем. На страницах романа проповедуется тезис ранних младолатышей о необходимости отправлять юношей в российские университеты, давать им высшее образование: именно поэтому один из детей Страутмалсов стал богословом, а другой – инженером, готовым в борьбе против немцев за хутор использовать любые методы: он разоряет их, вытесняет в город и становится собственником земель. Таким развитием сюжета Андриевс Ниедра, с одной стороны, продолжает антинемецкую критику младолатышей, а с другой – показывает наиболее приемлемый вариант решения аграрной проблемы через лишение немцев их земельной собственности [3, с. 94].

Антинемецкая тенденция стала очевидной уже в первые годы XX в. В 1902 г. в Санкт-Петербурге в газетах, выходящих на латышском языке, появился цикл статей того же Андриевса Ниедры, где он утверждал, что немецкая нация постепенно вырождается, что немцы вскоре вовсе вымрут. По данной причине А. Ниедра призывал латышских политиков отказаться от всяких контактов с немецкими деятелями.

Параллельно с критикой немцев выступил и консерватор-националист Ф. Вейнбергс, по словам П.Я. Крупникова, «реакционный политик, известный своими монархическими убеждениями» [2, с. 58], который в 1903 г. писал: «Когда надежды, вызванные движением за реформы, оказались тщетными, взгляды латышей на их отношения с немцами начали меняться – возоблагодало убеждение, что они не согласятся признать нас в качестве равноправных партнеров, латыши были вынуждены переориентироваться на независимое политическое развитие, и теперь тезис о руководящей роли немцев все чаще отвергается, пришло убеждение, что их место рядом с латышами, а не над ними, и теперь вопрос об отношениях немцев с латышами – это основной пункт нашей политической программы» (*Rīgas Avīze*. No 3. 1903).

Как видим, латышские националисты к проблеме немцев в своих работах обращались часто, при этом их оценка варьировалась от умеренного национализма к крайнему. Подобная ситуация, разумеется, вызвала соответствующую реакцию со стороны немцев.

Немецкие авторы – историки, пасторы и журналисты – на страницах своих произведений развернули активнейшую критику латышского национального движения. К числу таких авторов можно отнести Э. Серафима, А. Биленштейна, Э. Крауса, Т. Круминга.

Немецкий публицист Э. Серафим специального исследования, посвященного истории латышей, не оставил. Однако в его сочинениях так или иначе присутствует тематика, имеющая отношение к проблеме латышского движения. Э. Серафим совершенно верно констатировал рост национального самосознания латышей, но верил в возможность компромисса с латышским национальным движением. При этом он все же оставался и на позициях немецкого националиста – обвинял латышей в «национальном зазнайстве», в стремлении превратить именно латышскую культуру и латышский язык в господствующие на территории Латвии. Э. Серафим считал, что латыши не имеют на это никакого права, так как являются «мелкой народностью», не способной на создание подлинной культуры, что не может быть даже речи о равноправии латышского и немецкого языков. При этом его концепция отличается некоторой противоречивостью: ругая латышей, он все же признает их право на развитие собственного языка. Немецкий автор констатировал и то, что среди латышей национальное самосознание, в отличие от немцев, формируется сравнительно рано; по его словам, «созревает национальное чувство, так как они много читают и их увлекают национальные проблемы». В целом к латышскому национальному движению он относился негативно, обвиняя его лидеров и латышскую печать во всех проблемах немецкого населения в Латвии [16; 17].

За такое мнение в отношении латышского национального движения на Э. Серафима обрушивалось с критикой подавляющее большинство историков Латвии периода существования Первой республики. Особенно досталось ему от латышского историка А. Спекке, который отзывался о его сочинениях не иначе, как о вредных, нежелательных и опасных. Подчеркивая значение выводов Серафима в рамках всей немецкой историографии, считая его «авторитетным автором» в числе других немецких историков, А. Спекке все же декларировал необходимость «выветрить из сердец и умов» подобные идеи [18].

Сходные с концепцией Э. Серафима положения можно найти и у другого немецкого автора, В. фон Андреянова, который сетовал на то, что из-за отсутствия полной германизации латышей в их среде растет число образованных людей и даже дети крестьян могут получать образование в университетах. Его явно пугало, что «в латышском обществе есть свои врачи, учителя, адвокаты, чиновники, имеются журналы, театр и пресса». Однако, в отличие от других немецких авторов, фон Андреянова трудно обвинить в наличии в его произведениях откровенного великогерманского антилатышского национализма (см.: *Zeitgeist*. 1895. 17 June). Именно по данной причине мнение этого автора в латышской исторической науке было встречено с большим пониманием, чем концепция Э. Серафима. Об этом говорят, в частности, некоторые публикации, где В. фон Андреянов получил положительную оценку [7; 22].

Еще один немецкий автор, А. Биленштейн, критиковал латышское национальное движение, противопоставляя старую Латвию Латвии начала XX в., то есть той, какой она стала благодаря деятельности младо-

латышей. А. Биленштейн, как не самый умный консерватор, явно сожалел о том времени, когда «молодой (разумеется, немецкий – М.К.) священник не ощущал неприязни со стороны паствы и никому не приходило в голову обсуждать его личность или то, как он выполняет свои обязанности». Он отрицал права латышей на создание собственных школ и тем более университета, позиции латышского национального движения оценивал не иначе, как «агрессивные», а его деятельность – как «горячую точку в жизни балтийских немцев» [5, S. 87, 297, 321, 390].

Похожие, антилатышские по своей сути, точки зрения можно найти в сочинениях и других немецких авторов – историк Э. Краус считал латышей народом-кариатидом [9, S. 457-467], публицист Т. Крумминг вообще призывал всех латышей германизировать, а не церемониться с ними [10, S. 241-249]. Именно эта последовательно германская линия и определяла развитие отношения немцев к латышам.

Как видим, в Латвии во второй половине XIX – начале XX века имело место сосуществование двух национальных общин и культур: латышской и немецкой. Была представлена и русская, но слабо: на фоне значительной латышской и немецкой группировок ее роль никогда не была определяющей.

Что касается немцев и латышей, то обе эти группы в определенной степени можно рассматривать как меньшинства. Немцы не составляли этнического большинства, латыши были меньшинством политическим. Именно такая ситуация, сложившаяся исторически, и определяла развитие отношений и контактов между латышами и немцами.

Первые переживали процесс национального возрождения, начинали осознавать себя как нация. Вторые были господствующей группой, своего рода политической нацией среди латышей, которых считали неисторическим народом. С этим, разумеется, не могли согласиться сами латыши – в особенности национальная интеллигенция и буржуазия. Ее представители – К. Валдемарс, Ю. Аллунанс, К. Биезбардис, К. Баронс, А. Пумпурс, А. Ниедра – воспринимали немцев по-своему и составили их соответствующий образ.

Немцы воспринимались ими как элемент чуждый, как завоеватели, изменившие развитие культуры и ход национальной истории. Но у латышских националистов к этническому немецкому меньшинству были не только эти претензии. Для латышей немцы были неприемлемы как политическое большинство.

В свою очередь, немцы, занимавшие важнейшие посты в администрации региона, вовсе не собирались уступать свои позиции. Именно ради этой цели и действовала немецкая печать в Латвии. Ее усилиями был создан крайне негативный образ латышей как нации, которую надо было германизировать. Но, будучи уже не в состоянии этого сделать, балтийские немцы вступили в затяжной политический конфликт с латышскими националистами.

Таким образом, в Латвии к началу XX в. существовали два националистических движения двух меньшинств: немецкого национального и

латышского политического. Именно эти движения оперировали в своей деятельности особыми образами друг друга, сложившимися в результате контактов и острой политической борьбы.

Взаимные представления немцев и латышей были крайне сложны и неоднозначны. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии они практически не изучены и еще ждут своего исследователя.

Список литературы

1. *История латышской литературы*. Рига, 1971. Т. 1.
2. *Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989.
3. *Лабренце В.* Литература периода нового времени // *История латышской литературы*. Рига, 1971. Т.1.
4. *Пумтур А.* Лачплесис. М., 1985.
5. *Bielienstein A.* Ein gluckliches Leben. Riga, 1904.
6. *Biezbardis K.* Herodota skuti // *Mājas Viesis*. 1860.
- 6a. *Biezbardis K.* Herodota skuti un mūsu vectēvu cilts stāsti. 1883.
7. *Birkerts A.* Rūdolfs Blaumanis un Viktora fon Andrejanova ģinene // *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*. 1926. №8 – 9.
8. *Dokumenti par "Pēterburgas Avīzem"* // *Latvijas vēstures avoti*. 1.sej. R., 1937. 12.lpp.
9. *Kraus E.* Balten, Finnlander, Buren // *Grenzböten*, 1900.
10. *Krumming T.* Die Zukunft der russischen Ostseeprovinzen und die Lösung der Baltische Frage // *Grenzböten*, 1900. N 32.
11. *Latvijas vēstures avoti*. 1.sej.
12. *Niedra A.* Līduma dūmos. R., 1901, 1914, 1925, 1943, 1948, 1961, 1992.
13. *Niedra A.* Kad mēness dīkst. Stāsts. Publicēts laikraksta «Pēterburgas Avīzes» lit. pielikumā, grām. 1903 (1925, 1943, 1955, 1992).
14. *Niedra A.* Sikspārnis. Publicēts žurnāl, «Austrums», grām. 1912 (1926, 1957, 1957, 1994).
15. *Pumpurs A.* Raksti. R., 1925.
16. *Seraphim E.* Geschichte Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1896.
17. *Seraphim E.* Im neuen Jahrhundert. Baltische Rückblicke und Ausblicke. R., 1902.
18. *Spekke A.* Latvieši un Livonija 16. gadsimtā. R., 1935.
19. *Valdemārs K.* Ceļotājā vēstules // *Raksti*. I sej. R., 1936.
20. *Valdemārs K.* Kā muižnieku kārtā Baltijā cēlusies un attīstījusies // *Raksti*. I sej. R., 1936.
21. *Valdemārs K.* Kāds vārds par židiem Baltijā // *Raksti*. I sej. R., 1936.
22. *Volkova L.* Rūdolfa Blaumaņa literāro gaitu sākums Viktora fon Andrejanovs // *Literatūra un Māksla*. 1982. 17, 24. dec; 1983. 7, 14, 21. janv.

*К.Н. Колмагоров
(Калининград, Россия)*

ФЕДЕРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПИЛСУДСКОГО

Восстания XIX в. наглядно продемонстрировали стремление польского национально-освободительного движения объединить в составе возрожденной Польши территории, входившие в Речь Посполитую в период её наибольшего могущества.

Воплощение этих идей, «доминировавших в среде польских националистов и демократов на протяжении XIX – начала XX в.» [15, S. 117-118], стало возможно только с концом Первой мировой войны, ознаменовавшим возрождение польской государственности. Еще в 1869 г. известный представитель польской эмиграции в Лондоне Антоний Жабицкий говорил о необходимости возрождения «унии» Польши (в состав которой включались также Украина с Белоруссией) и Литвы [14, S. 169]. Ввиду этого федеративная концепция не являлась изобретением Юзефа Пилсудского, она во многом повторяла идеи польских патриотов XIX в.

Маршал предлагал использовать ослабление России для отторжения от нее Прибалтики, Украины, Белоруссии, а также Кубани и Кавказа с их последующей полонизацией либо путем создания на этих территориях режимов, зависящих от Варшавы, либо путем непосредственного включения в состав возрожденной Речи Посполитой, которой предполагалось придать форму федерации [2, с. 9]. Ситуация как нельзя более благоприятствовала такому развитию событий. Царский режим в России был свергнут, и власть перешла к не признанному мировым сообществом (и в первую очередь Антантой) большевикам.

В своей книге «1920 год» Юзеф Пилсудский писал, что «начало борьбы Польши с большевизмом можно отнести уже к 1918 г.» [13, S. 202]. Действительно, существование в России большевистского режима являлось серьезной проблемой для стран – членов Антанты, в первую очередь для Лондона и Парижа, которые в 1918 г. выступали за его уничтожение. Польское руководство умело использовало антагонизм между Западом и Советами. К ноябрю 1918 г. Пилсудскому удалось заручиться финансовой и военной поддержкой «стран западных демократий для борьбы с большевизмом и Советами» [11, S. 27]. Польша постепенно вовлекалась в военные действия на юго-западных окраинах бывшей Российской империи. В феврале 1919 г. польские войска предприняли удачное крупномасштабное наступление на Украине. Казалось, путь к реализации федеративной концепции открыт.

Планы Пилсудского в отношении России были поддержаны большинством депутатов Сейма 4 апреля 1919 г., когда польский парламент проголосовал за расширение границ Польши на восток за счет включения в её состав части Украины. Предусматривалась даже возможность

создания на отторгнутых территориях русско-украинской автономии – в случае, если количество восточнославянского населения будет превышать число проживавших там поляков и русинов (последних в Варшаве склонны были рассматривать как часть польской нации) [11, S. 28]. Тогда же создали Комиссию по международным делам со сподвижником Пилсудского В. Грабским во главе. Основным итогом деятельности Комиссии в 1919 г. стало признание Вильно и Виленской области польскими территориями, так как там «преобладало польское население» [11, S. 38]. Параллельно с действиями на Украине войска Пилсудского проводили наступательные операции в Белоруссии. В 1919 г. польскими войсками были заняты Белосток и Брест-Литовск [4, с. 34-35].

В своих экспансионистских намерениях польское руководство опиралось на поддержку Парижа, который был заинтересован в максимальном усилении Варшавы в качестве противовеса Берлину – своему традиционному сопернику на европейском континенте. Другой ведущий внешнеполитический актер того времени, Англия, напротив, смотрела на будущее Европы через призму традиционного для Лондона «баланса сил», при котором Великобритания могла с максимальной выгодой для себя использовать противоречия континентальных держав.

Противоречия между Англией и Францией становятся понятнее, если вспомнить секретное англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г., по которому территория Российской империи в случае её распада делилась на «сферы влияния» [7, с. 9]. Польша попадала во французскую зону, чьё расширение за счёт территорий, куда были направлены экспансионистские взгляды варшавских политиков, было чревато усилением Парижа, что, естественно, не могло приветствоваться в Лондоне [10].

Ввиду этого Лондон стал главным противником реализации федеративной концепции сторонников Пилсудского. Британская империя открыто продемонстрировала свое видение польского вопроса уже 8 декабря 1919 г., когда по предложению Англии Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши была рекомендована линия Керзона¹, что автоматически делало нереализуемой всю федеративную концепцию главы польского государства и ограничивало его экспансионистские планы [8, S. 230].

Противодействие ведущей мировой державы того времени заставило Пилсудского пойти на обходной маневр. Опираясь на поддержку со стороны Парижа, польское командование 30 декабря 1919 г. заключило в Риге соглашение с верховным командованием латвийских войск о совместных наступательных действиях против Красной армии [3, с. 465-

¹Линия разграничения между Советской Россией и Польшей, позже вошедшая в историю как «линия Керзона», проходила приблизительно так: Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова, и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; севернее Гродно граница с Литвой проходила вдоль железной дороги Гродно-Вильно и далее на Дванск [1, с. 471].

466]. Соглашение должно было продемонстрировать изменение внешне- и внутривнутриполитической парадигм польского правительства, которое, видя заинтересованность Лондона в судьбе регионов, ранее намеченных Варшавой для аннексии, было вынуждено отказаться от первоначальной федеративной концепции Ю. Пилсудского. В то же время подходы, свойственные первоначальным попыткам реализации планов начальника государства, явно прослеживаются при рассмотрении дальнейших внешнеполитических инициатив Варшавы.

Для достижения своих целей маршал решил использовать советско-польскую войну, которая началась в апреле 1920 г. с масштабного наступления поляков на Киев [5, с. 254]. Цель войны заключалась в максимальном ослаблении большевистской России и разгроме ее войск в прилегающих к Польше районах. Одновременно это была еще одна попытка создания федерации зависящих от Польши государств.

Якобы для более успешной борьбы с Москвой Пилсудский всемерно поддерживал создание антисоветского украинского государства под руководством Симона Петлюры, с которым 24 апреля 1920 г. в Варшаве была заключена военная конвенция, ставившая действия украинских националистов под контроль польского военного командования [11, S. 96-99]. Польские историки резонно рассматривают эти действия маршала как «независимую попытку основания фундамента под будущую федерацию, в которой доминирующей державой должна была стать Польша» [6, с. 102-103].

Для Франции, которая по привычке рассматривала Варшаву как «сферу своего влияния», эти инициативы начальника государства были представлены как попытка создать вокруг Польши «дополнительную буферную зону от большевизма», что, несомненно, приветствовалось парижскими политиками.

Создание «дополнительной буферной зоны» реанимировало, казалось бы, уже похороненную федеративную концепцию. В состав «зоны», по мнению Пилсудского, должны были войти помимо Украины и Белоруссии, ещё и прибалтийские страны. Естественно, ввиду важности антисоветского кордона для будущего Европы и слабости остальных составляющих «зоны» роль Польши резко возрастала.

Тайным планом варшавского МИДа было использование возраставшего статуса для достижения доминирующего положения в составе Малой Антанты, внутри которой на тот момент имелись противоречия между Францией и Чехословакией, которые Варшава, опираясь на «зону-федерацию», желала использовать [11, S. 117].

Крах федеративной концепции произошел в результате организованного в конце мая 1920 г. успешного контрнаступления Красной армии, которая в августе достигла предместий Варшавы. Тогда даже армейское командование и министры-пилсудчики стали высказываться за ограничение территориальных и политических претензий молодого польского государства [12; 9]. Давление, организованное Лондоном во время повторного наступления поляков на восток, истощённость самой

польской армии и противодействие большевистских войск заставили польское правительство 12 октября 1920 г. заключить в Риге мирный договор с Советской Россией.

Подписание этого документа ознаменовало собой отказ Пилсудского от идеи создания федерации. Независимость Белоруссии и Украины была подтверждена, Польша отказывалась от поддержки Петлюры.

Таким образом, федеративная идея, уходящая своими корнями в польское национально-освободительное движение XIX в., в 1918 – 1920 гг. пережила существенную трансформацию. Ставившая первоначально своей целью возрождение великой Речи Посполитой, эта идея постепенно превращалась в средство достижения Польшей доминирующего положения в послевоенной Европе. Это особенно ярко проявилось во время советско-польской войны, когда варшавская дипломатия в условиях преобладания в Европе мелких слабых государств, образовавшихся на обломках империй, и ослабления ранее великих держав (Россия, Германия) предприняла попытку освобождения от иностранной опеки.

Слишком агрессивная экспансионистская политика Пилсудского встретила противодействие даже со стороны польских союзников. Польше предназначалась роль буфера между Россией и Германией, и варшавские политики были вынуждены временно отбросить федеративную концепцию до 30-х гг., когда польский МИД вновь всерьез рассматривал план создания «альтернативной Европы», который стал своего рода новым витком развития федеративной концепции Ю. Пилсудского.

Список литературы

1. *Внешняя политика СССР: Сб. документов. (1917-1920)*. М., 1944. Т. 1.
2. *Дайнес В.* Тухачевский и Пилсудский // Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. М., 1992.
3. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. М., 1964. Т. 2.
4. *Красный архив*. М., 1940. Т. 5 (102).
5. *Краткая история Польши* / Ред. Ф.Г. Зуева. М., 1993.
6. *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990.
7. *Чубарьян А.О.* Европа 20-х годов: новые реалии и тенденции развития // *Европа между миром и войной 1918-1939* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1992.
8. *Buszko J.* Historia Polski. 1864-1948. Warszawa, 1985.
9. *Depesza T.* Rozwadowskiego do Naczelnego Dowództwa Wojsk Sowietów // *Monitor Polski*. 28. VIII. 1920. № 168.
10. *Documents on British Foreign Policy 1919-1939. First Series. Vol. III. № 256.*
11. *Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918-1932*. Warszawa, 1989. Т. 1.
12. *Nota ministra spraw zagranicznych do ludowego komisara spraw Zagranicznych RSFRR* // *Monitor Polski*. 23. VII. 1920. № 164.
13. *Pilsudski J.* Rok 1920. Warszawa, 1927.
14. *Suleja W.* Kresy wschodnie w myśli politycznej polskiej irredenty (1864-1914) // *Міędzy polską etniczną a historyczną*. Wrocław, 1988.
15. *Tomaszewski J.* Kresy wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX i XX w. // *Міędzy polską etniczną a historyczną* / Pod red. W. Wrzesińskiego. Wrocław, 1988.

В.И. Повилайтис
(Калининград, Россия)

ВАСИЛИЙ СЕЗЕМАН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ¹

Между двумя мировыми войнами Литва оказалась в центре геополитических игр великих держав. Небольшое государство на берегах Балтики стало предметом торга, который вели Германия и Советский Союз. Эта трагическая история, казалось, делает неприличным всякий разговор о плодотворности русско-литовского диалога, однако именно эту позицию нам кажется необходимым отстаивать, если только мы признаём, что культура творится не геополитиками, а художниками, писателями, философами.

Будем помнить, что литовская научная общественность в 20 – 30-х годах не находилась в изоляции, она была тесно связана с европейскими и российскими научными школами. Крупнейшие деятели национального возрождения не просто получали образование в России и Европе, но и впитывали идеи, владевшие лучшими умами Востока и Запада. Сохраняя свой национальный дух, литовская культура была открыта всему миру. Одним из векторов духовной жизни литовской интеллигенции стало увлечение идеями Владимира Соловьёва, который оставил заметный след в творчестве такого самобытного литовского мыслителя, как *Стасис Шелкаускас* (1886 – 1941). Обретение Литвой независимости сформулировало проблему создания национальной интеллигенции. И одним из важнейших шагов в решении данной проблемы стало открытие в 1922 г. университета в Каунасе. На шести факультетах новообразованного университета изучались теология и философия, гуманитарные, юридические, математические, технические науки, медицина. Одной из главных стала задача формирования профессионального и компетентного преподавательского корпуса.

К сожалению, национальные кадры не могли обеспечить качественного преподавания всех предметов, и приглашение иностранных специалистов по отдельным дисциплинам было самым удачным выходом. Новый университет мог позволить себе хорошо оплачивать работу приглашенных специалистов и сумел собрать под своей крышей ярких и самобытных ученых. Заметное место в научной жизни Литовской Республики играла русская диаспора. Видными учёными, оставившими заметный след в истории науки и образования в Литве, были специалисты в области права *Николай Покровский* (1865 – 1930) и *Александр*

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, код проекта – 04-03-00294а.

Яценко (1877 – 1934), историк Иван Ланто (1869 – 1944), историк и философ Лев Карсавин (1882 – 1952), философ Владимир Шилкарский (1884 – 1960)².

Одним из самых талантливых и оригинальных представителей русской культуры, навсегда связавших свою жизнь с Литвой, был философ Василий Сеземан (1884 – 1963). Он родился в Выборге. Несмотря на то, что отец его был шведом, а мать – немкой, его имя в первую очередь принадлежит русской культуре. Сеземан окончил Петербургский университет в 1909 г., после чего продолжил обучение в университетах Марбурга и Берлина, усиленно занимаясь философией Канта. Из молодых русских философов, находившихся в то время в Германии, он сблизился с Вышеславцевым, Татаркевичем, свёл знакомство с Николаем Гартманом. В 1911 г. он возвращается в Петербург и преподаёт в гимназии. В 1915 г. он уже приват-доцент Петербургского университета. Уже после революции, в голодном 1918 г., он уехал в Вятку, где занял место доцента в педагогическом институте. Через год переезжает в Саратов, где в 1920 г. получает звание профессора и работает вместе с Франком и Федотовым. Там он читает курсы логики, психологии и педагогики, философии. В 1922 г. Сеземан возвратился в Петроград и выехал в Хельсинки, для того чтобы встретиться с тяжело больной матерью. В Россию Сеземан не вернулся.

Чуть позже он переезжает в Берлин, где принимает активное участие в общественной и философской жизни эмиграции. Сеземан печатается в евразийских изданиях, но статьи его не носят евразийской окраски: по замечанию Флоровского, в те годы участие в этих изданиях таких людей, как Франк, Сеземан, Арсеньев, свидетельствовало о том, что «Евразийские Временники» не были еще «партийным» изданием» [6]. Также Сеземан принял участие в деятельности Русского научного института в Берлине и даже присутствовал вместе с Бердяевым, Карсавиным, Кизеветтером, Струве, Савицким и другими учёными на его открытии и первом заседании ученого совета [2, с. 402].

В Литве Сеземан оказался в 1923 г.³ Декан факультета гуманитарных наук университета в Каунасе Винкас Креве-Мицкявичус в поисках специалиста по философии обратился к немецкому философу Николаю Гартману. Гартман рекомендовал своего друга и ученика Сеземана, который и занял место профессора философии. В новых условиях он чувствовал себя неплохо: несмотря на то, что Литва в 20-е годы была культурной провинцией в полном смысле слова, философ не только получил возможность сносно существовать, но и встретил внимательных и благодарных учеников и коллег. Сеземан с такой же симпатией отнёсся к

² Подробную информацию о жизни русских в Литве можно получить на сайте «Русского культурного центра» (<http://www.rkc.lt>)

³ Сегодня существует целый ряд исследований, освещающих жизнь Сеземана в Литве. В качестве примера см. [7 – 9].

принявшей его стране. Достаточно быстро он выучил литовский язык, и если первые каунасские работы писал по-немецки и по-русски, то в дальнейшем все значимые труды создавались им на литовском. Видимо, Сеземану принадлежала идея пригласить в Каунас Карсавина, и именно он вел с ним переписку по этому вопросу⁴. После приезда Карсавина в Литву вокруг него собирается небольшое философское сообщество, включавшее как русских эмигрантов, так и литовцев. Участниками еженедельных собраний этого кружка были Карсавин, Сеземан, Шилкарский и Шелкаускас. Даже находясь в Каунасе, Сеземан продолжает сотрудничать с крупными эмигрантскими центрами в Берлине и Париже – первый отклик на появление «Бытия и времени» Хайдеггера встречается в журнале «Путь» (№ 14, 1928) и принадлежит Сеземану. В этой рецензии автор не просто пересказывает сочинение немецкого мыслителя, но и задает своеобразную линию его толкования (подробнее см. [4]).

В 1939 г. Сеземан переезжает вместе с университетом в Вильнюс. После войны он возвращается к активной преподавательской работе, от которой отошёл в годы немецкой оккупации. В 1950 г. Сеземан был обвинен в антисоветской деятельности и сослан в лагерь (Тайшет Иркутской области). История этого дела такова: живущая в Париже дочь Карсавина Марианна передала в Вильнюс своей сестре Ирине через министра иностранных дел Литовской ССР посылку. В посылке находились французские духи, шарф, губной карандаш и четыре номера журнала «Новое время». Следствие установило, что статьи редактора журнала Ж.-П. Сартра несут антисоветскую направленность, и Ирина Карсавина была осуждена на 10 лет. Сеземан читал эти журналы и был приговорен к такому же сроку заключения [1].

Однако и в лагере Сеземан не перестает быть мыслителем – он становится постоянным участником интеллектуальных семинаров и читает лекции по истории философии⁵. Философ вернулся в Литву через восемь лет и продолжил активную научную деятельность: в последние годы жизни он перевел на литовский язык трактат Аристотеля «О душе», подверг новой редакции довоенный спецкурс «Проблема свободы», который был опубликован в Литве уже после смерти философа в 1988-1989 гг. В философии Сеземан развивался от марбургского неокантианства к феноменологии и подверг детальному анализу проблему взаимоотношения рационального с иррациональным, которое понималось им в качестве философского абсолюта, невыразимого в положительных определениях.

⁴ После начала публикации в Литве карсавинских архивов версия, излагаемая в воспоминаниях Арона Штейнберга, согласно которой приглашение Карсавина было инициировано президентом Литвы, не подтвердилась.

⁵ Особенно близко он сошелся с Бидией Дандароном (1914 – 1974) – религиозным деятелем, наследником монгольской йогической традиции, представителем буддизма. Опираясь на воспоминания приёмной дочери Сеземана Н. Климанскене, об этом пишет В.М. Монтлевич [3].

Все исследователи, изучавшие творческое наследие Сеземана, отмечают поразительную широту его интересов и подлинную глубину и оригинальность его идей. В разные годы в сфере его интересов находились проблемы этики, эстетики, истории античной философии. Интересовался ученый и новейшими философскими течениями, много сделал для формирования литовского философского языка. Однако особое внимание он уделял проблеме познания, которая тесно связана с вопросом о прошлом и будущем внутренне противоречивой и трагичной западной цивилизации: именно знание Сеземан называет *одним из главных двигателей нынешней культуры*, и потому вопрос о природе знания есть вопрос о смысле духовной жизни и культуры.

В анализе начал современного мышления Сеземан действует в духе русской философии, связывая в категории *бытия* онтологию и гносеологию:

Проблема истины не только теоретическая проблема. Стремление к истине есть и стремление к подлинному бытию, истинной реальности и притом стремление не только к ее познанию, но и к приобщению к ней. Внутренняя сила и жизненность духовной культуры выражается прежде всего в напряженности ее исканий подлинного бытия, в свойственном ей чутье реальности и в (более инстинктивном или сознательном) умении отличать подлинное от неподлинного, реальное от мейнстримного [5].

Противопоставление и борьба бытийственных (подлинных) и мейнстримных (призрачных) начал составляет, по Сеземану, основной конфликт европейской культуры, подогреваемый разрушительной силой *рационалистических соблазнов*. Маской, скрывающей этот искусственный и бесплодный мир, долгие века была вера в реальную силу логического разума, жившая в Античности, Средних веках, эпохе Просвещения и философии романтиков. В XX веке ее место заняли *социалистические и коммунистические утопии, позитивизм* и возникший на почве романтизма *идеализм*. Если обвинения в отрыве от реальности, в умозрительности построенной для коммунистической идеологии не новы, то подобные претензии к позитивизму вызывают особый интерес: формально позитивизм основывается только на фактах и уже потому должен иметь особенно развитое *чувство реальности*.

Но все эти достоинства позитивизма ограничиваются в лучшем случае сферой "внешнего", естественнонаучного (предметного) опыта. <...> Исходя из чисто предметной установки, позитивизм не видит непосредственно ничего, кроме естественнонаучных фактов, все же остальные явления действительности (душевно-духовные) входят в его поле зрения лишь постольку, поскольку они могут быть уподоблены естественнонаучным фактам, т. е. подвергнуты опредмечиванию [5].

Трагический парадокс заключается в том, что кризис позитивизма как философского метода никак не повлиял на умонастроение среднего европейца, которое становится все более позитивистским. Его душа,

сокрушается Сеземан, может окончательно лишиться возможности воспринимать высшие формы духовности.

Современный идеализм черпает силы в открытой романтизмом способности *понимания (вживания)*. Действительно, подлинное понимание не является только интеллектуальным актом, она требует эмоционального соединения с реальностью, «которая сообщает ему характер вживания». И это вживание, с одной стороны, открывает не просто чужую индивидуальную жизнь, но жизнь целых культур и цивилизаций. Но эта способность жить *в ином* и *иным* содержит, по мнению Сеземана, великое искушение.

Как ни важно это понимающее сопереживание для внутреннего развития духовной жизни, ... всё же оно не настоящая, полноценная реальная жизнь, а лишь подобие её, лишь полуреальность... Тем не менее полуреальный характер переживаний, связанных с вживанием, настолько сближает их с первичными, неотраженными переживаниями, что они легко могут занять место этих последних и присвоить себе в духовной жизни господствующее положение [5].

На деле такая жизнь пуста, человек, живущий отражениями, а не реальным миром паразитирует на чужой духовности, отказываясь от самостоятельного творческого напряжения. Кризис европейской культуры Сеземан связывает с тем, что она утратила чувство реальности, глубоко погрузилась в сферу иллюзорного, виртуального бытия. Если эта тенденция сохранится, духовная гибель Европы кажется мыслителю неизбежной. Путь к спасению – в том, чтобы, вырвавшись из окружения химер, совершить открытие подлинного бытия, способного наполнить жизнь человека радостью и смыслом.

Список литературы

1. *Арефьева И., Шлевис Г.* Дело «алхимика» Карсавина // <http://www.kurier.lt/default.asp?PressArticleID=310227>
2. *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья.* 1918 – 1940. М., 2000.
3. *Монтлевиц В.М.* Краткая биография Б.Д. Дандарона // http://www.pravidya.ru/rus/tradition/dandaron_short_biograph
4. *Плотников Н. С.* Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. 1995. № 9.
5. *Сеземан В.* Сократ и проблема самопознания // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4.
6. *Флоровский Г.* Письма Юрию Иваску // <http://chudnov.sds.org.ua/www/text/index.php?cat=12&text=491>
7. *Genzelis B.* Kultūro sąveika. Vilnius: Mintis, 1989. P. 74–85.
8. *Mureika J.* Profesoriaus Vosyliaus Sezemanio bibliografija. Vilnius: Inž. Statybos institutas, 1983.
9. *Rastenis K.* Vosyliui Sezemanui – 100 metų // Istorija ir būtis: Filosofijos istorijos baruose / Sudarė A. Rybelis. Vilnius: Mintis, 1988. P. 337–347.

Приложение

Список основных работ Василия Сеземана
на русском, немецком и литовском языках

1. *Искусство и культура* // Версты. Париж, 1927. Вып. 2. С. 185-204.
2. *Нил Филострата* // Гермес. СПб., 1910. Вып. 6-8.
3. *Основы славянофильства* / Публ. И. Савкина // Начала. 1992. № 4. С. 64-72.
4. *Очерки по проблеме познания: о предметном и непредметном знании* // Антология феноменологической философии в России / Пер. В.А. Куренного. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 2000. Т. 2. С. 269-278
5. *Платонизм, Плотин и современность* // Логос: Международный сборник по философии культуры. Прага, 1925. Кн. 1.
6. *Рациональное и иррациональное в системе философии* // Логос. М., 1911. Кн. 1.
7. *Сократ и проблема самопознания* // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 224-267.
8. *Теоретическая философия Марбургской школы* // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 5. С. 1-34.
9. *Эстетическая оценка в истории искусства* // Мысль. Пг., 1922. № 1.
10. *Beiträge zum Erkenntnisproblem: Das Logisch-Rationale*. Eranus. Kaunas, 1930. Vol. 1: Humanitarinių mokslų fakulteto raštai.
11. *Beiträge zum Erkenntnisproblem: Über gegenständliches und ungegenständliches Wissen* // Ibid.
12. *Zum Problem des reinen Wissens: Philosophischer Anzeiger*. B., 1927. H. 2, 3.
13. *Das Problem des Idealismus in der Philosophie* // Antrittsvorlesung gehalten an der humanistischen Fakultät der litauischen Universität. Kaunas, 1925. Кн. 1.
14. *Der Rhythmus und seine Bedeutung für Kunst und Erziehung*. Petersburg, 1913.
15. *Die bolschewistische Philosophie in Sowjetrusland* // Der russische Gedanke. Bonn, 1931. H. 2.
16. *Die Ethik Platons und das Problem des Bösen* // Philosophische Abhandlungen: Hermann Gohens zum 70. Geburtstag (4. Juli 1912). B., 1912.
17. *Studien zum Erkenntnisproblem: Rationales und Irrationales* // Kaunas, 1927. T. 3.
18. *Zum Problem der Dialektik* // Blätter für deutsche Philosophie. B., 1935. Bd. 9. H. 1.
19. *Zum Problem des reinen Wissens: Philosophischer Anzeiger*. B., 1927. H. 2, 3.
20. *Estetika*. Vilnius: Mintis, 1970.
21. *Laisves problema* // Problemos 39. P. 83-107; Problemos 40. P. 103-120; Problemos 41. P. 99-118 (1988 – 1989).
22. *Logika*. Kaunas: Rankus, 1928.
23. *Paskaitos*. Kaunas: Humanitarinių mokslų fakultetas, 1929.
24. *Raštai*. [T. 1:] Gnoseologija / Parengė A. Lozuraitis. Vilnius: Mintis, 1987.
25. *Raštai*. [T. 2:] Filosofijos istorija. Kultūra / Sudarė L. Anilionytė. Vilnius: Mintis, 1997.

*Е.А. Маслов
(Калининград, Россия)*

**НЕПРАВОСЛАВНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РЕГИОНА 1948 – 1958 гг.**

В ходе массовой депортации немецкого населения из Калининградской области, образованной после Второй мировой войны на территории северной части бывшей Восточной Пруссии, на передний план во взаимоотношениях представителей традиционных конфессий с властью вышли православные верующие. Вместе с ними среди религиозно-политических акторов появились неправославные конфессиональные группы, образованные советскими переселенцами.

Первые известия о них содержатся в записке сотрудника центрального аппарата Совета по делам религий и культов (СРК) Г.Я. Врачева своему руководству от 12 февраля 1947 г. Здесь лаконично отмечалось, что на начало 1947 г. в регионе имелись небольшие группы сектантов и старообрядцев¹. Информация о последних в источниках второй половины 1940-х – 1950-х гг. встречается еще два раза. Причём в обоих случаях тоже просто фиксировался факт их присутствия в регионе без каких-либо уточнений². Таким образом, нельзя установить даже то, какое направление старообрядчества было представлено в Калининградской области – церковное (поповцы) или сектантское (беспоповцы). Тем более, что ничего неизвестно о политической деятельности этой религиозной группы (или групп). Аналогичные сведения находятся в нашем распоряжении относительно мусульман, иудеев и католиков. Так, в мае 1948 г. уполномоченный СРК докладывал московскому начальству (И.В. Полянскому), что в области, наряду с верующими иных конфессий, находятся «последователи магометанского исповедания»³. В ноябре 1949 г. он писал уже заведующему отделом агитации и пропаганды обкома партии К.В. Булгакову о том, что, за исключением

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 698. Л. 2 – 3.

² Оба упоминания принадлежат уполномоченному СРК по Калининградской области А.И. Глазких. В служебном письме от 6 февраля 1948 г. уполномоченным СРК по Белорусской ССР, Орловской, Воронежской и Курской областям он указывал, что среди калининградских переселенцев имеются старообрядцы. То же самое сообщалось в записке А. Глазких на имя председателя его ведомства И.В. Полянского от 13 мая 1948 г. (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 6 – 9, 40).

³ Там же. Л. 40.

православных и ЕХБ, «остальные культы (иудейское, магометанское и др.) носят единичный характер»⁴.

Обстоятельнее всего источниками освещена политическая деятельность в регионе сектантов, главным образом – евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Во взаимоотношения с властью калининградские сектанты вступили только после депортации из области германского населения. Кстати, с единственной немецкой сектантской группой – общиной баптистов – их единоверцы из числа советских переселенцев контактов не имели. Для уполномоченного СРК рубеж 1947 и 1948 гг. оказался переходным этапом. Выезжали немцы, поэтому объем его работы значительно сокращался. Вопросы, касающиеся РПЦ, все более приобретавшие актуальность, А. Глазких в Москве решать запретили. Устно ему поручили обратить внимание на сектантов⁵. Однако «видимой активности» они несколько месяцев не проявляли, хотя и дали о себе знать «фирменным» для такого рода конфессий методом религиозной пропаганды – распространением «святых писем»⁶. Нелегальной агитацией сектантов занялись сотрудники МГБ⁷. Уполномоченный же принялся выяснять, откуда могли прибыть в область его потенциальные подопечные (чтобы выяснить, где конкретно они расселились) и чего от них можно ожидать. В этих целях в начале февраля 1948 г. им были отправлены письма коллегам из Белорусской ССР, Воронежской, Курской и Орловской областей с просьбой рассказать о формах и методах работы сектантов, а также о районах их преимущественного сосредоточения в регионах выхода⁸. По меньшей мере от двух адресатов (из Орловской и Воронежской областей) были получены ответы, которые, видимо, чем-то помогли калининградскому чиновнику по религии⁹. Уже к маю, то есть в тот момент, когда только шло организационное оформление сектантских групп, А.И. Глазких довольно точно определил факторы («богатую почву»), которые способствовали их возникновению, и характер «угрозы», от них исходящей. Об этом в начале мая 1948 г. было уведомлено руководство СРК и обком ВКП(б).

⁴ Там же. Д. 8. Л. 32. Интересно, что современный лидер исламской общины Калининградской области Х.И. Биктеев был участником штурма Кёнигсберга и проживает в регионе с 1945 г. См. интервью с ним [12].

⁵ Об этом можно сделать вывод на основании переписки А.И. Глазких и облисполкома с центральным аппаратом СРК в начале 1948 г. (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 – 14 об.).

⁶ Там же. Л. 36 – 39. По мнению А. Глазких, «святые письма», впервые появившиеся в приграничных с Литвой городах – Советске и Немане, распространяли баптисты, небольшая группа которых (6 – 7 человек), по не проверенным уполномоченным данным, сложилась в конце 1947 – начале 1948 г. в Советском районе (там же. Л. 39).

⁷ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 37.

⁸ ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 7 – 9.

Главным образом имелись в виду баптисты, но, кроме того, упоминались молокане и адвентисты:

«...а) Отсутствие православной церкви даёт возможность баптистам заниматься миссионерской работой, вербовкой в свою секту – инаковерующих – православных.

б) Расселение колхозников и рабочих совхозов по хуторам ограничивает наблюдение за их работой, даёт им возможность работать долгое время незамеченными, тем более, что в быту и в трудовых процессах они служат примером.

в) У сектантов легче обстоит дело с «кадрами», чем это в православной церкви, чтобы быть проповедником у сектантов, достаточно быть грамотным, но чтобы быть священником, надо иметь к этому подготовку¹⁰.

Следовательно, баптистская секта является наиболее нежелательным явлением в своем развитии, тем более, что:

а) Эта секта является интернациональной, фанатической, быстро размножающейся, при вербовке в секту применяются меры взаимопомощи.

б) Эта секта повсеместно занимается религиозной пропагандой, трудноуловимая в своей работе.

в) Являясь международной сектой, она имеет своих последователей во всем мире, а в Америке всемирный Баптистский центр идейно, а иногда организационно поддерживает связь со своими последователями»¹¹.

Апеллируя к данной оценке потенциала сектантских групп и даже немного припугнув начальство выводом о том, что «религиозные настроения ищут все пути, чтобы вырваться наружу», А.И. Глазких предложил председателю СРК легализовать деятельность культов (в том числе и православных общин), а несколькими днями позже (13 мая 1948 г.) – заменить утратившую смысл должность переводчика в аппарате калининградского уполномоченного на должность инструктора¹². Думается, в этих предложениях был еще один резон – желание его автора вновь обрести широкое поле служебной деятельности (иначе возникла опасность потерять работу). В Москве, конечно же, не разрешили легализовать то, что только готовилось «вырваться наружу». Ведь на май 1948 г. на столе уполномоченного СРК не было ни одного

¹⁰ Об эти факторах, затруднявших работу с сектантами, уполномоченный СРК впоследствии напоминал начальству (и московскому, и обкомовскому) чуть ли не в каждом своем служебном письме или отчете.

¹¹ Прочитрованы строки из справки уполномоченного СРК секретарю Калининградского обкома ВКП (б) В.В. Щербакову от 7 мая 1948 г. (ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98. Л. 115 – 116; Д. 49. Л. 32 – 33). Практически то же самое (в немного сокращенном варианте) А.И. Глазких написал председателю СРК в отчете о проделанной работе от 10 мая и в служебной записке от 13 мая 1948 г. (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 39 – 40).

¹² ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 39 – 40.

официального заявления от верующих тех конфессий, которые находились в его компетенции. Что касается замены переводчика на инструктора, то ее санкционировали фактически, но оформить эту реорганизацию юридически – внести соответствующее предложение в Государственную штатную комиссию при СМ СССР – руководители СРК отказались. Данный бюрократический маневр многозначительно объяснялся «известными Вам (А.И. Глазких. – Е.М.) причинами»¹³. Вне всяких сомнений, здесь подразумевалось ослабление политических позиций ведомств И.В. Полянского и Г.Г. Карпова, вызванное подготовкой антирелигиозного решения отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Около полугода уполномоченный СРК по Калининградской области пытался выявить сектантские группы. Председателям рай- и горсоветов он предложил обратить особое внимание на возможную работу ЕХБ в упоминавшейся выше (в разделе о православных верующих) инструкции облисполкома от 11 января 1949 г.¹⁴ Однако более существенной информацией, нежели факты распространения кем-то «святых писем» и непроверенные сведения о наличии на окраинах региона маленьких общин ЕХБ, уполномоченный похвастаться не мог. Всё это время А. Глазких, не извежая московское начальство, занимался по преимуществу делами верующих РПЦ и, кроме того, выполнял посторонние поручения облисполкома, вроде агитационных поездок, инспекций колхозов, проведения сессий райсоветов и т. п. Лишь в конце 1948 г. на его удочку попался первый подопечный – пресвитер (что-то вроде старшего проповедника) ЕХБ М.П. Реутский¹⁵, который в своей квартире на ул. Александра Невского Ленинградского района Калининграда по воскресеньям проводил молитвенные собрания единоверцев¹⁶. При личной встрече с пресвитером уполномоченный выяснил, что тот не намерен возбуждать вопрос о регистрации общины, «так как нет двадцатки»¹⁷.

Сообщение А. Глазких о М.П. Реутском вызвало негативную реакцию в столице. Сам председатель СРК И.В. Полянский 5 февраля 1949 г. направил в Калининград письмо с критикой и чёткими инструкциями по поводу дальнейшей линии поведения в отношениях с активистами ЕХБ: «В бытность Вашу в командировке в Москве СРК рекомендовал Вам заняться выявлением и изучением в Калининградской области сектантских формирований. Эта рекомендация Совета вызывалась тем, что среди переселенцев в Калининградскую область, как

¹³ ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 6 – 7.

¹⁵ Реутский М.П.: пресвитер ЕХБ; в Калининград переселился с семьёй в 1946 г.; прежде руководил баптистским обществом в Закарпатской области (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 484. Л. 7).

¹⁶ Там же; ГАКО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 20. Л. 11.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 484. Л. 7.

указывалось Вам, немало выходцев из Орловской, Курской, Тамбовской и Брянской областей, где особенное распространение имеют евангельские христиане-баптисты.

Вы правильно поступили, включив в план своей работы вопросы, связанные с этими указаниями Совета, но неправильно делаете, когда не освещаете в своих информационных отчетах, как выполнена Вами эта работа и какие Вы получили при этом данные. А между тем, как это явствует из Вашего отчета за IV квартал 1948 г., сектанты уже начали проявлять свою деятельность...

Совет предлагает Вам серьезно заняться выявлением сектантских групп и тщательно следить за их поведением, своевременно пресекая их незаконную деятельность. В частности, необходимо предупредить Реутского о прекращении молитвенных собраний его группы и об его ответственности за нарушение Советского законодательства о культах. Совет не рекомендует Вам наталкивать сектантов на оформление этих групп, а в случае попыток с их стороны добиться оформления – находите благовидные предлоги для отклонения их ходатайств, используя для этого, в частности, и такой аргумент, как отсутствие у сектантов молитвенных зданий»¹⁸.

Учитывая политические условия тех дней и месяцев, надо признать: иных рекомендаций тогда поступить и не могло. Напомним, спустя ровно неделю после появления цитированного письма К.Е. Ворошилов заявил Полянскому, что какие-то шансы на удовлетворение ходатайств имеют только те верующие, которые собрали не менее 1000 подписей (вместо необходимых по закону 20). К тому же в СРК еще в начале 1947 г. ЕХБ были однозначно квалифицированы в качестве «вредоносной» секты, о чем тоже ранее говорилось.

По источникам нельзя точно сказать, каким образом воспринял эту критику А.И. Глазких. В его архиве не осталось каких-либо материалов по сектантам, относящихся к периоду с начала февраля по конец июня 1949 г. Из содержания более поздних документов можно догадаться, что он особо не тревожился, поскольку М.П. Реутский тщательно скрывал свою пастырско-проповедническую деятельность и не предъявлял претензий на регистрацию. Для очистки же совести уполномоченный иногда вызывал к себе пресвитера ЕХБ на беседу¹⁹. Сюда необходимо добавить и такое наблюдение. В течение данных месяцев А. Глазких был занят работой, не связанной с исполнением его прямых функциональных обязанностей. К тому же 1 августа 1949 г. на основании решения Государственной штатной комиссии облисполком сократил должность переводчика в аппарате уполномоченного²⁰. Значит, на плотную опеку Реутского просто не оставалось времени и сил.

¹⁸ ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 – 10 об.

¹⁹ Например, 20 июня 1948 г. (там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 11).

²⁰ Там же. Д. 14. Л. 47 – 48.

Именно при выполнении посторонней нагрузки – очередного поручения обкома и облисполкома Калининградской области – уполномоченный выявил новую группу ЕХБ в Черняховском районе. Сложилась она вокруг семей Тюниных и Журавлёвых, проживавших в колхозе им. Тельмана²¹. По словам самого А.И. Глазких, на первых порах эти переселенцы из Курской области ничем не выделялись. Вскоре же они стали искать последователей и начали проводить молитвенные собрания, но не в своем селе, а «в целях маскировки» по соседству – в колхозе им. Парижской коммуны, в г. Черняховске и в других местах. Более того, взятые на учет верующие ЕХБ начали «капитально оседать на калининградской земле, т. е. «завозить» в Калининградскую область всех своих родственников, где бы они ни находились». Сильнее же всего А. Глазких встревожило известие о том, что лидеры этой религиозной группы «имели желание приехать в г. Калининград к Уполномоченному с целью повести переговоры об организации общины» и послали во ВСЕХБ «какое-то заявление... о своей работе»²².

Предварительно сделав запрос о Тюниных и Журавлёвых уполномоченному СРК по Курской области, калининградский чиновник по религии в конце июля 1949 г. доложил о появлении новой группы ЕХБ своему московскому руководству²³. К данному факту прилагалась еще одна интересная новость: пресвитер Реутский продолжал «проводить молитвенные собрания у себя на дому среди своей семьи», причем собрания иногда посещали военнослужащие рядового состава²⁴. Письменная реакция из центрального аппарата СРК на сообщение из Калининграда не поступала до конца года. Всё это время А.И. Глазких регулярно передавал И.В. Полянскому дополнительные сведения о подпольной деятельности ЕХБ.

²¹ Иван Иванович Тюнин: 1885 г.р.; верующий ЕХБ с 1912 г., крещение принял в Киеве; проповеднической деятельностью занимается с 1913 г.; с 1945 г. пресвитер общины ЕХБ села Густомой Льговского района (численность около 20 человек); в период оккупации жил в своём селе; под судом не был и избирательных прав не лишился; выехал в Калининградскую область в середине 1949 г. вместе с женой (Ефросиния Григорьевна Тюнина: 1885 г.р., верующая ЕХБ с 1913 г.) к дочери (Устиния Ивановна Тюнина: 1913 г.р., верующая ЕХБ с 1933 г.) с зятем (Андрей Дмитриевич Тюнин: в списках верующих Густомойской общины ЕХБ не числился); Семён Леонтьевич Журавлёв: 1908 г.р.; верующий ЕХБ с 1940 г.; в годы войны был в Красной армии; видимо, вместе с матерью (Елена Евдокимовна Журавлёва: 1873 г.р., верующая ЕХБ с 1924 г.) входил в состав Хрулевской общины ЕХБ Коньшевского района; оба, а также жена и дочь Журавлёва, выехали в Калининградскую область предположительно в 1947 г. (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1 Д. 8. Л. 12 – 16).

²² Там же. Л. 15.

²³ Там же. Л. 12, 14 – 16. Весьма содержательный ответ от уполномоченного СРК по Курской области Отцовского пришёл 11 августа 1949 г. (там же. Л. 13).

²⁴ Там же. Л. 16.

В частности, послание от 21 ноября содержало такие сведения. «Совершенно недавно прибыла (в г. Калининград. – *Е.М.*) к своему сыну из Курской области, Коньшевского района гражданин Русанов Р.И. активный деятель Коньшевской общины ЕХБ, руководитель хора этой общины, принявшая крещение в 1913 г. Она посетила Уполномоченного с целью узнать, есть ли в Калининградской области религиозные общины ЕХБ или отдельные последователи этой веры с тем, чтобы установить с ними контакт». Далее отмечалось, что пресвитер Тюнин и семья Журавлёвых «продолжают, по существу, свою работу нелегально. У себя на квартире или в других местах они проводят групповые молитвенные собрания не только с членами своей семьи, но приглашают и посторонних. Эта группа в количестве до 20 человек раскинула свои щупальцы в радиусе до 10 километров и нащупала своих последователей в других колхозах, на конезаводе и в г. Черняховске. Работу ведёт исключительно настойчиво и упорно. Представители этой группы 20 октября 1949 г. были у председателя Черняховского райисполкома со списком инициативной группы, с просьбой разрешить проводить им молитвенные собрания». По словам А. Глазких, они получили отказ и рекомендацию обратиться к уполномоченному СРК, то есть к нему самому. Кроме того, в письме упоминалось о пресвитере М.П. Реутском, создавшем в Калининграде группу ЕХБ до 20 человек и попытавшемся провести её собрание «с тем, чтобы поставить вопрос об организации религиозной общины». Однако «это собрание не состоялось». «Днями он его созывает вторично». В этом же письме сообщалось о попытке бывшего келейника Виленского архиепископа сформировать общину ЕХБ²⁵.

Через два дня (23 ноября) в СРК от А. Глазких была направлена новая порция информации. Теперь уже в основном о группе Тюниных и Журавлёвых из Черняховского района. Выяснилось, что на одном из ее собраний состоялось избрание руководящих органов общины (председатель совета, секретарь и члены совета), в которые вошли лица из разных населенных пунктов²⁶. Причём не только из Черняховского района, но также из соседних ему Большаковского и Озерского районов. Уполномоченный уточнил численный состав группы – более 20 человек крещёных и около 15 «приближённых» – и отметил присутствие в ней молодежи 1925 – 1932 годов рождения²⁷. Также в письме указывалось, что руководители группы поддерживают тесный контакт с ВСЕХБ и отправляют туда деньги. Они ещё раз обращались в райис-

²⁵ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 52. Л. 85 – 86.

²⁶ Интересно, что у секретаря общины Гнилищкой (1927 г.р.) брат был членом ВКП (б) и в то же время верующим ЕХБ – крестился в 1946 г. (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 25).

²⁷ «Приближённые» (испытываемые) – сектантский аналог «оглашённых» в раннехристианские времена, то есть те, кто готовится принять крещение.

полком 17 ноября с просьбой предоставить им молитвенное помещение, но получили отрицательный ответ²⁸. В заключение А. Глазких отчитался о том, что разъяснил председателю Черняховского райисполкома и секретарю райкома партии, насколько нежелательна и вредна деятельность ЕХБ²⁹.

Уполномоченный СРК действительно не сидел сложа руки, хотя и был сильно занят далёкими от религиозной политики поручениями. Наряду с проведением устного инструктажа районных чиновников он пытался вовлечь их в работу с сектантами посредством письменных распоряжений. 25 ноября 1949 г. А. Глазких разослал председателям Большаковского, Железнодорожного, Калининградского сельского райисполкомов, а также Балтийского, Гусевского и Неманского горисполкомов (то есть в те места, где были зафиксированы группы ЕХБ) секретное письмо облисполкома от 16 июля 1947 г. о прекращении деятельности незарегистрированных религиозных обществ. В сопроводительной записке к нему сообщалось, что вводная – посвящённая немецким религиозным группам – часть секретного письма устарела, но пункты, обязывающие пресекать нелегальную деятельность профессиональных общин, нужно строго соблюдать³⁰.

Призыв этот не получил особой поддержки. Уполномоченному пришлось работать без существенной помощи на местах. Его же новые подопечные оказались крепким орешком. Проникнутые богословским и житейским рационализмом, умудрённые огромным опытом проти-

²⁸ Это заявление (условно датируется по резолюции на нем 17 ноября 1949 г.) сохранилось. Оно представляет собой первый по времени документ, принадлежащий калининградским ЕХБ, из хранящихся в фонде уполномоченного СРК ГАРФ. Приведём текст данного источника с незначительными сокращениями: «Просим... указать помещение, соответствующее техническому устройству; так как закон регистрации требует, чтобы помещение было вполне безопасным не угрожало обвалу, чтобы не случился пожар. Об этом техником должен быть составлен акт, и он должен подписаться. Мы должны иметь договор с начальником горжилконторы, чтобы содержать помещение в санитарной гигиены, и обязуемся в сроки оплачивать денежную оплату, наложенную контору. Просим Рай. Совет депутатов трудящихся не отказать нашей просьбы для укрепления регистрации перед областным уполномоченным по делам религиозных культов, согласно закона Конституции, статьи 124» (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 25; Оп. 2. Д. 20. Л. 14. Сохранена орфография и пунктуация оригинала). Примечателен тон заявления. Оно напоминает скорее инструкцию чиновникам по поводу того, что и как они обязаны делать, нежели смиренную просьбу о помощи. Такой стиль общения был характерен для ЕХБ, да и для многих других сектантов тоже. На заявлении черняховской группы ЕХБ некто товарищ Берендгогин поставил следующую резолюцию: «Дома в наличии нет и представить не можем» (там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 14). Устно же лидеру общины ЕХБ И.И. Тюнину еще раз был дан совет обратиться к уполномоченному СРК (там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 23 – 24).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 28.

водействия властям – как царским, так и советским – активисты ЕХБ знали себе цену и упорно боролись за свои права. Дважды получив отказ в регистрации от черняховских районных чиновников, пресвитер И.И. Тюнин в начале декабря 1949 г. посетил уполномоченного и попытался теперь уже его убедить в необходимости легализовать сложившуюся общину. Разумеется, А. Глазких отказался это сделать, сославшись на норму закона, по которой члены общины должны проживать в одном городе или селе. Через несколько дней – 12 декабря – к нему пришло письмо, являвшееся официальной реакцией черняховской группы ЕХБ на визит ее лидера к уполномоченному: «Выслушавши Ваше предложение через пресвитера Тюнина И.И. о невозможности зарегистрировать нашу общину в виду того, что она не имеет 20 членов в одном населенном пункте и запрещении проведения собрания. Но Ваше предложение нас не удовлетворяет а по этому мы просим Вашего разрешения собираться по домам и выдать нам документ о разрешении проведения собраний по домам. Просим не отказать в нашей просьбе»³¹. Это требование было настолько же вызывающим по тону («Ваше предложение нас не удовлетворяет»), насколько противозаконным по сути. Думается, ни один чиновник в стране, призванный решать религиозно-политические вопросы, не отважился бы санкционировать домашнюю культовую практику.

Одновременно с заявлением группы И.И. Тюнина А. Глазких получил наконец письменные директивы от руководства СРК³². И.В. Полянский, подвергнув суровой критике калининградского уполномоченного за то, что тот не сумел пресечь на корню формирование общин ЕХБ, предложил ему через облисполком указать всем райисполкомам на недопущение организованной деятельности сектантов, а также строго запретить молитвенные собрания баптистских групп из Калининграда и Черняховского района. Данное указание А.И. Глазких оперативно исполнил – 28 декабря 1949 г. председателям рай- и горисполкомов Калининградской области за подписью заместителя председателя облисполкома В. Кролевского было разослано письмо, в котором настоятельно рекомендовалось усилить наблюдение за деятельностью ЕХБ и не допускать проведения ими молитвенных собраний. Обо всех фактах нелегальной работы сектантов предлагалось докладывать уполномоченному СРК³³.

Новая «бумажка», вышедшая из-под пера А. Глазких, ничуть не изменила ситуацию. Вскоре его вторично посетил И.И. Тюнин и стал настойчиво добиваться письменного отказа, ссылаясь на требования ВСЕХБ. В качестве средства убеждения пресвитер использовал информацию о том, что «в обращении Всемирного Конгресса мира ска-

³¹ ГАКО. Ф. 246. Оп. 2. Д.20. Л.15. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

³² Письмо И.В. Полянского уполномоченному СРК по Калининградской области было отправлено из Москвы 8 декабря 1949 г. (там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 22).

³³ Там же. Л. 35.

зано, что в борьбе за мир призываются трудящиеся всего мира, независимо от религиозных убеждений, верующие же СССР этого права не имеют»³⁴. Вернувшись без положительного результата, Тюнин продолжил проводить подпольные молитвенные собрания своей группы.

Об этом факте в феврале 1950 г. уполномоченный также доложил в СРК, дополнив его политической характеристикой своего недавнего посетителя³⁵ и просьбой разъяснить, можно ли вообще не принимать ходатайства от сектантов и скрывать от них порядок открытия молитвенных зданий³⁶. В том же письме А.И. Глазких попытался оправдаться перед начальством. Дескать, наблюдал за сектантами, изучал их и, несмотря на многочисленные командировки, принимал разнообразные меры. Думал, надо писать чистую правду, а выгоднее было утаить истинное положение дел и т. п. Столь искренняя позиция, отражавшая положение вещей, типичное для других регионов, нашла понимание в центральном аппарате СРК. Пришедший в начале мая ответ, подписанный заместителем председателя Совета Ю. Садовским, оказался без существенных критических замечаний и, что было очень ценно для калининградского уполномоченного, содержал инструкции по поводу дальнейшей линии поведения в отношениях с сектантами. В СРК рекомендовали продолжить внимательное наблюдение за деятельностью ЕХБ, поскольку это «не такой культ, чтобы его последователи так быстро отошли от него. Одна из особенностей ЕХБ – это быстрая приспособляемость к условиям, обстановке и лицемерие». Отказывать в приеме ходатайств верующих, а также утаивать от них порядок открытия молитвенных зданий в данном письме было запрещено. При этом говорилось, что если правильно оформленные заявления появятся, следует переслать их в СРК для получения рекомендаций³⁷.

Дисциплинированный А.И. Глазких как мог исполнял полученные директивы – по-прежнему наблюдал за известными ему сектантскими группами и откровенно докладывал о проделанной работе. В СРК он успел отправить еще три донесения, которые наглядно демонстрировали тенденцию роста активности ЕХБ Калининградской области. Так, из информационного письма уполномоченного от 1 июня 1950 г. мы узнаем, что до приезда И.И. Тюнина среди одиночек-верующих ЕХБ ходили слухи, будто бы к ним прибудет руководитель и начнет объединение представителей их культа. Эти надежды, по признанию А. Глазких, оказались небезосновательными – И.И. Тюнин установил

³⁴ Там же. Л. 37 – 38.

³⁵ Об И.И. Тюнине уполномоченный писал: «К колхозному строительству относится настороженно, активного участия в работе его не принимает. ... за свои антиколхозные настроения авторитетом среди колхозников не пользуется» (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 37).

³⁶ Там же. Л. 39.

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 1 – 1 об.

личный контакт с Реутским и убедил его возобновить работу. Под видом семейных молений пресвитер из Калининграда стал собирать у себя на квартире до 30 человек – в большинстве своём молодёжь. В письме дана любопытная характеристика личных качеств проповедников ЕХБ: «По своему диапазону пресвитер Тюнин стоит несомненно выше Реутского. Тюнин начитан, следит за политической жизнью. Исключительно настойчив в своих мероприятиях, обладает даром слова. Держит связь с ВСЕХБ. По своему виду солидный. Этими качествами Реутский не обладает. На вид он неряшлив. Способность убеждения отсутствует»³⁸

В письме И.В. Полянскому от 21 сентября 1950 г. А.И. Глазких сообщал, что пресвитеры Тюнин и Реутский, несмотря на многократные предупреждения, не только не прекратили, но активизировали свою работу. Реутский «по сути дела, явочным порядком стал проводить молитвенные собрания на дому с участием своих последователей, для чего в квартире отвел специально для этой цели комнату».

Кроме того, вопреки запрещению проведения праздника жатвы, как ничего общего не имеющего с догматикой, 17 сентября 1950 г. на квартире Реутского с участием Тюнина был проведен праздник день урожая с участием до 40 человек посторонних³⁹. Такие праздники день урожая они намерены провести в 4-м и Гусевском районах Калининградской области⁴⁰. Данное письмо заканчивалось вопрошанием «что делать?» – вызвать к себе нарушителей и предупредить еще раз или прибегнуть к административным мерам через местные органы власти?

Наконец, в последнем своём послании московскому руководству – от 10 октября 1950 г. – А.И. Глазких сокрушался, что предупреждения

³⁸ ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 – 4.

³⁹ В составленной четырьмя днями позднее докладной записке секретарю обкома партии И.П. Трифонову о сектантах, к которой далее нам еще предстоит обратиться, А. Глазких следующим образом описывал данный обряд ЕХБ: «Главной задачей проведения «праздников жатвы» становится проведение особой, по специально разработанной программе работы среди молодежи... «праздник жатвы» или «вечер любви» состоит в организации на коллективных началах трапезы. Участники праздника производят сбор продуктов. Из них организуется обед и чай. Сбор на праздник производится по воскресным дням с 12 часов дня и продолжается до 7 – 8 часов вечера. Во время трапезы читается евангелие, поются псалмы, священные песни и ведется беседа на богословские темы. Если на эту трапезу приходит кто-либо посторонний, он также приглашается на этот обряд. Организаторы такого обычая всегда при изготовлении обеда и т. д. делают несколько блюд с запасом на случайных посетителей... Проведение этих обычаев не только незаконно с точки зрения Советского законодательства, но даже запрещено Всесоюзным советом баптистов, т. е. верховным органом» (там же. Л. 14).

⁴⁰ Там же. Л. 9.

на Тюнина не действуют и молитвенные собрания ЕХБ стали носить еще более серьезный характер. В письме отмечались новые факты нарушений: «24 сентября 1950 г. на частной квартире одной работницы конезавода... был организован праздник урожая с количеством присутствующих на нем до 30 человек. В том числе на этом празднике присутствовало 7 человек иногородних «ехб» из г.Калининграда, Озёрска, Железнодорожного района и др. ... в июне месяце 1950 г. группа, возглавляемая этим пресвитером (И.И. Тюниным. – Е.М.) со своими последователями явочным порядком в Черняховском районе организовала два водных крещения (под открытым небом. – Е.М.)». Далее уполномоченный доложил, что во время беседы с пресвитером Реутским выяснилось, что калининградские ЕХБ намеревались по воскресным дням проводить обряд «преломления хлеба», однако Реутский получил строгое предупреждение не заниматься противозаконной деятельностью⁴¹. Партийному же и советскому руководству Черняховского района и г. Калининграда уполномоченный, по его свидетельству, дал личные указания в отношении общин ЕХБ и их лидеров⁴².

Все факты, приведённые в этих письмах, а также вопросы, адресованные председателю СРК, словно ушли в пустоту. Начиная с лета 1950 г. из Москвы не поступило ни одного документа на имя А. Глазких. Последним вышестоящим политическим органом, с которым ему пришлось иметь дело по поводу сектантов, оказался обком партии. Четырнадцатого октября 1950 г. уполномоченный направил туда – на имя секретаря обкома по пропаганде и агитации И.П. Трифонова – докладную записку о нелегальной работе ЕХБ. В ней преимущественно повторялись сведения, ранее передававшиеся в СРК. Вместе с тем этот документ содержал и некоторые новые факты, расширяющие наши представления о деятельности верующих данного культа. Выясняется, что небольшие группы ЕХБ в 2 – 3 человека находились в каждом районе области, а в Гусевском районе такая группа насчитывала до 15 верующих. Самыми же крупными общинами оставались калининградская (пресвитера Реутского) и черняховская (пресвитера Тюнина). Последняя свою работу развернула на конезаводе в Черняховске, в особняке, принадлежавшем верующим ЕХБ – семье Бароненковых. В составе обеих групп пребывало немало молодёжи. Одного такого человека А. Глазких выделил особо: «Характерен из них... гражданин Берд-

⁴¹ И этот обряд описан уполномоченным в его справке И.П. Трифонову от 14 октября 1950 г.: «Преломление хлеба у «ехб» могут производить только пресвитеры, этот обряд приурочивается также к выходным дням с расчётом привлечь на него больше посторонних. Для проведения этого обряда берется хлеб или небольшая булка, над ней совершается богослужение, читается евангелие, поются псалмы, потом этот хлеб делится на части и раздается по кусочку всем участникам. После этого продолжаются беседы на богословские темы» (ГАКО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8. Л. 14).

⁴² Там же. Л. 10 – 11.

ник Алексей Юрьевич, он работает в Морском торговом порту помощником начальника склада, за его стахановскую работу его портрет не сходит с доски почета.

Между тем настроен он фанатически. Кино и театр не посещает, т.к. не находит там ничего хорошего кроме хулиганства и т. д., книг не читает, по его заявлению, только в евангелии и псалмах он видит хорошее, а всего ему 23 года»⁴³.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, цитированная записка стала «лебединой песней» А.И. Глазких. В обоих правительственных Советах по религии в течение 1950 г. проходило сокращение штатов. В первую очередь оно коснулось института уполномоченных. Их убирали, разумеется, там, где объем работы был наименьшим. Например, на Сахалине и в других регионах. Осенью 1950 г. пришла очередь Калининградской области, чем, видимо, и объясняется молчание СРК в ответ на письма А. Глазких второй половины 1950 г. Его просто списали со счетов. Шестого октября Государственная штабная комиссия приняла решение № 7–4286, согласно одному из пунктов которого должность уполномоченного СРК по Калининградской области сокращалась. Двадцать пятого октября того же года облисполком на основании указанного решения сократил данную должность с 1 ноября 1950 г.⁴⁴

Дальнейшая деятельность сектантов в регионе и развитие их взаимоотношений с властью гораздо хуже освещены известными нам источниками. Более того, выявленные факты разновелики по информативной ценности, неравномерно распределяются по годам и крайне разрознены по своему источниковому происхождению. Данные трудности, однако, не мешают получить общее представление о сектантском аспекте религиозно-политической истории Калининградской области 1950-х гг. Правда, картина складывается менее ясная, чем в предшествующий период, поскольку возникают хронологические лакуны и не всегда понятна связь событий.

После ликвидации должности уполномоченного СРК вплоть до 1952 г. никаких известий о калининградских сектантах, об их отношениях с властями нами не найдено. Думается, большинство групп ЕХБ, сложившихся ранее, в конце 1940-х гг., сохранялось и в начале следующего десятилетия. В 1952 г. в Калининграде появились две новые конфессиональные группы, что выясняется из интервью лидеров современных сектантских общин области. Первую из них образовали

⁴³ Там же. Л. 13 – 14.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 210. Л. 55. Служебная карьера Анатолия Ивановича продолжилась на родственном поприще. По предложению Калининградского горкома ВКП(б) 15 сентября 1951 г. решением бюро обкома партии он был утверждён директором вечернего университета марксизма-ленинизма Калининградской области. См.: ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 26. Л. 33.

ЕХБ. Свои собрания они проводили на частной квартире в одном из домов по ул. Очаковской областного центра (интервью с пастором «Церкви мира» Анатолием Ивановичем Крикуном [12]). Попытка этой группы трансформироваться в полноценную общину закончилась неудачно⁴⁵. Вторую группу сектантов, возникшую в 1952 г., составили «несколько пятидесятников» из Западной Белоруссии, примкнувших вначале к ЕХБ (к кому именно – неизвестно), а в 1953 г. обособившихся из-за разногласий «по поводу основ вероучения»⁴⁶. В дальнейшем пятидесятники, в отличие от ЕХБ, не поднимали вопрос о легализации. Их нынешний проповедник Л.Е. Калацкий объясняет такую позицию следующим образом: «Мы не желали регистрироваться в силу тех обстоятельств, что сталинское, даже еще ленинское, законодательство, которое существовало вплоть до Горбачёва, абсолютно не соответствовало действительности» [1].

К середине 1950-х гг. количество и конфессиональный состав сектантских групп в Калининградской области заметно возросли. В решении бюро обкома КПСС от 7 июля 1954 г. «О выполнении Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде...» отмечалось, что «в Московском, Центральном и Ленинградском районах города Калининграда действуют сектантские группы, привлекающие на свои собрания значительное число граждан. Активизировали свою деятельность группы церковников и сектантов в Черняховском, Гусевском, Ладушкинском районах и в городе Немане. Численный состав этих групп и их влияние на отдельную, наиболее отсталую часть населения увеличивается»⁴⁷. Более конкретная информация о положении калининградских сектантов в середине 1950-х гг. содержится в другом источнике, к которому выше нам также приходилось обращаться. Это справка обкому КПСС о деятельности церковников и сектантов начальника 4-го отдела УКГБ при СМ СССР по Калининградской области полковника Рубцова от 10 сентября 1955 г.⁴⁸ Прежде чем к ней обратиться, заметим: знание автором документа состояния дел верующих и, напротив, сам факт запроса партийным руководством области такого рода сведений говорят о том, кто из политических акторов региона после ухода А.И. Глазких серьезнее других

⁴⁵ Пастор «Церкви мира» А.И. Крикун, которому принадлежит настоящее свидетельство, полагает, будто речь идет о наиболее ранней попытке местных ЕХБ создать общину. Это ошибочное мнение, так как в том же Калининграде, на ул. А. Невского несколькими годами ранее систематически проводила молитвенные собрания упоминавшаяся выше община пресвитера Реутского [12].

⁴⁶ Интервью с пастором Л.Е. Калацким [12]. Леонид Емельянович Калацкий: 1936 г.р.; родился в семье верующих-пятидесятников; в Калининградскую область переселился в 1955 г.; будучи призван в армию, отказался давать присягу и брать в руки оружие, за что был осужден; сегодня пастор калининградской общины христиан веры евангельской, пятидесятников [12; 1].

⁴⁷ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 18. Л. 78 – 79.

⁴⁸ Там же. Оп. 18. Д. 55. Л. 54 – 56.

занимался религиозно-политическими вопросами. И так, согласно справке полковника Рубцова, по причине отсутствия в области «официально действующих церквей и молитвенных домов» на ее территории сложилось несколько нелегальных конфессиональных групп⁴⁹. Среди тех из них, которые являлись сектантскими, самой крупной была община ЕХБ из Ленинградского района г. Калининграда. Она насчитывала свыше 100 человек, в том числе нескольких военнослужащих, имела руководящие органы (церковный совет и ревизионную комиссию), общинную кассу (около 5 тысяч рублей) и собственное молитвенное помещение⁵⁰. При ней действовал хор. Молитвенные собрания проводились каждое воскресенье и по праздничным дням. Община поддерживала связи с единоверцами из районов области, разъезды проповедников оплачивались из коллективных средств. Эта группа ЕХБ вела активную работу по вовлечению в свои ряды молодежи, отрывавшейся в итоге «от участия в общественной и политической жизни социалистического общества»⁵¹. Только в июле 1955 г. она пополнилась четырьмя неофитами, принявшими водное крещение⁵². Кстати, исполнение данного обряда (он совершался на открытом воздухе и, как правило, в публичном месте) считалось тогда особо грубым нарушением законодательства. Товарищ же Рубцов назвал его процедурой, унижающей человеческое достоинство. Из документа непонятно, когда появилась эта община и как она была связана с прежними. Логичнее всего предположить, что верующие ЕХБ из областного центра объединились.

Кроме того, в справке упоминается о существовании малочисленных групп ЕХБ в г. Зеленоградске, г. Немане, Черняховском и Гусевском районах. Входившие в их состав верующие не боялись совершать политические акции по религиозным мотивам – отказывались по воскресеньям и в праздники выходить на полевые работы⁵³.

Проясняется в справке Рубцова судьба группы пятидесятников, созданной в 1952 г. На осень 1955 г. она насчитывала около 15 человек – в основном молодежь. Ее возглавляли два проповедника, К.К. Приходько и В.М. Германович⁵⁴. Собрания группы проводились в Москов-

⁴⁹ Там же. Л. 54.

⁵⁰ Речь идет о частном доме одного из членов общины А.Н. Сулина (Андрей Наумович Сулин: 1900 г.р.; работал конюхом в школе военных инструкторов), располагавшемся по адресу ул. Большая Окружная, д. 40. На содержание дома расходовалась часть общинных средств: ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 18. Л. 55.

⁵¹ Там же.

⁵² Петр Гаврилович Денисович (1932 г.р.), Надежда Артемьевна Гелис (1937 г.р.), Владимир Максимович Мерецков (1930 г.р.) и Лидия Стефановна Солейчук (1934 г.р.): Там же.

⁵³ Там же. Л. 56.

⁵⁴ Константин Коленикович Приходько (1924 г.р.), Василий Максимович Германович (1927 г.р.): верующие секты христиан веры евангельской, пятиде-

ском районе г. Калининграда на квартире сторожа строительномонтажной конторы С.А. Леончука по адресу ул. Аллея Смелых, 101а. Как отмечено в документе, пятидесятники принадлежали к наиболее реакционным сектантам, поскольку никакого участия в культурно-массовых мероприятиях не принимали, каждое воскресенье только молились до истерики и полного иступления. Правда, в источнике не конкретизируется, к какому именно направлению пятидесятнических деноминаций относилась калининградская группа. В 1950-х гг. их было много – христиане евангельской веры, христиане веры евангельской, евангельские христиане в духе апостолов, евангельские христиане пятидесятники-сионисты, «мурашковцы», субботаствующие пятидесятники и др. Предположительно калининградские пятидесятники принадлежали к числу христиан веры евангельской – особенно распространенных в Западной Белоруссии, Западной Украине и Прибалтике.

Привлекает внимание еще один факт из рассматриваемого источника. Здесь в очередной раз сообщалось о массовом хождении в области «святых писем», причем прилагалась копия такой сектантской агитки⁵⁵. Письма были наполнены пророчествами новой мировой войны и угрозами «божьей карой» тем людям, которые отказываются их распространять и не желают признавать бога. По свидетельству полковника Рубцова, эта пропаганда, привидным ремнем которой оказались малограмотные женщины, «среди отсталой части населения создаёт панику». Более того, «зимой и весной 1955 года, под влиянием... «святых писем» из области выехало несколько семей рабочих совхозов и колхозников»⁵⁶.

Дополнительные сведения о положении сектантов области на середину 1950-х гг. содержатся в региональной прессе конца этого десятилетия. Из статей в «Калининградской правде» А. Дарьялова и И. Медведевой выясняется, что в 1955 г. на периферии области начали формироваться еще две сектантские общины, и обе они принадлежали к числу конфессий антигосударственного толка [2; 8]. Это были новая группа пятидесятников неизвестного направления и свидетели Иеговы. Основателем первой общины стал проповедник Владимир Рябцун. Еще в 1945 г. он получил тюремный срок за убийство и мародёрство, а после освобождения поселился в г. Советске и сразу же взялся за организацию общины пятидесятников, вовлекая в неё как неверующих людей, так и представителей других сект. Начало второй общине положил Михаил Плешанов. Жизненный путь у него был не менее сложным, чем у Рябцуна. После демобилизации из армии в 1947 г. совсем еще молодой Плешанов (на тот момент примерно 20 лет) вместе с родителями выехал в Калининградскую область. По пути он отстал от эшелона

святники; выходцы из Западной Белоруссии; рабочие Ремстройконторы Московского района: Там же.

⁵⁵ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 18. Л. 57.

⁵⁶ Там же. Л. 56.

на, принялся бродяжничать и, как следствие, оказался осужден за воровство. Выйдя из заключения, М. Плешанов в 1955 г. поселился в г. Черняховске, видимо, у родственников. Думается, что именно в лагере этот молодой человек приобщился к учению свидетелей Иеговы. В Калининградской области ему удалось найти нескольких единоверцев, вместе с которыми он принялся вести энергичную прозелитическую работу. Верной помощницей М. Плешанова стала его жена – Лидия Шлюшенкова, отсидевшая дотоле небольшой срок за распространение слухов о войне. Новообращённых иеговисты подбирали среди тех же неверующих и сектантов – в основном баптистов.

Неуклонный рост численности калининградских сектантов и увеличение масштабов их нелегальной деятельности продолжались до конца 1950-х гг. Тенденция становилась угрожающей, поэтому с 1957 г. местная власть в лице, главным образом, областного управления КГБ начала войну с сектантами. В 1958 г. она была стимулирована антирелигиозной кампанией, организованной по указанию ЦК КПСС.

Первой жертвой пали пятидесятники. Пожалуй, наиболее харизматической фигурой среди них был В. Рябцун. Однако харизма эта, на наш взгляд, явно носила отрицательный заряд. Под его духовным влиянием некоторые люди приобретали психические расстройства и попадали на учет в медицинские учреждения⁵⁷. До конца 1957 г. он сумел организовать общину в несколько десятков человек, проживавших в Советске, Немане, Калининграде и других населённых пунктах области. Судя по всему, под начало Рябцуна попала и группа, созданная пятидесятниками из Западной Белоруссии. Проповеди лидера свидетелей Иеговы имели не только религиозное, но и политическое содержание. Он агитировал против службы в армии, участия в выборах, членства в партии, профсоюзах, комсомоле и пионерской организации, запрещал иметь дома радио, посещать политкружки, лекции, кино, клубы, театры, библиотеки. Даже обращение за медицинской помощью к врачам осуждалось. Очевидно, что такого рода религиозно-политическая агитация не могла пройти мимо поля зрения органов госбезопасности. Приблизительно в конце 1957 – начале 1958 г. В. Рябцун был осужден за антисоветскую деятельность. Более точное время суда и срок заключения источники не позволяют назвать⁵⁸. Устранение лидера пятидесятников не привело к распаду их общины. По состоянию на август – сентябрь 1959 г. она насчитывала около 50 человек и включала верующих, проживавших в Зеленоградске, Советске, Немане, Калининграде и в некоторых сельских поселениях области⁵⁹. Новым руководителем калининградских пятидесятников стал

⁵⁷ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 48.

⁵⁸ [2]; ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 46.

⁵⁹ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 46 – 49.

А.И. Домашук⁶⁰. Его главными помощниками были жители г. Советска П.П. Носова, В.А. Аверкиева, Л.Н. Глазецкая и К.И. Воронкова⁶¹. Пятидесятники в 1958 – 1959 гг. проводили регулярные богослужения на частных квартирах по всей области, в самом Калининграде они собирались в доме А. Кутузовой по адресу ул. Красносельская, 12 а. Набирали они новых последователей, особо стараясь переманить представителей других сект. На этой почве у А. Домашука произошел скандал с неманским баптистом И.С. Дрождевым, жену которого пятидесятнической проповедник пытался «завербовать» в свою общину [10]. Несмотря на то, что после ареста В. Рябцуна открытой антисоветской пропаганды в деятельности пятидесятников чекисты не смогли установить, на эту религиозную группу власти продолжили оказывать давление. В середине – второй половине 1959 г. силами областного управления КГБ, прессы, а также некоторых партийных организаций Советского и Неманского районов была проведена серия «профилактических» мероприятий против А.И. Домашука и его единоверцев. Речь идет о собраниях общественности по месту работы активистов группы пятидесятников, о статьях в «Калининградской правде» (из которых взяты многие вышеприведенные факты) и районной прессе. Проводилась также индивидуальная работа «по отрыву от секты» в форме доверительных бесед агитаторов⁶².

Примерно в то же время была ликвидирована еще одна пятидесятническая община. О ней сохранилась информация лишь в одном источнике – в статье калининградского «классика» атеистического жанра И. Медведевой [9]. Основателем и руководителем этой общины яв-

⁶⁰ Александр Иванович Домашук: 1903 г.р.; в годы Великой Отечественной войны воевал в партизанском отряде; в Калининградскую область предположительно переселился из Белоруссии; проживал в совхозе «Советский» Неманского района; был женат, имел шестерых детей – вся семья принадлежала к числу верующих-пятидесятников, старший сын в 1958 г. вместе с женой и двумя детьми уехал из Калининградской области в Белоруссию [2; 10]; (ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 46).

⁶¹ Прасковья Прохоровна Носова: 1902 г.р.; в Калининградскую область прибыла из Смоленской области; русская; имела начальное образование; работала техничкой в общежитии кинотехникума; видимо, под воздействием проповедей В. Рябцуна перешла к пятидесятникам от баптистов; в 1959 г. возглавляла группу из 20 пятидесятников в г. Советске; своей дочери запретила вступать в пионеры, чему была посвящена статья «Машу учат лгать» в советской газете «Знамя коммунизма». Валентина Александровна Аверкиева: 1923 г.р.; переселенка из Калининской области; русская; образование – 6 классов; была замужем – муж работал прорабом в воинской части, имела двух детей школьного возраста. Любовь Николаевна Глазецкая: 1907 г.р.; переселенка из Татарской АССР; русская; имела начальное образование; пенсионерка; была одинока. Кристина Ивановна Воронкова: 1905 г.р.; переселенка из Витебской области; проживала с 19-летней дочерью – верующей-пятидесятницей (ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 47 – 49).

⁶² Там же. Л. 49; [10; 11; 1].

лялся Афанасий Капусткин. Он воевал, оказался в окружении и, бросив оружие, вернулся в свою оккупированную деревню (в какой области и республике – неизвестно). Там А. Капусткин пособничал немцам, дослужившись до старшины волости. Во время наступления Красной армии бежал в Германию, но по окончании войны был репатрирован и, скрываясь от наказания, не стал возвращаться домой, а поселился в Калининградской области. Здесь Капусткин обратился к вере и примкнул к какой-то микрогруппе пятидесятников сионистского направления (евангельские христиане пятидесятники-сионисты). Вскоре его преступления военной поры всё же раскрылись, и он попал в заключение. Выйдя на свободу, Афанасий Капусткин начал посещать собрания ЕХБ и среди них находил сторонников своего исповедания. Постепенно к концу 1950-х гг. сложилась община пятидесятников-сионистов, в которую вошло 10 – 15 (преимущественно престарелых) женщин из гг. Калининграда, Гусева и Озёрска. Деятельность организатора этой конфессиональной группы носила ярко выраженную печать антисоветизма. Он распространял листовки и литературу с призывами к измене Родине и осуждением коммунизма, убеждал собратьев по вере не служить в армии, не голосовать, не пускать детей в пионерии и комсомол и т. п. Некоторые семьи последователей Капусткина распались из-за конфликтов супругов на религиозно-политической почве. Наступил разлад и в семье самого руководителя пятидесятников-сионистов. Его супруга обратилась за помощью к общественности, после чего подпольные дела Афанасия Капусткина стали явными. Всё завершилось судом над ним и «суровым приговором» [9].

Не менее сильные преследования испытали калининградские свидетели Иеговы. Их лидер М. Плешанов к 1958 г. установил связь с подпольной «стрейфом» (общиной) в Сибири. Оттуда он получал инструкции, литературу и деньги. Посредником Плешанова в контактах с его братьями из других регионов выступал «житель Киевской области» Фёдор Шелудченко, отсидевший срок «за разбой на сельском тракте» [8]. Важную роль в деятельности иеговистов играл пенсионер Андрей Бабарыкин, тоже имевший «тёмное прошлое». В годы войны он дезертировал из рабочего батальона по строительству укреплений, после чего служил у немцев в отряде полиции и принимал участие в карательных экспедициях против партизан. Освободившись после длительного срока заключения, А. Бабарыкин поселился в г. Советске и стал ближайшим помощником Плешанова. Судя по всему, у него был дар, а возможно, и опыт проповедника, поскольку ему удалось вовлечь в секту несколько человек – преимущественно из баптистов. Религиозно-политическая пропаганда калининградских иеговистов содержательно мало отличалась от той, которой занимались В. Рябцун и А. Капусткин, – те же призывы и тот же антисоветский дух. Реакция властей оказалась вполне закономерной. В 1958 г. Плешанов, Бабарыкин и Шелудченко были, по словам журналистки И. Медведевой, «сурово наказаны» [8]. Как и по какой статье, нам неизвестно.

Методом «чтения между строк» из статьи И. Кузьмичева «Грешные дела святых проповедников» можно установить, что уголовному преследованию в конце 1950-х гг. подвергался еще один сектантский лидер – организатор микрообщины «трезвенников» (где-то на периферии области) Д.П. Курбашев. Судя по небольшому упоминанию о нем в данном источнике, его осудили за хищение социалистической собственности или(и) продажу краденного [6].

Иную тактику в наступлении на сектантов конца 1950-х гг. региональные власти применили в отношении более законопослушных ЕХБ. На тот момент они были самым многочисленным религиозным объединением области среди неправославных конфессий. Крупнейшая их община базировалась в самом Калининграде. Численность входивших в нее активистов достигала 120 человек. Руководящим ее органом являлся «совет церкви», состоявший из 7 человек и возглавлявшийся пресвитером (что-то вроде старшего проповедника) А.А. Могилой. Кроме него в общине находилось еще 9 проповедников. При ней действовал хор (20 – 25 человек), которым управляли ветеран калининградских ЕХБ Р.И. Русанова (кроме того, она занимала должности секретаря и члена «совета церкви»), а также один из авторитетнейших проповедников С.И. Бородай и некий Марецкий. Эта группа имела богатую общинную кассу и содержала два подпольных молитвенных дома, адреса которых выше уже упоминались. Речь идет о частных домах М. Сулина и Русановой⁶³. Молитвенные собрания проводились там 3 – 4 раза в неделю.

В середине 1959 г. областное управление КГБ в тандеме с заместителем главного редактора «Калининградской правды» И. Кузьмичевым начали кампанию по дискредитации группы ЕХБ областного центра в глазах советской общественности⁶⁴. Задачу властей упростили лидеры этой общины, между которыми на почве личной конкуренции и разногласий в вопросе о лояльности государству возникли острые противоречия. Глава «совета церкви» А.А. Могила, находившиеся на его стороне Русанова, её брат вместе с женою (Н.Г. Федосеев и Е.И. Могилат), проповедник И.Р. Сметанин⁶⁵ и некоторые их союзники были обвине-

⁶³ Михаил Сулин: примерно 1928 – 1939 г.р.; видимо, сын упоминавшегося выше баптиста А.Н. Сулина; в конце 1940-х получил срок заключения за отказ служить в армии по религиозным убеждениям, вышел на свободу в середине 1950-х гг.; в конце 1950-х гг. проповедник ЕХБ в Калининграде; в его доме по адресу ул. Дениса Давыдова, д. 3 располагался подпольный молитвенный дом ЕХБ [6].

⁶⁴ Справка начальника управления КГБ по Калининградской области полковника Милютин в обком КПСС от 24 декабря 1959 г. (ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 50 – 52).

⁶⁵ Очень интересная личность. Если верить журналисту И. Кузьмичеву, Сметанин для единоверцев служил образцом честности, бескорыстия и поведения в быту. Его отличала также особая лояльность власти. Сметанин даже посещал

ны проповедниками Бородаем, М. Сулиным, Шаховым и Федотовым в излишней покорности властям и в некоторых иных прегрешениях⁶⁶. В ответ зачинщиков конфликта стали уличать в жульничестве, махинациях и в морально-бытовом разложении. На первом этапе дело завершилось отлучением от церкви Русановой и ее родственников, а также отстранением от должности Могилы, заступившегося за изгнанных единоверцев. Временным главою общины избрали М.П. Реутского, стоявшего у её истоков, но несколькими годами ранее описываемых событий лишённого пресвитерского достоинства за пьянство [7].

Склоки между лидерами калининградских ЕХБ были с большим искусством раздуты. Из справки полковника Милютинина можно установить, что чекисты намеренно подливали масла в огонь во время личных бесед с участниками конфликта⁶⁷. Основной же удар нанёс журналист И. Кузьмичев. Во второй половине 1959 г. он опубликовал три статьи («Два лица церкви христовой», «Грешные дела святых проповедников» и «Чтобы «мёртвые не хватали живых»), в которых баптисты Калининграда представлялись мошенниками, скандалистами и невежественными людьми [5-7]. Приводившиеся в них факты во многом соответствовали действительности, поэтому калининградская община ЕХБ оказалась на пороге распада. Некоторые из её членов ушли, не желая подчиняться скомпрометированным руководителям. Большинство верующих в общине всё же остались и стали искать выход из кризиса. Особо замаслианный дёгтем в прессе С.И. Бородай выразил намерение обратиться с жалобой на газеты во ВСЕХБ. Его не поддержали, поскольку многие боялись ответных репрессий со стороны местных властей; 24 ноября на квартире А.А. Могилы и 2 декабря 1959 г. на квартире проповедника Д.Г. Денисевича состоялись собрания актива общины, проведённые с целью преодолеть кризис и добиться регистрации. При обсуждении вопроса о руководителе Могила отказался от этой роли, сославшись на то, что намерен уехать из Калининграда. Сторонники Бородай и Сулина предложили на место лидера проповедника Финогонова. Однако и тот отклонил свою кандидатуру, заявив, будто бы также собирается переселиться, и выразив опасение, что в случае собственного утверждения верующие, поддерживающие А.А. Могилу, перестанут ходить на молитвенные собрания. В итоге старшим пресвитером временно, пока не наладятся дела, избрали Д.Г. Денисевича. Кстати, вопреки активным его возражениям. Кроме того, было решено прекратить молитвенные собрания в прежних местах, так как их адреса опубликовали в прессе. В качестве временного варианта сочли возможным использовать частный дом А. Кутузовой на

кружок по истории КПСС и сдал экзамен по историческому материализму на «отлично» [7].

⁶⁶ Там же; ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 50 - 52.

⁶⁷ ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 50.

ул. Красносельской⁶⁸. В перспективе же планировалось купить собственный молитвенный дом на подставное лицо. Наконец, последним серьезным решением собраний актива ЕХБ стало отлучение от церкви лиц, разоблаченных в газете. Фамилии их в справке Милютинина не указываются, но по содержанию статей И. Кузьмичёва логично предположить, что подразумевались сторонники жесткой линии по отношению к государству проповедники Бородай, Сулин, Шахов и Федотов⁶⁹.

Наступление региональных властей на сектантов в конце 1950-х гг. было самой серьезной политической акцией против религиозных объединений репрессивного свойства. В результате группа свидетелей Иеговы временно прекратила свое существование, а численный состав общин ЕХБ и пятидесятников уменьшился. Вместе с тем силовое давление только сплотило ряды сектантов, очистив их от лиц, не имевших устоявшейся конфессиональной идентификации, от малодушных сторонников, а также от одиозных фигур. Сектантские объединения ещё глубже были загнаны в подполье, оказались менее доступны политическому контролю, и, что очень важно, в них всё более популярными стали антисоветские и антикоммунистические настроения. Характерной статистической иллюстрацией этому выводу служат материалы единовременного учета религиозных объединений в СССР 1960 г. Отчёт по Калининградской области подписан «Уполномоченным СРК при Калининградском облисполкоме Е. Емельяновой»⁷⁰. Такой штатной должности в 1960 г. не существовало. Видимо, данные собирал чиновник тоже «единовременно», лишь пока длился учёт, исполнявший религиозно-политические функции. Думается, что информацию Е. Емельянова получала от регионального управления КГБ – никто иной среди государственно-политических акторов области систематически религиозными обществами и верующими больше не занимался. Цифры учёта, конечно же, не отражали реального положения вещей. Сколько и каких конфессиональных групп и группок на самом деле насчитывалось в регионе, остаётся только гадать. Однако даже полученные сведения свидетельствуют о стойкости положения сектантов и о тенденции к росту их активности. Крупнейшим неправославным конфессиональным объединением в Калининградской области оставались (по отчёту Емельяновой) ЕХБ. Они имели на 1 января 1961 г. 4 незарегистрированные группы в гг. Нестерове, Калининграде, Озёрске и Светлогорске. Максимальное число верующих, посещавших молит-

⁶⁸ Напомним, что А. Кутузова немногим ранее предоставляла свое жилье под молитвенный дом пятидесятников. Поэтому не совсем ясно, к какой секте относилась сама эта женщина. Здесь может быть два основных варианта. Кутузова могла перейти к ЕХБ после ареста В. Рябцуна; либо она и ранее являлась баптисткой, но временно уходила к пятидесятникам. По нашему мнению, второй вариант более вероятен.

⁶⁹ [7]; ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 67. Л. 51 – 52.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 340. Л. 1 – 4.

венные собрания ЕХБ в дни больших религиозных праздников, составляло 142 человека. Религиозный актив всех этих групп насчитывал 80 человек⁷¹. Вторыми в отчёте Е. Емельяновой шли пятидесятники, у которых было 3 незарегистрированные группы в г. Калининграде, Озёрске, Немане, Нестерове и Зеленоградске. Все верующие пятидесятники квалифицировались как религиозные активисты, их насчитывалось 63 человека⁷². По цитируемому документу можно узнать, что в области в 1960 г. появилась (на самом деле, скорее всего, проявилась) новая конфессиональная группа – адвентисты седьмого дня. Она находилась в Большаковском районе, разумеется, не была зарегистрирована и насчитывала 14 человек. Религиозный актив составляли 8 человек⁷³.

Для сравнения положения сектантов в Калининградской области с общими показателями по стране приведём сводную таблицу.

Статистические сведения о неправославных конфессиях в СССР и на территории Калининградской области по данным единовременного учёта религиозных объединений 1960 г. (на 1 января 1961 г.)⁷⁴

Конфессия	Количество религиозных групп			Количество религиозных групп в Калининградской области ⁷⁵
	Всего (в % от общего числа)	Зарегистрированные	Незарегистрированные	
Все неправославные конфессии	10910	4424	6486	8 (0,07%)
Ислам	2307 (21,2%)	351	1956	-
Буддизм	17 (0,2%)	2	15	-
Католицизм	1179 (10,8%)	1113	66	-
Лютеранство	633 (5,8%)	467	166	-
Реформаты	99 (0,9%)	88	11	-
Методисты	14 (0,1%)	11	3	-
Армяно-григорианская церковь	44 (0,4%)	43	1	-
Старообрядцы (белокриницкое согласие, поповцы, беспоповцы)	712 (6,5%)	367	345	-
Иудаизм	259 (2,4%)	97	162	-
ЕХБ	2917 (26,7%)	1728	1189	4 (0,14%)
Адвентисты седьмого дня	399 (3,7%)	155	244	1 (0,25%)
Молокане	130 (1,2%)	16	114	-

⁷¹ Там же. Л. 1.

⁷² Там же. Л. 2.

⁷³ Там же. Л. 3.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 428. Л. 1 – 4.

⁷⁵ В скобках указывается процент от всего количества групп данной конфессии в СССР.

Секты «изуверского и антигосударственного толка»	2200 (20,2%)	-	2200	3 (0,14%)
Из них:				
Пятидесятники	994 (9,1%)	-	994	3 (0,3%)
Свидетели Иеговы	607 (5,6%)	-	607	-
Субботники	36 (0,3%)	-	36	-
Истинно-православные христиане и Истинно-православная церковь (катакомбники)	199 (1,8%)	-	199	-
Прочие	364 (3,3%)	-	364	-

Из таблицы видно, что иерархия сектантских конфессий в Калининградской области практически не отличалась от общесоюзной: на первом месте находились ЕХБ, за ними следовали пятидесятники. Это говорит о типичности региона. Небольшое количество сектантских групп на общем фоне не должно сильно смущать. Объясняется оно не столько слабостью калининградских сектантов или особо жестоким отношением к ним властей, сколько величиной населения самого западного края страны. Численность его жителей, по данным переписи 1959 г., составляла всего около 2,9 % от населения СССР [4, с. 52; 5, с. 11]. Причём демографическая структура Калининградской области продолжала оставаться высокоподвижной, что служило препятствием к оформлению стабильных конфессиональных групп.

Итак, наряду с православными общинами с 1947 г. до конца 1950-х гг. в религиозно-политическом развитии Калининградской области принимали участие несколько иных конфессиональных акторов. Атеисты как особая социальная группа, выделявшаяся по религиозному признаку, в регионе были малозаметны. Перечень других неправославных конфессиональных акторов был достаточно разнообразным. В источниках встречаются упоминания о деятельности старообрядцев, католиков, мусульман, иудеев и сектантов. Последние отличались самой высокой после православных верующих религиозно-политической активностью.

Ключевую роль в области среди конфессиональных объединений сектантского типа играли ЕХБ. Стойкие их группы начали формироваться уже в 1948 г. сразу в нескольких районах региона. Они и стали главным объектом исполнения функциональных обязанностей уполномоченного СРК после депортации немцев. Следуя инструкциям руководства Совета, А.И. Глазких всячески препятствовал легализации ЕХБ и без серьезных проблем выполнил эту задачу. Баптисты и прочие сектантские группы были вынуждены приспосабливаться к нелегальному существованию. Ликвидация должности уполномоченного СРК

по Калининградской области в конце 1950 г. имела преимущественно общенациональные причины – ослабление внимания Сталина к государственно-религиозной политике, которое привело к умалению прежнего значения обоих правительственных Советов по религии и штатной их реорганизации.

Сокращение должности А.И. Глазких вызвало определённые изменения религиозно-политического развития области. Они были, в общем-то, односторонними и не особо резкими. Сектантские группы, в лице ЕХБ не сумевшие в конце 1940-х гг. удовлетворить свое право на регистрацию, в 1950-х гг. продолжили подпольную деятельность, хотя и не отказывались от надежд легализоваться. Их численность с каждым годом росла, а конфессиональный состав становился более разнообразным. К ЕХБ добавились общины пятидесятников (не менее двух направлений), свидетелей Иеговы, адвентистов седьмого дня, «трезвенников» и других. В области, по сути, не осталось города или района, где бы отсутствовали сектанты. Вполне закономерно, что между ними началась конкуренция в прозелитической активности. Таким образом, тенденции прошлых лет получили логическое развитие. Власть же после ухода с региональной политической сцены уполномоченного СРК о калининградских сектантах вспоминала так же редко и неохотно, как о необходимости атеистической работы. Лишь органы госбезопасности и отдельные журналисты более или менее регулярно занимались сектантским подпольем.

Так продолжалось до конца 1950-х гг., пока деятельность отдельных лидеров пятидесятников, иеговистов и ЕХБ не стала приобретать (кстати, как и везде в стране) открыто антисоветский характер. В 1957 – 1959 гг. силами КГБ и журналистов атеистического жанра была проведена серия антисектантских мероприятий. По меньшей мере пяти проповедникам из общин свидетелей Иеговы и пятидесятников дали срок заключения, многих других дискредитировали в прессе. Это временно расстроило ряды сектантов, но в итоге способствовало их внутренней консолидации и очищению от «случайных попутчиков». Антисоветский и антикоммунистический дух верующих-сектантов, видимо, только усилился. Возможность легализации сектантских объединений отныне полностью перешла в зависимость от дальнейшей политической ситуации. Подобное же положение отличало почти все административно-политические субъекты СССР. Данная черта, а также близость иерархической структуры неправославных конфессий Калининградской области большинству остальных регионов страны свидетельствуют о типичности этого аспекта её религиозно-политического развития общенациональным показателям.

Список литературы

1. *Володько П.* Потерянные годы. Почему я порвал с сектой пятидесятников // Калининградская правда. 1959. № 92 (3100). С. 2 – 3.
2. *Дарьялов А.* Брат Владимир и его паства // Калининградская правда. 1958. № 34 (2784). С. 2.
3. *Итоги* всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962.
4. *Итоги* всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
5. *Кузьмичев И.* Два лица церкви христовой // Калининградская правда. 1959. № 226 (3234). С. 2.
6. *Кузьмичев И.* Грешные дела святых проповедников // Калининградская правда. 1959. № 227 (3235). С. 3 – 4.
7. *Кузьмичев И.* Чтобы «мёртвые не хватали живых» // Калининградская правда. 1959. № 231 (3239). С. 3.
8. *Медведева И.* Истинное лицо «Свидетелей Иеговы» // Калининградская правда. 1958. № 150 (2900). С. 3. № 151 (2901). С. 3.
9. *Медведева И.* Падение Афанасия Капусткина // Калининградская правда. 1959. № 106 (3114). С. 3 – 4.
10. *Медведева И.* «Апостол» Домашук и его «деяния» // Калининградская правда. 1959. № 172 (3180). С. 2.
11. *Медведева И.* На поруки // Калининградская правда. 1959. № 162 (3170).
12. *Товбина А.И.* Деятельность неправославных религиозных организаций в Калининградской области: Дипломное сочинение. Калининград, 2001.

М. Ярентовский (Варшава, Польша)

***НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА
В ПОЛЬСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ***

1. Выборы являются основным инструментом в демократической системе, служащим для принятия политических решений в обществе. Право голосования имеют все совершеннолетние граждане, за исключением тех, кого лишил такого права суд по причине психической болезни либо совершения серьёзного преступления. Означает это, что выборы являются всеобщими. Более того, в современной демократической системе избиратель располагает одним голосом (либо равным количеством голосов). Это означает, что выборы являются равными.

Сила конкретных политических партий и организаций зависит, собственно, от того, скольких избирателей они смогут убедить отдать свой голос за них. Однако в некоторых странах в системе избирательного права существуют правила, вводящие особые условия участия в выборах для некоторых политических партий и организаций. Каковы причины такого неравенства?

Если речь идет о нижних палатах парламентов, то единственная ситуация, в которой возможно создание разных условий для участников

избирательного процесса, – существование в стране национальных, религиозных либо языковых меньшинств. Разница заключается в том, что некоторые группы меньшинств имеют большие возможности получения мандатов, нежели «национальное большинство». Подобные льготы применяются как в мажоритарных, так и в пропорциональных избирательных системах.

К странам, применяющим подобные льготы в рамках мажоритарной системы, относится, например, Новая Зеландия, в которой однопалатный парламент, состоящий из 120 депутатов, избирается на основе «компенсационной» избирательной системы¹ [4, с. 55-69]. Каждый избиратель имеет два голоса: первый голос отдает в одном из 69 одномандатных округов, в которых победитель определяется относительным большинством, второй – в пользу политических партий в общенациональном округе, в соответствии с которым распределяется 51 мандат таким образом, чтобы в итоге все 120 мандатов были распределены про-порционально голосам, отданным за конкретные партии. В распределении 51 мандата участвуют только те политические партии, которые получили по крайней мере 5% голосов по партийному списку либо хотя бы один мандат в одномандатных округах [1, с. 70 – 95]. Важно то, что среди 69 мандатов 7 распределяется в округах, в которых право голоса имеют только избиратели, представляющие маорийское меньшинство².

Примером других стран, где применяются преференциальные условия для представителей национальных меньшинств без применения пропорциональной системы (либо только в модификации), являются Кипр, Ливан, Зимбабве, Германия и Польша [3, с. 113-123]. Рассмотрим подробнее пример Польши.

2. Правила польского избирательного права, начиная от первых свободных выборов 1991 г., признают при выборах в Сейм льготные условия для национальных меньшинств. Подобными преференциями могут пользоваться все зарегистрированные организации национальных меньшинств.

Начиная с 1991 г. в Польше действует уже третий закон, регулирующий выборы в Сейм. Первый, от 1991 г., относился только к выборам 1991 г.; следующий, от 1993 г., к выборам 1993 и 1997 гг.; закон от 2001 г. регулировал выборы в действующий парламент в 2001 г. Все они основывались на пропорциональной системе. Рассмотрим условия участия национальных меньшинств.

¹ На первый взгляд, такая система есть вариант системы смешанной, однако фактически является пропорциональной. Применяется также в Германии.

² Избирательные округа, в которых применяется мажоритарная система, делятся на 62 обычных и 7 выделенных округов для маори. Маори перед выборами должны заявить о своем желании голосовать в выделенном округе – и тогда не могут голосовать в обычных округах. Однако полностью сохраняют право голосования по партийным спискам.

Избирательное законодательство от 1991 г. предполагало, что 391 депутат будет избираться в 37 избирательных округах на местном уровне, а 69 депутатов – в одном общенациональном округе (всего 460 депутатов). Для регистрации списка кандидатов в низших округах избирательные комитеты кандидатов должны были собрать 5 000 подписей избирателей. Однако если партия регистрировала своих кандидатов в более чем 5 округах или собирала по меньшей мере 50 000 подписей, она освобождалась от необходимости сбора подписей в остальных округах. В отношении избирательных комитетов национальных меньшинств подобное правило применялось при регистрации кандидатов как минимум в 2 округах либо при представлении не менее чем 20 000 подписей избирателей, поддерживающих кандидата, зарегистрированного в одном избирательном округе [6]. Следующая привилегия национальных меньшинств касается регистрации кандидатов в общенациональном списке. «Обычные» комитеты могли представлять своих кандидатов в этот список только при условии их регистрации по крайней мере в 5 избирательных округах низшего уровня. Представителям национальных меньшинств было достаточно регистрации по крайней мере одного кандидата в избирательных округах низшего уровня. Третьей – наиважнейшей – привилегией был способ разделения мандатов в общенациональном списке³. «Обычные» комитеты могли участвовать в разделе мандатов данного округа в случае приобретения мандатов по крайней мере в 5 избирательных округах низшего уровня или получив не менее 5% голосов в масштабах страны. Однако избирательные комитеты кандидатов национальных меньшинств участвовали в разделе мест без необходимости преодоления 5%-ного порога.

Избирательное законодательство 1993 г. предполагало следующие решения: в случае регистрации кандидатов в избирательных округах низшего уровня привилегии ликвидировались. Каждый избирательный комитет должен был представить для регистрации по крайней мере 3 000 подписей. Если кандидат собирал подписи в половине округов (26), то он освобождался от необходимости сбора подписей в остальных⁴. Если вопрос касался регистрации кандидата в списке общенациональном, то «обычный» комитет мог быть допущен после регистрации кандидатов по крайней мере в половине избирательных округов низшего уровня, хотя избирательным комитетам кандидатов национальных меньшинств хватало регистрации в 5 избирательных округах низшего уровня. Что касается разделения мандатов, то разница между комитетам стала более заметной. В разделении 391 мандата в 52 избирательных округах низшего уровня участвовали комитеты, получившие не менее 5% голо-

³ Избиратели имели один голос, который засчитывался как в одномандатном округе, так и при подсчете голосов, поданных за данную партию, по общенациональному списку.

⁴ То есть в этом случае разница была ликвидирована.

сов в масштабах страны (партийные коалиции 7%), а в разделении 69 мандатов в общенациональном масштабе – при условии получения 8% голосов⁵. Что касается избирательных комитетов кандидатов от национальных меньшинств, то они могли выбирать, какой из барьеров могут отменить – 5% в избирательных округах низшего уровня либо 8% в масштабах страны [7].

Избирательное законодательство от 2001 г. ликвидировало округ в масштабах страны. Все мандаты (460) были распределены по 41 избирательному округу. Каждый избирательный комитет кандидатов для регистрации должен был представить по крайней мере 5 000 подписей в каждом избирательном округе. Если блок собирал подписи по крайней мере в половине округов (21), то он освобождался от необходимости сбора подписей в остальных. Все партии и коалиции, имевшие по результатам выборов более 5% голосов, принимали участие в распределении мандатов. Блоки национальных меньшинств были освобождены от порога [8].

3. Теперь обратим внимание на последствия применения льготных правил. Таблицы 1 – 3 представляют результаты некоторых избирательных комитетов, представляющих национальные меньшинства в сеймовых выборах 1991 – 2001 гг.

Таблица 1

Избирательные комитеты национальных меньшинств в выборах 1991 и 1993 гг.

Избирательный комитет	Число округов, где комитет выставлял кандидатов	Число голосов во всей стране	% голосов	Число полученных мандатов	% мандатов
1991 г.					
Немецкое меньшинство	9	132 059	1,18	7	1,52
Избирательный комитет православных ⁶	1	13 788	0,12	1	0,22
Избирательный блок меньшинств	15	29 428	0,26	0	0,00
Немецкий избирательный комитет Катовицкого региона «Будущее и единение»	1	6 108	0,05	0	0,00
Белорусский избирательный комитет	7	6 081	0,05	0	0,00

⁵ Как и в прошлой системе, избиратель отдавал один голос, который засчитывался как в одномандатном округе, так и при подсчёте голосов, поданных за данную партию, по общенациональному списку.

⁶ Появились сомнения в том, являются ли православные национальным меньшинством.

<i>Всего</i>		187 464	1,67	8	1,74
1993 г.					
Немецкое меньшинство Шленска Опольского	1	60 770	0,44	3	0,65
Общественно-культурное объединение немцев	2	23 396	0,17	1	0,22
Немецкое объединение «Будущее и единение»	1	13776	0,10	0	0,00
Белорусский союз	1	10164	0,07	0	0,00
Немецкое меньшинство воеводства Ченстоховского	1	10068	0,07	0	0,00
Немецкое меньшинство воеводства Ольштынского	1	2444	0,02	0	0,00
<i>Всего</i>		120 618	0,87	4	0,87

Таблица 2

Избирательные комитеты национальных меньшинств в выборах 1997 г.

Избирательный комитет	Число округов, где комитет выставил кандидата	Число голосов во всей стране	% голосов	Число полученных мандатов	% мандатов
Немецкое меньшинство	1	51 027	0,39	2	0,43
Общественно-культурное объединение немцев Катовицкого воеводства	2	16 724	0,13	0	0,00
Объединение славянских национальных меньшинств Речи Посполитой – православные	1	13 632	0,10	0	0,00
Общественно-культурное объединение немцев Ченстоховского воеводства	1	6 206	0,05	0	0,00
Немецкое рабочее объединение «Будущее и единение»	1	3 663	0,03	0	0,00
Немецкое меньшинство воеводства Ольштынского	1	1 729	0,01	0	0,00
Объединение национальных меньшинств воеводства Эльблонгского	1	614	0,00	0	0,00
<i>Всего</i>		93 595	0,72	2	0,43

Таблица 3

Избирательные комитеты национальных меньшинств в выборах 2001 г.

Избирательный комитет	Число округов, где комитет выставил кандидата	Число голосов во всей стране	% голосов	Число полученных мандатов	% мандатов
Немецкое меньшинство	2	47 230	0,36	2	0,43
Немецкое меньшинство Горного Шленска	1	8 024	0,06	0	0,00
<i>Всего</i>		55 254	0,42	2	0,43

В принципе, единственное национальное меньшинство, способное получить парламентское представительство, – это немецкое меньшинство в воеводстве Опольском. Тому две причины. Во-первых, это меньшинство самое многочисленное¹. Во-вторых, оно сосредоточено в одном избирательном округе. Другие меньшинства – это белорусы и украинцы – по 200-300 тыс. человек. Они преимущественно православные, что объясняет их успех в 1991 г. Проживают они в основном в воеводстве Подласском и довольно охотно голосуют за Союз социал-демократов, который нередко выставляет кандидатов, связанных с православными.

4. В выборах местного самоуправления в соответствии с избирательным правом не предполагается привилегий для национальных меньшинств. Наиболее престижными являются выборы в воеводские сеймики². В 1998 г. во время выборов в местный сеймик немецкое меньшинство получило 67 921 голос (21,15%), что дало 13 из 45 мандатов. В 2002 г. в подобных выборах за немецкое меньшинство голосовали 54 385 избирателей (18,61%), что дало возможность получить 7 из 30 мандатов. Благодаря этому представители меньшинства участвуют в правящей коалиции Опольского воеводства.

В 1998 г. в выборах в советы повятов и городов, имеющих права повятов, в воеводстве Опольском немецкое меньшинство представило кандидатов в 8 из 12 советов. Итогом были 65 328 голосов (19,98%) и 113 из 420 мандатов (26,90%). В 2002 г. в выборах в советы повятов и городов, имеющих права повятов, в воеводстве Опольском немецкое меньшинство вновь представило кандидатов в 8 из 12 советов. На этот раз итогом было 54 712 голосов (17,84%) и 62 из 252 мандатов (24,60%).

5. Подобного рода преференции для национальных меньшинств в избирательном праве склоняют некоторые организации к попыткам неправомерного их использования в своих целях. В 1997 г. воеводский суд в Катовицах зарегистрировал «Союз населения шленской национальности»³. Катовицкий воевода поставил под сомнение справедливость подобной регистрации и направил запрос в апелляционные инстанции, в которых регистрация была отменена. Верховный суд подтвердил отказ в регистрации. Организаторы Союза, в свою очередь, обратились в Европейский суд по правам человека в Страсбурге, который также не вынес решения в их пользу. Суды обосновывали подобное решение тем, что о существовании национальности свидетельствует не только субъективное чувство принадлежности к какому-либо народу, но и такие объективные

¹ Насчитывает около 300-500 тыс. человек, проживающих преимущественно в Шленском, Опольском, Дольношленском, Варминьско-Мазурском и Куявско-Поморском воеводствах.

² В Польше представлены три уровня самоуправления: 2478 гмин, 314 повятов, 16 воеводств. Каждое воеводство выбирает свой законодательный орган – сеймик.

³ Вопрос довольно интересен: Шленск – польская территория, ранее принадлежавшая Германии, где проживают как поляки, так и немцы.

факторы, как безоговорочное признание существования подобного народа обществом. В данном случае речь идёт о региональной группе с сильным чувством идентичности. Подобная ситуация рассматривалась судами как попытка злоупотребления льготами.

6. Существование льгот для представителей национальных меньшинств в польском избирательном праве позитивно оценивается в конституционном праве [2, с. 204-205]. Сомнения появляются у некоторых политиков (например, против освобождения представителей национальных меньшинств от избирательного порога высказывалась Польская народная партия (представляющая интересы села. – *Прим. пер.*) в 1997 г. На практике подобными льготами пользуется только немецкое меньшинство, хотя и в меньшей степени, нежели этого требует его численность. Это говорит о том, что интересы национальных меньшинств представляются в достаточной степени общенациональными партиями.

Список литературы

1. Denmark D. Choosing MMP in New Zealand: Explaining the 1993 Electoral Reform // Mixed-Member Electoral Systems. The Best of Both Worlds? / Red. M.S. Shugart, M. P. Wattenberg. New York, 2001.
2. Gebethner S. Wybory do Sejmu i do Senatu. Warszawa, 2001.
3. Lijphart A. Proportionality by Non-PR Methods: Ethnic Representation in Belgium, Cyprus, Lebanon, New Zealand, West Germany, and Zimbabwe // Electoral Laws and Their Political Consequences / red. B. Grofman, A. Lijphart. New York, 1986.
4. Scarrow S. Germany: The Mixed-Member System as a Political Compromise // Mixed-Member Electoral Systems. The Best of Both Worlds? / Red. M.S. Shugart, M.P. Wattenberg, New York, 2001.
5. System as a Political Compromise // Mixed-Member Electoral Systems. The Best of Both Worlds? / red. M.S. Shugart, M.P. Wattenberg. New York, 2001.
6. Ustawa z 28 czerwca 1991 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu RP // Dziennik Ustaw RP z 1991 r. № 59. Poz. 252.
7. Ustawa z 23 maja 1993 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu // Dziennik Ustaw RP z 1993 r. № 45. Poz. 205.
8. Ustawa z 12 kwietnia 2001 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu RP i do Senatu RP // Dziennik Ustaw RP z 2001 r. № 46. Poz. 499.

Перевод с польского И. Жуковского

В. Полещук
(Таллин, Эстония)

НАТУРАЛИЗАЦИЯ В ЭСТОНИИ

В Эстонии сложилась уникальная в международном контексте ситуация, поскольку каждый пятый её резидент не имеет гражданства страны проживания. Из достаточно крупных государств столь же высокий процент неграждан имеется только в Латвии. Поэтому к процедуре натурализации в Эстонии прибегают не только вновь прибывающие лица, но и эстоноземельцы, которые прожили в стране всю или большую часть жизни.

История вопроса. По данным переписи 2000 г., население Эстонии делилось по признаку гражданства на четыре основные группы: граждане Эстонии (около 80% населения), граждане России (6,3%), граждане иных государств (0,7%) и лица без какого-либо гражданства (12,4%) [1, Table 2]. К последним трём категориям относятся, за редким исключением, бывшие граждане СССР, которые постоянно проживали в Эстонии на момент восстановления ею независимости и которые не покинули страну, но прошли так называемую процедуру легализации (получили вид на жительство).

Причиной столь массового числа неграждан в Эстонии стали решения, принятые высшим политическим руководством страны более десяти лет назад. В июне 1990 г. местный Верховный Совет объявил курс на «полную реституцию» «в оккупированной до сегодняшнего дня Эстонии»¹. Получение независимости от СССР в 1991 г. официально трактуется как освобождение от «советской оккупации», а Эстония рассматривается как восстановленное независимое государство, юридически существовавшее в период 1940-1991 гг.

В Эстонии и Латвии, в отличие от всех прочих республик бывшего СССР, не была реализован так называемый «нулевой вариант» получения гражданства, когда подданство приобретали все (или почти все) постоянные жители. Ряд известных международных специалистов считает, что для Эстонии с учетом длительности срока перерыва в независимом развитии было бы предпочтительнее в вопросе гражданства использовать некую смешанную модель, которая включала бы в себя и реституцию, и «нулевой вариант». «Принятие смешанной модели было бы более рациональным ответом на актуальную ситуацию в стране, и тем

¹ Ülemnõukogu ja Valitsuse Teataja (ÜVT) 1990. № 12, art. 180. Ülemnõukogu ja Valitsuse Teataja, Riigi Teataja (RT) и Riigi Teataja Lisa (RTL) – официальные издания Эстонской Республики (ЭР).

более было бы в соответствии с концепцией прав человека» [4, p. 12-13]. Однако этого не произошло.

Российская сторона в свою очередь исходит из того, что независимая Эстония присоединилась в 1940 г. в СССР и тогда же прекратила свое существование как субъект международного права. При обсуждении вопроса о гражданстве Россия обычно ссылается на заключённый 12 января 1991 г. Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Эстонской Республикой (ЭР)². Параграф 1 ст. 3 Договора установил, что стороны соглашения берут на себя обязанность обеспечить лицам, которые в момент его подписания живут на территории ЭР и РСФСР и являются гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство ЭР или РСФСР «по их свободному волеизъявлению». Согласно третьему абзацу этой же статьи «связанные с гражданством вопросы, представляющие для сторон интерес, согласуются особо в двустороннем соглашении, которое основывается на международных нормах». Статья 4 договора предоставила всем лицам вне зависимости от национальности и лицам без гражданства право выбирать гражданство согласно законодательству страны проживания и Договору, заключённому между РСФСР и ЭР по вопросам гражданства.

Наиболее предпочтительным толкованием этих статей станет предположение, что в них рассматривается применение именно «нулевого варианта» как в России, так и в Эстонии. Однако декларативные положения Договора так и не были раскрыты в специальном соглашении, причем противилась этому эстонская сторона.

Реституция прав гражданства. Реституция (восстановление) коснулась в Эстонии лишь некоторых областей: гражданства, права собственности и международно-правовых отношений. Принципиальное решение, что гражданами будут объявлены лишь подданные довоенной Эстонской Республики и их потомки, было принято Верховным Советом 6 ноября 1991 г.³ Тем самым высший законодательный орган, избранный еще в 1990 г., объявил негражданами около трети собственных избирателей. В феврале 1992 г. Верховный Совет «восстанавливает» действие довоенного (1938 г.) эстонского Закона о гражданстве (далее – Закон 1938/1992 гг.)⁴. Одновременно гражданами была признана часть лиц, которые могли бы претендовать на гражданство на основании данного Закона⁵. В основном это коснулось женщин, ранее вступивших в брак с гражданами Эстонии по рождению, и их детей от других браков.

² Опубликован в: RT. 1991. № 2. Art. 18 – после ратификации Верховным Советом ЭР 15 января 1991 года.

³ ÜVT. 1991. № 39. Art. 476.

⁴ RT. 1992. № 7. Art. 109.

⁵ RT. 1992. № 7. Art. 109.

При «восстановлении» Закона о гражданстве 1938 г. большое значение имело решение Верховного Совета (ВС) о его применении⁶. Например, Закон предусматривал упрощённую (без знания языка) натурализацию лица без какого-либо гражданства, если оно прожило в Эстонии более 10 лет. Однако решением ВС за начало этого срока было принято 30 марта 1990 г.

Специальный закон, который раскрыл требование для натурализующего «понимать эстонский язык», вступил в силу лишь в 1993 г.⁷ Тогда же возможность получения гражданства открылась перед большинством неэстонцев. Знание языка проверялось на специальных экзаменах, где проводилась беседа по различным темам, в том числе об эстонской географии, истории и культуре⁸.

Довоенный закон установил привилегии для лиц эстонской национальности: они могли не сдавать экзамен по языку⁹. В итоге лица, получившие эстонское гражданство по упрощённой процедуре, как этнические эстонцы, составили 20,5% от всех натурализовавшихся на 21 июля 2003 г. Без сдачи экзамена по языку по Закону 1938/1992 г. натурализовались и лица, «специальным образом поддерживавшие эстонскую независимость в советский период» (28% натурализовавшихся по этому Закону) и имевшие «особые заслуги» (0,7%)¹⁰.

В 1995 году парламент принимает новый Закон о гражданстве¹¹. К основным требованиям он добавляет экзамен на знание Конституции и Закона о гражданстве. Новый закон уже не содержит каких-либо этнических привилегий. В то же время в Эстонии после 1996 г., когда натурализация проводилась уже по новым требованиям, наблюдается резкое снижение темпов получения гражданства.

Современные требования в ходе натурализации¹². Гражданство Эстонии может быть приобретено по рождению или получено в ходе

⁶ RT. 1992. № 7. Art. 109.

⁷ RT I. 1993. № 11. Art. 171.

⁸ RT I. 1993. № 19. Art. 347.

⁹ Ст. 7 (1) Закона о гражданстве 1938/1992 гг.

¹⁰ Информация Департамента гражданства и миграции. Здесь и далее данные о натурализации по состоянию на 21 июля 2003 г.

¹¹ Опубликован: RT I. 1995. № 12. 122; редакции: RT I. 1995. № 83. Art. 1442; RT I. 1998. № 111. Art. 1827; RT I. 2000. № 51. Art. 323; RT I. 2001. № 93. Art. 565; RT I. 2002. № 53. Art. 336; RT I. 2002. № 62. Art. 376; RT I. 2002. № 90. Art. 518; RT I. 2003. № 18. Art. 101.

¹² В данной части статьи мы ссылаемся на требования, установленные на основании Закона о гражданстве 1995 г. (далее – ЗГ).

натурализации¹³. Лицо, желающее получить гражданство Эстонии, должно¹⁴:

- иметь возраст не менее 15 лет;
- пребывать в Эстонии на основании постоянного вида на жительство не менее пяти лет до дня подачи заявления о получении гражданства Эстонии и не менее одного года после дня, следующего за регистрацией заявления;
- знать эстонский язык;
- знать Конституцию Эстонской Республики и Закон о гражданстве;
- иметь легальный постоянный доход, обеспечивающий существование его самого и его иждивенцев;
- быть лояльным эстонскому государству;
- принести присягу: «Ходатайствуя о получении гражданства Эстонии, клянусь быть верным конституционному строю Эстонии».

А. Возраст.

Самостоятельно начать процедуру натурализации может лишь лицо, которому исполнилось 15 лет. В отношении 15-18-летних применяются все требования, которые действуют и для совершеннолетнего ходатая, хотя они могут натурализоваться лишь с согласия родителя или воспитателя¹⁵.

В отношении лиц до 15 лет, один из родителей которого является гражданином Эстонии, используется упрощенная процедура. Достаточно просто получить гражданство и усыновленному (удочеренной) гражданином Эстонии ребенку¹⁶. С недавнего времени он может по заявлению родителей считаться гражданином с момента своего рождения или получения гражданства приемным родителем¹⁷.

До принятия Закона о гражданстве 1995 г. несовершеннолетний не мог натурализоваться вместе с родителем или опекуном. После появления соответствующего положения в новом Законе доля несовершеннолетних до 15 лет среди натурализованных резко возросла: они составили самую большую группу (63%) среди всех прошедших процедуру натурализации по новым правилам¹⁸.

С 1999 г. упрощенный порядок получения гражданства применяется в отношении несовершеннолетних до 15 лет, если они сами и их родители являются лицами без какого-либо гражданства. Соответствующие поправки в Закон о гражданстве¹⁹ были приняты в ответ на давление со

¹³ Закон также предусматривает основания для восстановления гражданства Эстонии, утраченного в несовершеннолетнем возрасте, основания для лишения гражданства и его утраты при вступлении в гражданство другого государства.

¹⁴ ЗГ. Ст. 6.

¹⁵ ЗГ. Ст. 31.

¹⁶ ЗГ. Ст. 13 и 14.

¹⁷ ЗГ. Ст. 5 (2¹ и 2²).

¹⁸ Информация Департамента гражданства и миграции.

¹⁹ RT I. 1998. № 111. Art. 1827.

стороны Запада. Юридическим основанием для этого требования международного сообщества была ст. 7 (1) Конвенции ООН о правах ребёнка, согласно которой ребенок регистрируется и получает гражданство незамедлительно после рождения [3, р. 62-65]. Для получения гражданства ребенок-апатрид должен родиться на территории Эстонии после 26 февраля 1992 г. (даты «восстановления» Закона о гражданстве 1938/1992 гг.). Его родители должны проживать в Эстонии минимум пять лет.

Б. Ценз оседлости.

Согласно статье 33 Закона о гражданстве те бывшие граждане СССР, которые поселились на территории Эстонии до 1 июля 1990 г. и получили вид на жительство, могут начать процедуру натурализации в любое время.

В отношении всех прочих ценз оседлости составляет 5 лет проживания по постоянному виду на жительство. Согласно Закону об иностранцах²⁰ (1993) постоянный вид на жительство может выдаваться лишь лицу, прожившему в Эстонии на основании срочного вида на жительство не менее 3 лет в течение последних пяти²¹. Более того, любой человек, который представит необходимые для натурализации документы, обязан подтвердить через 1 год свое желание приобрести эстонское гражданство, а также представить документы, подтверждающие, что он не станет обладателем двойного гражданства²². В противном случае процедура прекращается. Решение о предоставлении эстонского гражданства принимает правительство Республики. Предложение о предоставлении гражданства Кабинету направляет компетентный орган (Департамент гражданства и миграции), причем в течение 6 месяцев после подтверждения лицом своего желания натурализоваться²³.

Таким образом, для обычного ходатая ценз оседлости составляет минимум 8 лет плюс 1 год после подачи документов.

В. Тест на знание эстонского языка.

Согласно Конституции Эстонии (ст. 6) только один язык – эстонский – признан в стране в качестве государственного. Он является родным для 67% всего населения [1, Table 15].

Требования о знании эстонского языка заведомо является наиболее существенным препятствием для натурализации основного числа неграждан. Согласно переписи 1989 г. лишь 15% местных этнических русских владело эстонским языком [2, S. 17], тем не менее языковые требования были сделаны основными в ходе натурализации, начавшейся в 1993 г. Уровень владения эстонским языком среди нетитульного населения постоянно растёт, и перепись 2000 г. зафиксировала его уже у 40% этнических русских [1, Table 48]. Эти данные были ещё выше у представителей

²⁰ Закон об иностранцах (далее – ЗИ), опубликован: RT I. 1993. № 44. Art. 637.

²¹ ЗИ. Ст. 12 (3).

²² ЗГ. Ст. 19 (3).

²³ ЗГ. Ст. 19 (4).

младших поколений. Тем не менее среди российских граждан и апатридов подавляющее большинство единственным государственным языком не владеет [1, Table 45].

Согласно Закону о гражданстве²⁴ к знанию эстонского языка предъявляются следующие требования:

1) понимать устную речь (официальное заявление и сообщение; предупреждения об опасности и предостережения, новости, описания событий и разъяснения явлений);

2) беседовать (вести беседу и рассказ; задавать вопросы, давать объяснения, выражать предположения, отдавать приказы, выражать мнения и пожелания);

3) читать и понимать тексты (публичное заявление и сообщение; публичное извещение, новость, форма-образец, публикация в газете и журнале, известие, каталог, инструкция по пользованию, информация о дорожном движении, тест, протокол, правила);

4) письменно составлять документы, заявления, доверенности, объяснения, написать автобиографию, заполнять анкеты, бытовые бланки и тесты).

Форма экзамена по языку менялась неоднократно. Согласно постановлению правительства от 30 июня 2000 г. экзамен на категорию (профессиональные требования²⁵) был приравнен к натурализационному экзамену²⁶. Постановление министра образования от 2 марта 2000 г. приравнивало выпускные экзамены по эстонскому языку в школах и гимназиях с неэстонским языком обучения к экзамену на категорию, и значит, к натурализационному экзамену²⁷. От необходимости сдавать экзамен по языку и на знание Конституции и Закона о гражданстве может быть освобожден инвалид на основании медицинского свидетельства²⁸.

До десяти человек в год может получать гражданство Эстонии за особые заслуги: к ним могут не применяться требования о сроке проживания, знании языка, Конституции и Закона о гражданстве²⁹. Никакие требования, кроме возраста и ценза оседлости, не установлены в отношении совершеннолетнего с ограниченной дееспособностью³⁰.

²⁴ ЗГ. Ст. 8 (2).

²⁵ Такие экзамены обязаны ныне сдавать все работники государственных и муниципальных структур, а также так называемых публично-правовых учреждений (например, муниципальных школ), равно как и значительная часть работников, занятых в частных секторах экономики (на основании ст. 5 Закона о языке: RT I. № 1995. 23. Art. 334). Этот экзамен могут сдать и все желающие.

²⁶ RT I. 2000. № 54. Art. 657.

²⁷ RTL. 2000. № 32. Art. 425.

²⁸ ЗГ. Ст. 35 (2).

²⁹ ЗГ. Ст. 10 (1).

³⁰ ЗГ. Ст. 35 (1).

Лица, получившие образование любого уровня на эстонском языке, не должны сдавать натурализационный экзамен по языку³¹. Люди, родившиеся до 1 января 1930 г., не должны сдавать его письменную часть³², однако это не отменяет требования о сдаче письменного экзамена по Конституции и Закону о гражданстве.

В 1995-1999 гг. натурализационный экзамен по языку успешно сдали более 80% принявших в нем участие, что, однако, составило всего 8200 человек. С новыми профессиональными языковыми требованиями (язык на категорию) справляются куда меньшее количество лиц: в первый же полный год их применения (2000) среди взрослых (не школьников) общий процент успешной сдачи на все три уровня составил лишь 62 [3, р. 58-59]. В последующие годы процент успешной сдачи несколько повысился. Однако надо отметить, что за весь период с 1992 г. большинство натурализованных по тем или иным причинам экзамен по эстонскому языку не сдавало, т. е. натурализация шла скорее вопреки установленным языковым требованиям. Например, эстонский язык сдавали 36270 человек из 86299, т. е. 42% натурализовавшихся по Закону 1938/1992 гг., и 12148 из 36605 (33%), получивших гражданство по Закону 1995 г.³³

Г. Экзамен на знание законов.

Экзамен на знание Конституции и Закона о гражданстве сдается письменно на эстонском языке. В настоящий момент одна часть экзамена проводится в виде теста, другая - в виде вопросов, требующих развернутого ответа³⁴.

Облегчает прохождение экзамена то обстоятельство, что тексты правовых актов имеются на экзамене в распоряжении тестируемых. Это не отменяет, однако, сложностей, связанных со специальной юридической лексикой как в самих законах, так и в составленных на их основе вопросах. Человеку с уровнем знания языка на начальную категорию будет заведомо нелегко справиться с заданиями.

По закону ходатайствующее о гражданстве лицо должно знать³⁵:

- 1) основы государственного строя Эстонии, зафиксированные в главах I и III Конституции Эстонской Республики;
- 2) основные права, свободы и обязанности каждого, зафиксированные в главе II Конституции Эстонской Республики;
- 3) компетенцию Рийгикогу (парламента), президента, правительства Эстонии и суда в соответствии с Конституцией Эстонской Республики;
- 4) условия и порядок приобретения, получения, восстановления и утраты гражданства Эстонии в соответствии с Законом о гражданстве.

³¹ ЗГ. Ст. 8 (5).

³² ЗГ. Ст. 34 (1).

³³ Информация Департамента гражданства и миграции.

³⁴ RT I. 2002. № 6. Art. 24.

³⁵ ЗГ. Ст. 9 (1).

Часть вопросов к экзамену³⁶ наверняка поставила бы в тупик многих получивших обязательное школьное образование граждан Эстонии по рождению, хотя предполагается, что эти знания крайне необходимы для успешной интеграции. Приведем только несколько примеров:

– Какими словами характеризуется Эстонская Республика в I главе Конституции Эстонской Республики?

– На сколько лет избирается на свою должность президент?

– Из каких судов формируется судебная система Эстонии? и т.п.

Д. Легальный доход.

Закон о гражданстве дает следующий перечень видов легального дохода, который может указать ходатайствующее о гражданстве лицо³⁷:

1) вознаграждение, заработанное законным путем на основании трудового, служебного договора, гражданско-правового договора или членства;

2) доход от законной коммерческой деятельности или собственности;

3) пенсия;

4) стипендия;

5) алименты;

6) государственные пособия, в том числе пособие по безработице и пособие на детей;

7) содержание, получаемое от члена семьи, имеющего в Эстонии легальный постоянный доход.

Е. Требование лояльности и клятва верности.

Требование о лояльности, имеющееся в Законе о гражданстве, никак не раскрывается. Во многом оно отражает пока сохраняющиеся с начала 1990-х гг. взгляды, согласно которым многие представители меньшинств представляют угрозу безопасности и независимости Эстонской Республики.

Правило о лояльности применялось и на практике. Например, в 2003 г. по представлению полиции безопасности (эстонская спецслужба) в гражданстве Эстонии было отказано молодому человеку, выполнившему все иные формальные требования. Заявленной причиной стал его сайт в Интернете, где, по мнению местных властей, содержались оскорбительные для Эстонского государства утверждения³⁸.

«Отказники». Определённым группам жителей гражданство Эстонии предоставлено быть не может. В Законе об иностранцах имеется список лиц, перечисляющий тех, кому вид на жительство в Эстонии не выдается (или выдается лишь в порядке исключения³⁹).

³⁶ RT I. 2002. № 6. Art. 24.

³⁷ ЗГ. Ст. 7.

³⁸ Сообщение Baltic News Service, 6 мая 2003 года.

³⁹ ЗИ. Ст. 12 (4).

Итак, согласно Закону о гражданстве, гражданство Эстонии не может быть предоставлено лицам, которые⁴⁰:

1) предоставили ложные данные (или за совершеннолетнего такие данные предоставили родители/опекуны);

2) не соблюдают конституционный строй Эстонии либо не исполняют законы Эстонии;

3) совершили действия, направленные против Эстонского государства и его безопасности;

4) совершили преступление, за которое наказаны лишением свободы на срок более одного года и судимость которых не погашена либо те, кто неоднократно наказывались за умышленные преступления в уголовном порядке;

5) находились или находятся на разведывательной службе или службе безопасности иностранного государства;

6) служили в качестве кадрового военнослужащего в вооруженных силах иностранного государства, зачислены из них в запас или в отставку, а также их супругу(е), прибывшему(й) в Эстонию в связи с направлением военнослужащих на место службы, зачислением их в запас или в отставку.

Примечательно, что в виде исключения бывшему военнослужащему может быть предоставлено гражданство, если он не менее 5 лет состоял в браке с гражданином Эстонии по рождению и если этот брак не расторгнут⁴¹. В Эстонии имеется прецедент, когда отставной российский военнослужащий, женатый на гражданке Эстонии *по натурализации*, попытался получить подданство и оспорил отказ на том основании, что указанное выше положение Закона о гражданстве является дискриминационным. Дело не получило положительного решения на республиканском уровне, и сейчас соответствующая жалоба направлена бывшим военнослужащим в Комитет ООН по правам человека⁴².

Различия между гражданами. Закон о гражданстве предусматривает одно важное различие между гражданами по натурализации и по рождению: последних лишить гражданства нельзя ни при каких обстоятельствах⁴³. Что касается первой категории, то указанное негативное последствие могут иметь следующие их действия⁴⁴:

1) поступление в качестве гражданина Эстонии на государственную или военную службу иностранного государства без разрешения правительства Республики;

2) поступление на разведслужбу или службу безопасности иностранного государства, или во владеющую оружием либо военизирован-

⁴⁰ ЗГ. 21 (1 и 3)

⁴¹ ЗГ. 21 (2).

⁴² Данное лицо являлось клиентом Центра информации по правам человека.

⁴³ ЗГ. Ст. 5 (3), 28 (3).

⁴⁴ ЗГ. Ст. 28 (1).

ную или занимающуюся военной подготовкой организацию иностранного государства;

3) попытка насильственным путем изменить государственный строй Эстонии;

4) сокрытие путем представления ложных данных при получении или восстановлении гражданства Эстонии обстоятельств, которые исключают предоставление ему или восстановление гражданства Эстонии;

5) обладание гражданством какого-либо другого государства и гражданством Эстонии.

Вопрос о государственной безопасности в отношении иностранцев в Законе о гражданстве не случаен. Здесь любопытно провести параллель с уголовным законодательством: эстонское Уложение о наказаниях также предусматривают ответственность за насильственные действия против независимости и суверенитета Эстонской Республики как для иностранца, так и для гражданина ЭР⁴⁵.

Проблема двойного гражданства. Закон о гражданстве 1938/1992 гг. предусматривал возможность наличия двойного гражданства для граждан по рождению⁴⁶. Эта норма была призвана решить вопрос об участии в политической жизни лиц, эмигрировавших из Эстонии в советский период и принявших подданство какой-либо другой страны, а также их потомков. В Закон о гражданстве 1995 г. был включен прямой запрет двойного гражданства⁴⁷. Тем не менее ни в тексте закона, ни в других актах не установлено каких-либо процедур в отношении лиц, обладавших двойным гражданством на момент принятия Закона. Общее понимание этого вопроса в Эстонии таково, что большинство таких лиц находится под защитой нормы, запрещающей лишать человека приобретенного по рождению гражданства ЭР.

В Эстонии в начале 2001 г. были случаи, когда властями создавались искусственные сложности при пересечении эстонско-российской границы на том основании, что в паспортах граждан Эстонии отсутствовали российские визы, что позволяло работникам эстонских контрольно-пропускных пунктов заподозрить наличие у человека российского паспорта⁴⁸. Эта практика была незаконна и распространения не получила.

Гражданство «по ошибке». Поскольку процедура получения паспорта гражданина Эстонии охватывала сотни тысяч людей, части из них документы были выданы без юридического основания. Так, неэстонцы,

⁴⁵ Ст. 231 Уложения о наказаниях. Этот акт заменил прежний Уголовный кодекс и кодекс об административных правонарушениях. Опубликован в Riigi Teataja I. 2001. № 61. Art. 364.

⁴⁶ Поправка к Закону о гражданстве 1938/1992 гг. опубликована в RT I. 1993. № 13. Art. 204.

⁴⁷ ЗГ. Ст. 1 (2).

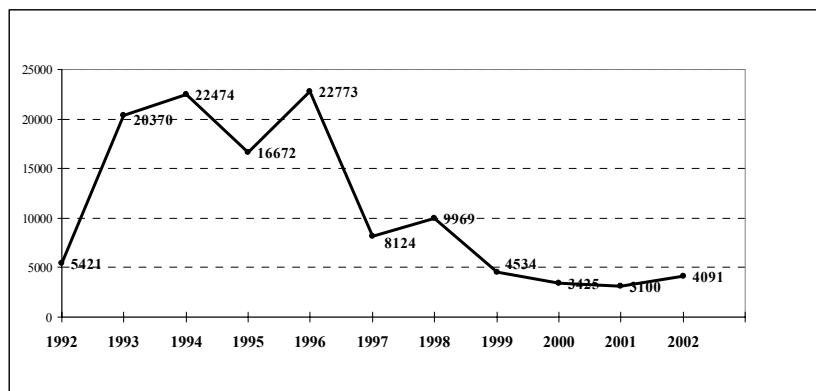
⁴⁸ Информация от клиентов Центра информации по правам человека.

как правило, были вынуждены доказывать наличие у них гражданства по рождению при помощи архивных и прочих документов. В то же время в отношении практически всех эстонцев компетентные органы исходили из негласной презумпции наличия у них эстонского подданства. В отношении многих как эстонцев, так и неэстонцев миграционные чиновники попросту приняли ошибочные решения.

К концу 1990-х гг. в ходе выборочных проверок выяснилось, что часть лиц получила паспорта, в юридическом плане гражданами не являясь. В декабре 1998 г. в отношении этих лиц было установлено правило, что их заявление о выдаче нового паспорта считается заявлением о предоставлении им эстонского гражданства на общих основаниях, т. е. к нему при необходимости должны были прилагаться документы о знании эстонского языка согласно требованиям Закона 1938/1992 гг.⁴⁹. Предоставление этим лицами эстонского подданства делалось со ссылкой на статью 32 Закона о гражданстве.

Ситуация, сложившийся после начала применения описанной выше редакции статьи 32, привела к парадоксальной ситуации: лица, с десятком лет добросовестно считавшие себя гражданами страны, пользовавшиеся связанными с этим статусом правами и обязанностями (участие в выборах, государственная служба, воинская повинность), были задним числом объявлены негражданами. Те, кто не мог легко выполнить натурализационные требования (например, в отношении владения языком), вообще рисковали оказаться вне правового поля.

Тем временем несколько сот человек получили гражданство «на основании статьи 32». Благодаря им впервые за несколько лет в 2002 г. число натурализовавшихся было не меньшим, чем в предыдущем году (см. рис.).

Натурализация в Эстонии в 1992-2002 гг.

⁴⁹ Статья 32 Закона о гражданстве. Соответствующие поправки опубликованы в RT I. 1998. № 111. Art. 1827.

Источник: Департамент гражданства и миграции.

В январе 2003 г. к Закону о гражданстве была принята поправка,⁵⁰ признавшая лиц, которым ошибочно были выданы паспорта, гражданами Эстонии либо с рождения, либо со дня совершения соответствующих процессуальных действий. К этим лицам предъявляется лишь одно условие: они не должны были для получения паспорта предоставлять ложные данные.

Эстонское законодательство о натурализации предъявляет к ходатайствующему о гражданстве ЭР достаточно высокие требования в отношении языка, знаний некоторых правовых актов и ценза оседлости. В стране сохраняется проблема массового безгражданства, которое без изменения законодательства и существенного ускорения темпов натурализации будет актуальна еще не одно десятилетие. Хотя большинство приступающих к сдаче натурализационных экзаменов добиваются успеха, в абсолютных цифрах их число незначительно.

Список литературы

1. *2000 Population and Housing Census, Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages, II.* Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2002.
2. *Hallik K. Eestima muulased: ajalooline ja demograafiline taust («Инородцы Эстонии: исторический и демографический аспект»)* // *Vene küsimus ja Eesti valikud (Русский вопрос и выбор Эстонии)* / Toim. Mati Heidmets. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. S. 13-27.
3. *Poleshchuk V. Advise not welcomed: Recommendations of the OSCE High Commissioner to Estonia and Latvia and the Response* // *Kieler Schriften zur Friedenswissenschaft.* Bd. 9. Münster: Lit Verlag, 2001.
4. *Thiele C. The Criterion of Citizenship for Minorities: The Example of Estonia* // *ECMI Working Paper.* №5. Flensburg: ECMI, 1999.

Т. Богушевич
(Рига, Латвия)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И ИХ ДОСТУП К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Практически в каждой европейской стране национальные меньшинства страдают от различных форм исключения из социального и политического процессов. Хотя причины этого явления отличаются не сильно, набор инструментов, используемых для создания и поддержания такого

⁵⁰ RT I. 2003. № 18. Art. 101.

дисбаланса, довольно разнообразен. Это может происходить на уровне государственного управления в соответствии с правовыми нормами, с использованием статуса гражданства и требования к знанию языка – как в Латвии. Это обуславливает ограничение возможностей участия национальных меньшинств в процессах принятия решений и государственном управлении, равно как и в доступе к нему.

Латвия как государство, в котором этнические латыши составляют только 58,1% всех жителей, представляет собой прекрасный пример необходимости не только принять принцип не-дискриминации, но и предпринять эффективные шаги по защите меньшинств.

Латвия не ратифицировала Рамочную конвенцию защиты национальных меньшинств и, соответственно, не имеет обязательств по соблюдению участия национальных меньшинств в государственном управлении, проистекающих из основополагающего принципа недискриминации. На практике это означает, что данный принцип часто нарушается.

Исходные условия. В Латвии процент населения, составляющего национальные меньшинства, является одним из самых высоких в странах Центральной и Восточной Европы. Жители страны иного, нелатвийского, происхождения составляют более 42% всего населения (2,3 млн); 29,4% населения составляют этнические русские [4].

После десяти лет независимости фактор гражданства остается одним из самых ограничивающих права национальных меньшинств в Латвии: около 550 000 жителей являются «негражданами», из них 547 515 этнические нелатыши.

Латышский язык – единственный государственный язык страны. Кроме латышского Государственный закон о языке официально признает ливонский, но все остальные рассматривает как «чужие», хотя для 42% населения латышский язык не является родным [2]. Государство все ещё не проводит соответствующих потребностям жителей языковых обучающих программ, основным спонсором которых является программа ЕС Phare.

Участие, представительство и доступ к государственным структурам национальных меньшинств в Латвии. Проблема недостаточного участия национальных меньшинств в государственных структурах Латвии не должна рассматриваться вне контекста. Хотя не существует правовых барьеров, исключающих доступ к государственным структурам на основе национальности, недостаточное политическое представительство национальных меньшинств можно считать серьёзной проблемой на пути полноценного политического представительства национальных меньшинств. Стоит оценить основные факторы, препятствующие полноценному политическому участию национальных меньшинств в Латвии, подтверждая претензии к существующему положению.

Рассматривая проблему политического участия, представительства и доступа к государственной службе, остановимся на двух основных пре-

пятствнях, установленных статусом гражданства и требованиями к знанию языка.

Препятствия политическому участию национальных меньшинств в Латвии:

Проблема гражданства. Рассматривая выборы как источник легитимизации власти в демократической системе, необходимо анализировать государственное регулирование ситуации как на локальных, так и на парламентских выборах.

Неграждане не имеют права участия в выборах – ни в качестве кандидатов, ни в качестве избирателей. Несмотря на тот факт, что Латвия будет связана обязательством гарантировать права негражданам избирать и быть избранными на локальных выборах после завершения процесса вступления в ЕС, правящие партии рассматривают возможность внесения изменений в Конституцию, согласно которым исключительно граждане Латвии могли бы избирать и быть избранными.

Избирательный закон уже содержит определенные «заделы», но инициаторы проекта предполагают внесение изменений в Конституцию, хотя это требует определенных усилий (для этого требуется 67 голосов из 100 в парламенте). Прежде всего, это может быть обусловлено внешнеполитическими условиями, так как международные организации не определяют избирательные рамки в муниципальных выборах для неграждан Латвии. Такая ситуация может позволить избежать изменения Избирательного закона, если структура парламента изменится после выборов.

Языковые ограничения. Кандидаты, участвующие в локальных и парламентских выборах, должны свободно владеть государственным языком, что соответствует высшей (третьей) ступени знания языка (если кандидат является выпускником школы, где язык образования не является латвийским, то копия сертификата о знании языка прилагается к документам кандидата). Были случаи, когда некоторые кандидаты исключались из списка на основании того, что реальный уровень знания языка не соответствовал задекларированному и подтвержденному сертификатом.

Отсутствие условий для эффективного представительства национальных меньшинств. Лундские рекомендации эффективного политического участия национальных меньшинств в общественной жизни в Латвии не применяются в полной мере, и не ожидается институциональных изменений для обеспечения этого процесса. Хотя представители национальных меньшинств иногда приглашаются в качестве консультантов при разработке государственных программ, которые непосредственно касаются нелатышей, но на стадии принятия конкретных решений их мнение игнорируется. Фонд интеграции общества, которому прочили важнейшую роль в продвижении интересов национальных меньшинств и их интеграции, состоит преимущественно из политических игроков, в то время как представители официальных организаций не принимают участия в подобной деятельности. Кроме того, использо-

вание ресурсов нередко вызывает вопросы у экспертов и порождает предположения о том, что некоторые проекты являются следствием лоббирования конкретных участников Фонда. Это серьезно подрывает доверие к организации со стороны иностранных партнёров, равно как и компрометирует саму идею функционирования подобной институции как одного из основных факторов интеграции общества. Дополнительной причиной, которая может вызывать непонимание и вопросы, служит факт использования ресурсов Фонда без участия соответствующих консультантов.

Хотя муниципалитеты двух латвийских городов, где национальные меньшинства составляют значительную часть населения, предпринимали попытки создания консультативных советов неграждан с целью содействия их интеграции в латвийское сообщество, данной идее не хватает поддержки государства, и она реализуется за счёт ресурсов муниципального бюджета. Несмотря на то, что подобные действия находятся в контексте Рамочной конвенции защиты национальных меньшинств, равно как и Лундских рекомендаций, реакция правительства несколько неоднозначна. Позитивно оценивая идею изучения латвийского языка, оно одновременно отмечает, что при обеспечении «различными путями реализации политического участия, мотивация неграждан для натурализации может снизиться» [5, с. 23].

Представительство национальных меньшинств в государственных структурах и государственной службе. Принимая во внимание ситуацию, описанную выше, и недостаточную степень этнической мобилизации, следует отметить, что препятствия для политического представительства национальных меньшинств являются следствием отсутствия представительства как в правительственных структурах, так и на государственной службе.

Государственные структуры. Можно рассматривать текущую ситуацию как типичную: только 19 членов парламента из 100 имеют не-латвийское происхождение. Только 1 член Кабинета министров (из 16) является представителем национальных меньшинств. Премьер-министр представляет Латвийский национальный союз «За свободу и Отечество – LNNK». Нет представителей национальных меньшинств среди 7 судей Верховного суда, как и Госсовета по радио и ТВ, так как эти чиновники назначаются парламентом.

Artis Pabriks (Центр этнических исследований и прав человека) в январе 2003 г. представил рабочий вариант проекта «Представительство национальных меньшинств в госструктурах и компаниях: пропорциональность, стабильность, дискриминация». Одной из задач было исследование представительства национальных меньшинств на государственном уровне.

Политолог представил данные, в соответствии с которыми подавляющее количество постов в министерствах принадлежит этническим латышам. Одно из возможных объяснений ситуации, как он отметил, это комплектование министерств преимущественно в 1991 – 1993 гг., глав-

ным образом из членов Национального латвийского фронта. Вторым фактором – недостаточное распространение информации о вакансиях (соответствующие объявления публикуются только в газетах, выходящих на латвийском языке) и недоверие. Автор пришел к заключению, что неверно трактовать эти данные как подтверждение дискриминации в Латвии, «если только не признать вопрос гражданства и языковые требования дискриминационными по своей природе».

Государственная служба. В данном случае языковые требования и вопрос гражданства являются законным порогом для доступа к постам. Госслужащие и кандидаты на посты, главы административных подразделений и их структур, а также служащие, имеющие дело с ведением документов, должны демонстрировать высокий уровень знания латвийского языка – даже оставляя в стороне вопрос гражданства. В соответствии с законом сотрудник государственных учреждений любого уровня, организаций и предприятий должен хорошо владеть латвийским языком.

Исследование, которое провел Artis Pabriks, может стать первой попыткой анализа данной ситуации со времён восстановления независимости.

Доступ национальных меньшинств к Государственной службе.

При анализе условий доступа национальных меньшинств к госслужбе внимание будет уделяться преимущественно таким наиболее проблемным вопросам, как доступ к государственным, муниципальным и юридическим структурам, образованию. Как особая сфера внимания будет рассматриваться ситуация с электронными СМИ. Несмотря на тот факт, что в демократических обществах вмешательство государства в деятельность СМИ минимально либо незначительно, в Латвии языковые ограничения распространяются и на частные СМИ.

Государственные, муниципальные и юридические институты.

Закон «О государственном языке» ограничивает госинституты от принятия письменных заявлений, просьб и жалоб от частных лиц не на латвийском языке, кроме некоторых чрезвычайных ситуаций (вызов скорой медицинской помощи, пожарных и полицейских служб, дорожные происшествия). Документы на иностранных языках могут быть приняты только с прилагаемым переводом на государственный язык с нотариальным заверением. Переводы и заверения – процедуры довольно дорогостоящие, и именно расходы во многих случаях являются поводом для отказа представителей национальных меньшинств от обращения в административные структуры.

Пятого апреля 2001 г. Парламент заблокировал важнейшую поправку к закону о рассмотрении индивидуальных заявок государственными и муниципальными органами. Главной идеей рабочей поправки было разрешение сотрудникам государственных и муниципальных органов говорить на приемлемом для обеих сторон языке во время рассмотрения поданной заявки.

Ведущий латышскоязычный еженедельник «Diena» 12 мая 2001 г. опубликовал информацию о том, как городской совет Риги поступает с входящей корреспонденцией на разных языках. По информации газеты, отдел корреспонденции горсовета Риги не регистрирует письма на русском языке и отсылает их обратно с предложением повторить письмо на государственном языке. Главы комитетов горсовета могут рассматривать письменные заявления и жалобы на негосударственном языке, но в таком случае они обязаны сами зарегистрировать подобные документы. Однако письма на английском, французском или немецком переводятся. Среди штата горсовета отсутствуют переводчики с русского языка, в то время как в Риге 43,8% населения – этнические русские (данные переписи населения см. <http://www.csb.lv/Pres/census6.htm>), не считая того, что ещё часть жителей указала русский как родной язык. Вследствие такой ситуации на практике – например, в Даугавпилсе, где 95% населения русскоговорящие, – закон не соблюдается.

В соответствии с Уголовным кодексом каждый свидетель, жертва преступления либо обвиняемый имеет право использовать в судебных процедурах свой родной язык. Однако Закон «*О государственном языке*» предполагает, что все соответствующие документы должны быть переданы в суд либо в прокуратуру на латышском языке. В 2001 и 2002 гг. полиция не имела специального бюджета для переводов. В итоге множество документов не было переведено с русского на латышский, но суды и прокураторы приняли их. Коалиционный совет (неофициальная политическая организация, созданная лидерами правящей коалиции) отметил, что недостаток средств не является поводом для изменения закона «*О государственном языке*». Подобные правила национального законодательства могут влиять на право свободного доступа к суду, особенно если принять во внимание высокие цены на переводы и услуги нотариусов.

Доступ национальных меньшинств к образованию. В соответствии с законом 1998 г. «Об образовании» после 2004 г. все общественные школы и учреждения профессионального образования должны преподавать только на государственном языке; это означает, что существующие средние школы, в которых преподавание ведется на языке национального меньшинства, должны принять латышский как язык преподавания. Учителя должны демонстрировать высочайший уровень знания государственного языка. Даже частные школы с преподаванием на языке национального меньшинства будут страдать от правовых норм: государственное финансирование будет направляться только в те частные школы, где «применяются государственно сертифицированные программы на государственном языке» [1].

Доступ к СМИ. В то время как не существует никаких языковых ограничений для печатных СМИ, закон «*О радио и ТВ*» обязывает их вести программы преимущественно (75% эфира) на государственном языке. Существуют два телеканала, финансируемых из госбюджета, и

лишь второй имеет право использовать 20% эфирного времени для передач на ином языке.

Рекомендации. После приведения нескольких практических примеров становится ясно, что сам принцип недискриминации не позволяет избежать дискриминации и требуется применение более эффективных механизмов для обеспечения политического представительства, равно как и доступа к государственной службе национальных меньшинств.

Как было показано, многие проблемы коренятся в законодательном поле, решение также лежит в области либерализации законодательства, основной же проблемой представляется процедура приобретения гражданства и изменение требований к языку. Правительству следует предпринять все возможные меры для стимулирования скорейшей натурализации части населения и приспособить Программу обучения языку к требованиям изучающих его. Как вопросы первостепенной важности рассматриваются безоговорочная ратификация Рамочной конвенции и гармонизация в соответствии с ней национального законодательства.

Вопрос дискриминации в Латвии сейчас активно обсуждается, подчёркивается необходимость резервирования определённого количества мест в парламенте для гарантии представительства и участия национальных меньшинств в процессе принятия решений. Несмотря на весомый эффект подобного решения на уровне правительства, необходимо рассмотреть все возможные его негативные последствия. Одним из них может быть то, что подобное решение не означает автоматического влияния нелатвийской на процесс принятия решений. Второе, что следует отметить, – это довольно сложная процедура определения пределов применения такого решения по отношению к каждой конкретной партии, представляющей меньшинства. Кроме того, это приведет к практике институционализации этнических границ, что критикуется правозащитниками.

Наилучшим решением в латвийских условиях может стать следование Лундским рекомендациям о создании соответствующих экспертных и консультационных структур как на местном, так и на общегосударственном уровне. В настоящее время такая практика применяется на местном уровне, но эта идея должна быть однозначно поддержана правительством.

Представленная проблема касается страны, где не существует правовых механизмов, гарантирующих национальным меньшинствам участие в процессе принятия решений, равно как и их представительства в государственной службе (а отсутствие таких гарантий ведёт к дискриминации по национальному признаку). В результате правительственные программы, направленные на изменение положения национальных меньшинств либо затрагивающие данную проблематику, принимаются без учёта потребностей и пожеланий тех, по отношению к кому они применяются. Как следствие – разрыв между тем, что правительство делает, и тем, что должно делать для вовлечения национальных меньшинств в политическую и социальную жизнь, возрастает.

Процесс строительства государства на основе принципа так называемой «этнической демократии» [3] неизбежно ведет к политизации и акцентированию этнического измерения практически в каждой сфере повседневной жизни. В случае Латвии проблемы языка и гражданства являются ключевыми для понимания политического характера социальных процессов.

Нет необходимости особо подчеркивать, что исключения, подобные вышеописанному, ставят под сомнение сами принципы и ключевые ценности либеральной демократии. Люди, голос которых остаётся неуслышанным, будут хранить молчание и прекратят свои попытки заставить прислушиваться к своему мнению. Это уже стало проблемой во многих странах Центральной и Восточной Европы.

Список литературы:

1. *Law on Education*. Art. 59 (2). Adopted on 29 October 1998.
2. *Regular Report on Latvia's Progress Towards Accession*. Commission of the European Communities, 2001.
3. *Smooha*. The Model of Ethnic Democracy // ECFI. 2001. October.
4. <http://www.np.gov.lv/fakti>
5. *Analysis of the Institutional Policy of Society Integration* // The Latvian Institute of Foreign Policy. Riga, 2001.

Перевод с английского И. Жуковского

Раздел 2 Полемика

К. Федорович (Познань, Польша)

РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ИНТЕРНИРОВАННЫХ В ПОЛЬШЕ В 1919-1924 гг.

Факт, что Польша обрела полную независимость, а в России пала коммунистическая система, сделал возможным преодолеть барьер молчания на тему общей истории. Образовались независимые средства массовой информации, появились возможности для реального и откровенного диалога по поводу трудных страниц общей истории. Их было много, и очень быстро проявились значительные различия во взаимном восприятии польско-русской истории. Исторические проблемы стали также одним из главных факторов нарастающих между Польшей и Россией разногласий, связанных с внешней политикой и европейской безопасностью в начале 1990-х годов. В Польше считали необходимым «расчислить» (свести счёты, подвести итоги польско-русской истории. – *Прим. ред.*) и помирить оба народа. Поляки также надеялись на то, что стратегический выбор возвращения Польши в западную цивилизацию Москва не только поймёт, но и одобрит. Тогда в широких общественных слоях поляков существовали сильные антирусские настроения и преобладало «расчислительное» направление в восприятии взаимной истории. К тому же большой интерес к запрещённым до тех пор «белым пятнам» интенсифицировал эти настроения [1, с. 149-151]. На почве общей нормализации общественных настроений антирусский тон польских средств массовой информации парадоксально стал обыденным.

Повсеместными были намерения польских политических элит помирить оба народа и объяснить «белые пятна» (особенно проблему Катыни). Однако скоро стало ясно, что это невозможно. Первым барьером оказалось отношение к истории, которую по-разному понимали в Польше и России. Поэтому тема Катыни, а также русских военнопленных, интернированных в Польше в 1919-1924 гг., стала предметом недоразумений и взаимных обвинений. Русский политический класс почти единогласно отверг польский тезис о необходимости помириться. Он считает, что у обоих народов нет причин, чтобы прощать друг другу, потому что или они не сделали ничего друг другу (по мнению русских, за Катынь отвечают НКВД и Сталин, а не Россия), или вина распределяется «поровну» (в этом случае русские ссылаются на судьбу русских военно-

пленных, интернированных в Польше в 1919 – 1924 гг.). Зато настойчивые требования поляков объяснить события в Катыни принимали в России недоброжелательно и нервно. Русские считали, что действительные мотивировки польских действий – это желание поддержать антирусские настроения в польском обществе [2, с. 70-73].

Для русской стороны противоположностью проблеме Катыни стала проблема русских военнопленных, интернированных в Польше в 1919 – 1924 гг. В начале 1990-х годов на страницах «Красной звезды» и «Русских вестей» появились публикации, авторы которых, не отрицая ран, нанесённых Советским Союзом Польше, считали обиды взаимными. Они внушали, что польская сторона виновата в смерти около 60 тысяч военнопленных Красной армии 1920 г. Лагерь русских военнопленных в Стжалкове они назвали польской Катынью. Вышеуказанные публикации содержали обращение к русским властям решительно требовать от поляков объяснить судьбу военнопленных. В следующих статьях они призывали Польшу признать свою вину в смерти 60 тысяч военнопленных Красной армии, а русское общество призывали навсегда избавиться от комплекса вины в смерти польских военнопленных в Катыни [3, с. 57-58]. В 1992 – 1996 гг. в России вновь возрос интерес к судьбе русских военнопленных. На страницах печати, а также в официальных выступлениях русских политиков часто затрагивалась эта проблема. Во многих высказываниях польская сторона обвинялась в плохом отношении к военнопленным, из-за чего многие из них, вероятно, умерли. Данные о количестве умерших часто менялись: вначале русские не могли досчитать свыше 100 тысяч своих солдат, позже это число уменьшилось до 60 тысяч. Эти изменения были вызваны тем, что у русских историков и публицистов не было достоверных архивных документов. Статьи, которые появлялись в России, были основаны прежде всего на опубликованных между Первой и Второй мировыми войнами воспоминаниях возвратившихся из плена. Русские авторы не интересовались многими источниками, собранными в польских архивах. Из-за этого они часто воспроизводили фиктивные данные. Это главным образом касалось условий, в которых жили военнопленные, а также количества умерших в отдельных лагерях [4, с. 103-104].

После польско-большевистской войны в 1920 г. на территории Польши побывало около 75-80 тысяч русских военнопленных. Около 32 тысяч из них расположили в нескольких лагерях военнопленных на территории страны, а около 40-45 тысяч откомандировали на работу вне лагерей в государственных учреждениях и у частных лиц. Обеспечить такому количеству людей соответствующие бытовые условия стало тогда главной проблемой польских властей сразу после окончания военных действий. Предвидя трудности в реализации этой задачи в условиях упадка в стране, польская сторона эффективно добивалась быстрого обмена военнопленных. Соглашение, касавшееся этого обмена, подписали в феврале 1921 г., и на его основании в Советскую Россию отправили около 67 тысяч русских военнопленных. Большевистская сторона

много раз предъявляла претензии польским властям по поводу плохих условий в отдельных лагерях военнопленных в Польше и указывала на высокую смертность среди них. На основании доступных архивных документов можно сказать, что во время пребывания военнопленных в Польше в 1919 – 1924 гг. умерло около 16-18 тысяч, в том числе около 8 тысяч – в лагере в Стжалкове, около 2 тысяч – в лагере в Тухоли [7, с. 99-112] и около 6-8 тысяч – в остальных лагерях военнопленных. Это количество в несколько раз меньше, чем представили официальные русские власти. Подавляющее большинство случаев смерти военнопленных приходится на первые месяцы их пребывания в лагерях. Военнопленные умирали главным образом из-за эпидемии инфекционных болезней, а также из-за плохих условий. Кладбища, где покоятся военнопленные, окружили заботой польские власти, которые поставили на каждом из них скромные обелиски и кресты и в последующие годы ухаживали за ними. Надо, однако, подчеркнуть, что после 1945 г. эти кладбища были лишены заботы и подверглись разрушению. Только после 1989 г. местные власти Тухоли и Стжалкова установили там, где были размещены кладбища, информационные таблички [5, с. 131-133].

В отношениях между нашими странами много обид, боли и страданий. Нет смысла спорить о том, кто больше страдал. Грустно, что вместо того, чтобы вместе стремиться к полному «расчёту» с прошлым и устранению «белых пятен», мы реанимируем самые тёмные страницы общей истории, всё больше погружаясь в мир прежних конфликтов. В анализе наших отношений надо принять во внимание, что место Польши в русском сознании и место России в польском сознании неодинаковы. В сознании преобладающего большинства поляков Россия всегда играла значительную роль; в свою очередь роль Польши в русском сознании всегда была второстепенной.

В процессе образования нынешних отношений между Польшей и Россией история играет многоаспектную роль. Во-первых, это стереотипы в общественном сознании, во-вторых – стереотипы элит. Это также определённая традиция восприятия польско-русских отношений, которая влияет на обе стороны в процессе образования подходов к возможностям разрешить злободневные проблемы. История оставила современным политикам трудное наследство, с которым они должны бороться. В Польше и России всё время функционируют прочные механизмы недостатка доверия, подозрительности и негативные стереотипы. Для поляков этот механизм основан на памяти о жертвах, репрессиях, рабстве. Отсюда существование очень негативного стереотипа, уверенности в прочном характере имперской природы и агрессивности России как на уровне общественного сознания, так и среди элит. Всеобщий польский стереотип заставляет видеть в русском прежде всего варвара и оккупанта, в свою очередь русский и советский стереотипы представляют Польшу как извечного врага самой русской цивилизации, готового предложить свои услуги каждому, чтобы только принести вред России. У части элит сохранился образ Польши как извечного соперника, гото-

вого использовать каждое ослабление России. Истоки такой ситуации кроются в истории, когда поляки искали освободительный путь и сформулировали тезис об уничтожении русской империи как условии успеха. Эти шаги были совершенно логичны с точки зрения польского освободительного движения, однако для русских такая политика была неприемлемой. Для русских польские бунтари были опасным соперником, который не хочет примириться с проигрышем. Самое плохое, что эти негативные стереотипы функционируют и сегодня среди политиков обеих стран, действительно препятствуя взаимным отношениям.

Исторические стереотипы проявились в 1993 г., когда Россия пересмотрела свою внутреннюю политику, а также цели и задачи внешней политики. Процесс интеграции Польши с Европейским союзом и НАТО начали воспринимать в Москве как противоречащий новым интересам России и поэтому боролись с ним как с однозначно антирусским. Самой эффективной тактикой стало противодействие быстрой интеграции Польши в НАТО путём распространения в мире имиджа Польши как антирусской страны. Русские политики были заинтересованы в том, чтобы создалось впечатление, будто поляки в принципе враждебно относятся к России. Мелкие инциденты были неестественно преувеличенно представлены с помощью средств массовой информации. Цель – убедить государства НАТО в том, что, принимая Польшу в свой блок, они вводят в свои структуры государство, которое остаётся в постоянном конфликте с Россией. Они использовали недоразумения, связанные с проблемой Катюни, открытие и деятельность Чеченского центра информации в Кракове, гуманитарную помощь для Чечни и т. д.

Дополнительным источником напряжений в польско-русских отношениях стали разные концепции будущего Европы, а особенно политической интеграции Центрально-Восточной Европы, включение в этот процесс Украины и Белоруссии. С другой стороны, русские попытки возрождения прежней империи, направленные на эти страны, принимали в Польше с тревогой. Отношения России и Польши с Украиной быстро стали одной из наиболее сложных и опасных проблем. Динамичные и активные польско-украинские отношения вызвали особенное беспокойство в Москве. Польша уже в 1990 г. подписала ещё с «русской» Украиной «Декларацию о принципах и начальных направлениях развития польско-украинских отношений». Она была также первым государством в мире, которое 2 декабря 1991 г. признало независимость Украины. В мае 1992 г. президенты Лех Валенса и Леонид Кравчук подписали польско-украинский «Договор о добрососедстве, дружеских отношениях и сотрудничестве», в котором подчеркнули неприкосновенность границ, а также общность интересов обеих стран. Очень скоро польская сторона построила базу двухсторонних отношений с Украиной, развивала экономические и политические связи, а также региональное сотрудничество [8, с. 21-29]. Польско-украинские взаимоотношения быстро достигли формы стратегической кооперации, а существование независимой Украины стало для Польши своеобразной гарантией безопасности в случае

возврата имперской политики России. Польша взяла на себя обязанности, связанные с инициативой расширить зону безопасности и демократии к Востоку, а конкретно – к Украине. Через определённое время стремление русских удержать Белоруссию и Украину в сфере собственной политики столкнулось с желанием Польши влиять на процессы, происходящие у восточных соседей.

Только во второй половине 1990-х гг. наступило какое-то изменение во взаимном восприятии поляков и русских. Положительным элементом, влияющим на взаимоотношения, было изменение в образе мыслей польских политических элит по отношению к России. Всё чаще польские власти более реально и без антисоветского темперамента рассматривали возможность упорядочить отношения с Россией прежде всего в торгово-экономической сфере. Также умеренные русские политики – как либералы, так и консерваторы – всё чаще считали, что монополистическая позиция, которую занимал бывший СССР в этой части Европы, безвозвратно утрачена; они указывали на необходимость конструктивного сотрудничества с Польшей и другими странами Центрально-Восточной Европы. Всё чаще обе стороны отдавали себе отчёт в том, что, формулируя политические инициативы, надо всё время принимать во внимание опасность появления негативных исторических аналогий.

Анализируя различия в восприятии польско-русской истории, надо подчеркнуть, что эта проблема всё время присутствует в нынешних отношениях обеих стран. Нельзя этого избежать, нельзя это обойти, это нужно решить. А это не так просто. Попытки преодолеть негативное наследие истории, раскрывая всю правду, и покаяться в ближайшей перспективе невозможны. Это вытекает из того, что правда у каждой страны своя. Польская сторона считает, что путь к доверию ведёт через признание себя виновным и покаяние. Русская сторона, однако, лишена и доверия, и убеждения в исторической вине. Несмотря на это, надо всё время пытаться преодолеть разделяющий нас негативный опыт истории. Наше взаимное прошлое должно стать предметом откровенного, может быть, даже резкого диалога России и Польши. Это единственный способ достичь общего успеха и окончательного разрешения проблем прошлого, ещё влияющих на сегодняшние отношения Польши и России.

Список литературы

1. *Kobrinskaja I.* Stosunki polsko-rosyjskie w latach 1991-1996: asymetria priorytetów czy walka ambicji? // Polska polityka wschodnia. Kraków, 2000.
2. *Magdziak-Miszewska A.* Polska-Rosja 1991-1996: między mitem straconych szans a rzeczywistością nie wykorzystanych okazji // Polska i Rosja. Strategiczne sprzeczności i możliwości dialogu / Red. A. Magdziak-Miszewska. Warszawa, 1998.
3. *Michalski A.* Obraz Polski w rosyjskich mediach // Polska i Rosja. Strategiczne sprzeczności i możliwości dialogu / Red. A. Magdziak-Miszewska. Warszawa, 1998.
4. *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918-1924. Toruń, 1997.
5. *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918-1924. Z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej. Toruń, 1991.

6. Karpus Z., Rezmer W. Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914-1923. Toruń, 1997.
7. Achmatowicz A. Strzałów to nie Katyń, Tuchola – nie Miednoje // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1995. T. 30.
8. Kamiński A.Z., Kozakiewicz J. Stosunki polsko-ukraińskie, Raport. Warszawa, 1997.
9. Tarczyński M. Rosja szuka anty-Katynia // Gazeta Wyborcza. 16.08.1995. Nr 189.

И.О. Дементьев
(Калининград, Россия)

ДИАЛОГ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Материал Кшиштофа Федоровича, посвященный состоянию польско-российских отношений, очень важен. Он важен потому, что его автор выступает как исследователь, симпатизирующий России, готовый к диалогу с российской стороной. Это главное основание для того, чтобы вступать с ним в полемику, а не игнорировать так, как не замечаем мы многие антироссийские выпады за рубежом.

Довольно странно сегодня выглядит попытка К. Федоровича вести научную полемику с журналистами российских газет, опубликовавшими свои материалы в начале 90-х годов прошлого века. Или автор не знаком с современной российской историографией? С тем, как в нашей исторической литературе трактуется проблема советских военнопленных? Если можно упрекнуть «русских авторов», что они «не заинтересовались многими источниками, собранными в польских архивах», то почему не привести в статье эти архивные данные? Почему не сослаться на недоступные российским исследователям источники? Это было бы в высшей степени полезно для развития исторической науки. Пока что К. Федорович ссылается на сочинения коллег, а не на архивные материалы, и его статья представляет собой публицистику, причём не более убедительную, чем творения его оппонентов из «Красной звезды».

А ведь проблема советских военнопленных действительно получила широкое освещение в российской историографии и публицистике как раз последних лет. Цитируемый К. Федоровичем польский историк З. Карпус имел возможность изложить свои взгляды в российской прессе – его статья была опубликована в «Независимой газете» в 2000 г. [2]. Там З. Карпус приводит свои цифры – 16-18 тыс. умерших в польских лагерях *российских*¹ военнопленных; там же он говорит о разных бо-

¹ Отмечу, что польские историки постоянно путаются в понятиях: З. Карпус называет войну «польско-большевистской», а военнопленных «российскими»; К. Федорович так же именуется войну, но говорит о «русских военнопленных». Такая

лезнях и «скромных обелисках» – всё то, что теперь повторяет К. Федорович. Там же профессор Карпус подозревает российскую сторону в том, что она «пытается таким образом оправдать убийство польских офицеров и полицейских в Катыни, Харькове и Твери в 1940 г.». К сожалению, не имею возможности обратиться к польским изданиям З. Карпуса, но полагаю, что в них можно найти развёрнутыми те же тезисы.

Все эти положения З. Карпуса в самом деле оспариваются в России. Только не мифическим «русским политическим классом» и не публицистами «Красной звезды», а профессионалами-историками. Полковник запаса и кандидат исторических наук В.О. Дайнес педалирует тему издевательств над военнопленными в польских лагерях. При этом историк опирается на ноты полномочного представителя РСФСР в Варшаве, Отчёт делегации Американского союза христианской молодёжи о посещении польских лагерей и Доклад российско-украинской делегации в Смешанной советско-польской комиссии по делам военнопленных, беженцев и заложников, «в которых описаны пытки и издевательства над безоружными людьми» [1]. Можно считать эти данные фальсифицированными, но нельзя их игнорировать в полемике на такую деликатную тему. Заканчивает Дайнес тезисом, зеркально отражающим аргументацию К. Федоровича: «СССР долго не признавал ответственность за Катынь. Наконец президент Горбачёв, а потом и руководство новой России, преемницы СССР, официально повинились перед соседями. Теперь же преемница Речи Посполитой уверяет, что ей не в чем каяться перед Россией».

Крупнейшего российского специалиста по этой проблеме И.В. Михутину (Институт славяноведения РАН) не упрекнёшь в незнании польских архивных документов. Её публикации основаны на материалах архивных фондах Генштаба и Министерства военных дел Польши, дневниках польских военачальников и других источников польского происхождения [3; 4]. Основываясь также на российских данных, Михутина опровергает цифры Карпуса. В Стшалково не 8, а свыше 9 тысяч умерших; для Тухоли, где Карпус насчитал 1,5-2 тысячи умерших, приводились данные русской эмигрантской прессы (22 тысячи умерших красноармейцев к 1921 г.), которые, хоть и кажутся сегодня невероятными Карпусу, признавались тогда начальником II отдела польского Генштаба И. Матушевским [3, с. 68]. Сопоставляя множество данных из архивов обеих стран, И.В. Михутина приходит к подтверждению сведений из ноты Г.В. Чичерина о гибели 60 тысяч человек в польском плену.

Российские исследователи в отличие от своих польских коллег полагают, что ещё рано ставить точку в этой запутанной истории. Во всяком случае, вряд ли продуктивно анализировать польско-российские отношения в категориях исторической вины в подтверждение своей ис-

чехарда возможна, только если отождествлять русских, россиян и большевиков, что едва ли справедливо.

торической правоты и подсчитывать, какая из сторон имеет большее число жертв.

Оценка польско-российских отношений в ретроспективе, данная К. Федоровичем, явно страдает неточностью: *«роль Польши в русском сознании всегда была второстепенной», «русский и советский стереотипы представляют Польшу как извечного врага самой русской цивилизации»*. В XIX веке Польша оставалась символом сопротивления царскому режиму, вечной болью и вечным стыдом российской интеллигенции. Если и есть в чём упрекнуть Пушкина, то в нашем арсенале есть Герцен. Больше того, отождествить русский и советский стереотипы можно, только если не знать совершенно нашу страну. Советский стереотип не оперировал вовсе понятием *«русской цивилизации»* и рассматривал Польшу под другим углом зрения – как страну, вставшую на путь построения социализма и тем самым не большего врага, чем, например, Чехословакия. А поляки – мнимые враги русской цивилизации – могли приезжать в Калининград даже в брежневские годы, когда область была закрыта для иностранцев. Обмены делегациями, конечно, были под неусыпным контролем соответствующих органов, но охватывали тысячи человек с обеих сторон.

Разговор об исторической ответственности всегда очень тяжёлый. Вот К. Федорович объясняет, что *«кладбища, на которых покоятся военнопленные, окружили заботой польские власти, которые поставили на каждом из них скромные обелиски и кресты»*. С точки зрения факта гибли 18 тысяч – да пусть всего восемнадцати! – человек это совершенно не важно. Ведь можно или простить взаимно и сразу всё, или не прощать вовсе. Но императив – требование покаяния от другого – путь неконструктивный: покаяние должно быть выстрадано внутри, а не навязано извне. Тем более, что выстрадано оно! *«Польская сторона считает, что путь к доверию ведёт через признание себя виновным и покаяние. Русская сторона, однако, лишена и доверия, и убеждения в исторической вине»*. Российская интеллигенция так долго посыпала себе голову пеплом – и за Прибалтику, и за Чехословакию, и за Чечню, и за все преступления советского режима и русского империализма и присно, и ныне, что пригвоздить к столбу позора *«русскую сторону»* по меньшей мере несправедливо. Признание себя виновным по-польски – это, похоже, *«установить скромные обелиски и кресты»*. Что же требуется от *«русской стороны»*? Что конкретно должны сделать российские политики, публицисты, историки, просто российские граждане? Подобное суровое требование покаяния от соседа и декларация покаяния собственного нам хорошо знакомы: в современной России это ноу-хау одного известного писателя, который с настойчивостью доктора Федоровича требует покаяния от евреев.

Есть одна вещь, которую К. Федорович не хочет замечать: нет никакой *«русской стороны»*, так же как нет и *«польской стороны»*, нет *«чеченцев»* и нет *«американцев»*. Именно поэтому многое из того, что пишет К. Федорович, вызывает протест: *«Русский политический класс*

почти единогласно отверг польский тезис о необходимости помириться»; «настойчивые требования поляков оправдать проблему Катыни принимали в России недоброжелательно и нервно». Есть разные политические элиты, есть очень по-разному мыслящие публицисты и историки, есть многообразие и политических, и нравственных подходов. Хорошо, что в Польше кроме антирусски настроенных интеллигентов есть такие, как Кшиштоф Федорович – люди, способные искренне объясниться с теми, кто готов их слушать. Но диалог будет равноправным и честным только в том случае, если за российскими авторами будет тоже признано право на открытость. Есть в России те, кто ощущает историческую вину, но этим чувством не исчерпывается и не должен исчерпываться их внутренний мир.

Список литературы

1. *Дайнес В.О.* Россия – Польша. Работа над ошибками // Независимая газета. 2000. 3 марта.
2. *Карпус З.* Пленные забытой войны. Польские лагеря для красноармейцев в 1919-1921 гг.: правда и домыслы // Независимая газета. 2000. 19 окт.
3. *Михутина И.В.* Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919-1921 гг.? // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
4. *Михутина И.В.* Так была ли «ошибка»? // Независимая газета. 2001. 13 янв.

Е.Ю. Винокуров
(Калининград, Россия)

**КАЛИНИНГРАДУ ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО
ЕГО ПРЕЖНЕЕ НАЗВАНИЕ – КЁНИГСБЕРГ**

1. *Нельзя жить в городе, названном именем Калинина.*

В 1946 году город был назван именем М.И. Калинина. Война закончилась, Кёнигсберг стал советским городом, сохранить старое название было нельзя. В это время умирает «всесоюзный староста». Хороший повод почтить его память.

Кем же был на самом деле Калинин? Время многое, если не всё, ставляет по своим местам. Сусальный образ «дедушки Калинина» стёрся, оценка сильно изменилась. До своей смерти Калинин оставался на вершине государственной власти, вернейшим образом служил Сталину. Его подпись стоит на сотнях обвинительных приговоров невинным людям. Калинин – убийца.

Жена Калинина многие годы провела в ГУЛАГе. Она была гарантией жизни Калинина Сталину. Калинин ничего не сделал для ее спасения.

Он предал самого близкого своего человека – жену. Он – предатель. Он – несчастный человек. Несчастливые люди могут быть мучениками и святыми, но Калинин не был ни мучеником, ни святым.

Много времени прошло. Убийцу и предателя можно понять. Можно и простить. Но нельзя жить в городе, названном именем такого человека. Название города должно быть изменено.

2. *Название города должно быть изменено.*

Если бы у Калининграда было старое российское имя, то он бы давно уже вернул себе его без особых проблем – как Калинин стал Тверью, Ленинград – Санкт-Петербургом, а Киров – Вяткой. Но у города за плечами 700 лет немецкой истории и немецкое имя. Поэтому вариантов изменения имени в принципе только три. Первый из них – вкладывать в название Калининград новый смысл. Второй – дать городу абсолютно новое название. Третий – вернуть название старое – Кёнигсберг.

3. *Калининград – это не калина.*

По газетам прошло «компромиссное» предложение оставить городу название Калининград, но «договориться» считать, что этимология слова – от калины, а не Калинина. Вариант юмористический, но не очень смешной. Считать так – значит издеваться на памятью миллионов жертв репрессий – репрессий, в которых Калинин принимал непосредственное участие.

4. *Неправильно давать городу совершенно новое имя.*

Озвучивалось и много вариантов переименования города. Новое название стало бы уже третьим в истории города, если не считать прусского поселения на горе. Не Кёнигсберг, не Калининград, а что-то третье. Назывались варианты Прибалтийска, Кантограда и даже Путинграда.

Можно было бы привести ряд доводов за и против того или иного нового названия, но, каким бы оно ни оказалось, оно не будет соответствовать исторической традиции. Новое название будет означать отказ от истории края, ее перелицовывание уже во второй раз. Если акт переименования 1946 года понятен, то аналогичное действие сейчас оправдать уже нельзя. Нельзя всё начать с чистого листа. Иван, родства не помнящий, рад бы «до основанья все разрушить, а затем»... Но если мы помним и чтим историю, такой вариант будет для нас неприемлем.

Я считаю, что городу должно быть возвращено название Кёнигсберг. И дело даже не в конкретных вариантах новых названий, дело в том, что вернуть городу прежнее имя будет в любом случае лучше и правильнее. Вот аргументы.

5. *То, чем мы гордимся, – это Кёнигсберг.*

Очень многое из того, чем мы гордимся в Калининграде, – это Кёнигсберг. Парки и зелень, форты и Музей янтаря, Кафедральный собор и кирхи, Кант и Альбертина, вокзал и Дворец культуры моряков, районы улиц Кутузова, Красной, Тельмана, зоопарк, порт и морской канал. Конечно, есть и объекты советского времени, которыми горожане гордятся и которые чтут – прежде всего памятники, увековечившие победу в Великой Отечественной войне.

6. *Кёнигсберг – часть нашей истории и культурного наследия.*

Кёнигсберг уже стал частью нашей истории и культурного наследия. Культура и история, которые человек считает своими, – понятия сложные. Это особенно чётко можно разглядеть на примере архитектуры. Нельзя сказать: я – русский; золотые купола, деревянные дома – это мое, а остальное нет. Это не так просто. Человек, проживший в Калининграде всю жизнь или значительную часть жизни, впитал в себя и другую архитектуру: красный кирпич, островерхую крышу, плиточную мостовую, черепицу, гранитный цоколь. Такую архитектуру он считает своей. Так же обстоит дело и с культурными и языковыми символами. Мы гордимся и считаем своим Канта, немца. Петербург – это «Питер»; Калининград, заметьте, – не «Калин» или ещё что похуже, а «Кёниг».

Калининград, советский период – тоже часть нашей истории и культуры. Он не будет забыт – и хорошее, и плохое. Мы родом оттуда. Но, помня его, мы не можем позволить ему довлеть над нами.

7. *Возвращение городу старого названия не приведёт к регерманизации и сепаратизму.*

Одно из основных препятствий, стоящих на пути возвращения городу довоенного названия – это страх возможной регерманизации области и отделения ее от России. Но это не так. Мы, жители города и области, знаем, что земля эта уже наша и земля эта – российская. Знаем и то, что Москва и вся Россия настроены очень решительно в пользу Калининградской области как неотъемлемой части России, а позиции реваншистов на рубежом слабы. Аргумент об опасности отторжения Калининградской области, ее германизации – не более чем карта, разыгрываемая политиками в своих целях, не имеющих ничего общего с интересами нашей области. Проводимые социологические опросы, с завидной регулярностью дающие цифру в 5-6% сочувствующих идее отторжения области от России в той или иной форме (и соответственно 95 % сторонников того, чтобы Калининград и впредь оставался частью России), – подтверждение тому, что калининградцы, как и все россияне, не представ-

ляют себя вне России. Возвращение городу названия Кёнигсберг не приведет в его регерманизации, а гражданская сознательность, уважение истории и любовь к родной земле сами по себе не приводят к сепаратизму.

8. Название Кёнигсберг – выгодно.

Противники переименования города указывают на то обстоятельство, что любое изменение названия влечет за собой значительные финансовые издержки. Действительно, переименование – мероприятие недешевое. Для небогатого города это существенно. Однако необходимо учитывать и выгоду возвращения городу прежнего названия. Такой шаг привлечет дополнительное внимание. Он станет знаком, символом того, что Калининград-Кёнигсберг становится более открытым, более «нормальным» городом, членом европейской семьи, с которым можно иметь дело. Кёнигсберг – это и паблисити, и улучшение инвестиционного климата.

Даже если переименование города не даст быстрой и ощутимой экономической отдачи, это не должно стать препятствием к возвращению ему имени Кёнигсберг. Есть вопросы, в которых финансовая сторона отступает на второй план. Переименование города – как раз один из таких вопросов. Это дело совести и гражданского самосознания. В России мало семей, не затронутых массовыми репрессиями. В моей семье сгинул в 38-м прадед, а в Вашей – ещё кто-то. Их кровь не смыть с Михаила Ивановича Калинина.

9. Кёнигсберг – город российский и европейский.

Калининград по своему нынешнему духу – город российский и в то же время европейский. Чем дальше, тем больше он будет становиться европейским, объединяя российские и европейские черты. В конце концов, город отражает черты живущих в нем людей. В области живут россияне, но окружена она Европейским союзом. Экономическое и культурное будущее города – это будущее российского города в Европе. Политически и экономически Кёнигсберг, оставаясь российским городом, станет связующим звеном России и Европы, если у обеих сторон хватит мудрости сделать его таким.

10. Переименование накладывает обязательства.

Итак, Калининград должен быть переименован, он не может и далее носить имя Калинина. Ему должно быть возвращено название, которое он имел почти 700 лет. Это будет наиболее правильным решением.

Такой шаг накладывает обязательства на жителей города и муниципальную власть. Имени надо соответствовать. Во-первых, надо знать историю родного края. Во-вторых, необходимо более бережно отно-

ситься к памятникам старины. В-третьих, следует строить город с уважением к прошлому и ответственностью перед будущим. Хаотичная застройка детсадовских дворов должна смениться вдумчивым комплексным строительством, бережным по отношению к историческому лицу города и его зеленому облику.

11. Область тоже должна быть переименована, но необязательно так, как город.

Калининградская область должна быть переименована по тем же причинам, что и город. Но ответ на вопрос, каким же должно быть новое название области, может быть иным. В отличие от Кёнигсберга-Калининграда область ранее не существовала как таковая, она являлась лишь примерно третьей частью Восточной Пруссии. Поэтому для области в ходе широкого обсуждения вполне может быть найдено другое название. Может быть, Кёнигсбергская область РФ; может быть, Балтийская или Прибалтийская область. Лично мне симпатична Балтийская область, но само название не так принципиально, как необходимость его замены. Принципиально лишь то, что область также должна отказаться от своего нынешнего названия и приобрести другое, которое будет по душе его жителям – именно им, а не кому-либо другому.

12. Решение должно приниматься общим городским волеизъявлением.

Конечно, решение о переименовании города должно быть принято в ходе городского референдума. Такой вопрос решается не келейно, а в ходе широкого обсуждения. Он затрагивает всех горожан.

Сентябрь 2003 г.

Раздел 3

Историография. Библиография. Рецензии

Е.А. Тюрин (Калининград, Россия)

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ «МАЛОЙ ЛИТВЫ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Проблема «Малой Литвы» является своего рода камнем преткновения во взаимоотношениях между Россией и Литовской Республикой вот уже более десяти лет. К сожалению, в России мало что известно о самой проблеме и о дискуссии в научных, а не политических, кругах. Немногие знают, что тема «Малой Литвы» не раз всплывала в XX веке, а позиции историков менялись на протяжении всего столетия¹.

Среди исследователей, занимающихся «Малой Литвой», хотелось бы выделить литовских, поскольку в российской историографии вряд ли имеется специалист в данной области. Это объясняется тем, что в России данную проблему не считают серьёзной. В Литве же она была поставлена ещё в 1918 г., и потому спектр мнений по этому вопросу довольно широк, несмотря на одну общую политическую идею – присоединение территории «Малой Литвы» к Литовской Республике.

Одними из первых, кто стал заниматься рассматриваемой темой, стали А. Дапока [16, р. 18-32] и В. Даугирдайте-Срогене [17, р. 35-49]. Уже в их работах настойчиво подчёркивается, что земля пруссов была и остаётся литовским краем. «Часть пруссов осталась, часть бежала в Литву, боясь зверств и ужасов крестоносцев. Это ещё больше сблизило жителей земли пруссов и Литвы. И земля пруссов, хотя там и была власть немцев и были немецкие колонисты, и дальше оставалась литовским краем» [17, р. 46]. После Второй мировой войны литовская буржуазная историография не исчезла, а переместилась за океан, где продолжала развивать те же идеи. И сейчас такие города, как Чикаго, Торонто, Бостон, являются центрами литовских эмигрантов, издающими литературу и по проблеме «Малой Литвы».

В советский период, или, как его ещё иногда называют в Литовской Республике, «период второй оккупации», тема «Малой Литвы» не угасла. Литовские историки, ссылаясь на 50-й том Словаря Брокгауза и Ефрона [13, с. 632-633, 624-626], продолжали исследования, и здесь уже проводилась мысль, что пруссы – одно из литовских племён. Особенно это направление разрабатывал В. Вилейшис [23, р. 46-78, 93-104].

С 1970-1980-х гг. литовские историки А. Матулявичюс [9, с. 5-21] и В. Спечюнас [7, с. 394-395] считают жителей Надровии и Скальвии западными

¹ См., например [2; 3; 4; 8; 11].

литовцами. Говоря о XVI веке, когда возник термин «Малая Литва» («Прусская Литва»), авторы заявляют, что «автохтоны пруссы составляли по крайней мере в XIII - XVI вв. большинство жителей. Кроме пруссов... в северной части – автохтоны западные литовцы и другие балты. Все они составляли абсолютное большинство жителей Прусского края... В целом до XVIII в. немцы составляли меньшинство» [9, с. 7-8]. Интересно, что В. Спечюнас, ведя речь о пруссах, ссылается на работу П.И. Кушнера [6], где тот отождествляет литовцев с пруссами.

Но если вышеупомянутые авторы границы «Малой Литвы» определяли бассейнами рек Преголи и Немана (Нямунаса), то другие историки, В. Шилас и Х. Самбора, считают, что территория всей нынешней Калининградской области являлась «Малой Литвой» [22, р. 8-24].

Известный литовский историк Р. Батура, ссылаясь на данные археологии и сведения орденского хрониста Петра фон Дусбурга, утверждает, что родство и близость пруссов и литовцев не подлежит сомнению [15, р. 18].

Таким образом, можно выделить несколько точек зрения на проблему «Малой Литвы».

1. Исконное пребывание литовцев на территории нынешней Калининградской области и отождествление литовцев с пруссами.
2. Доминирование литовцев на данной территории.
3. Культурная и этническая близость «малолитовцев» с «великолито-вцами».
4. Деятельность Совета литовского народа Пруссии после Первой мировой войны.

Теперь необходимо критически разобрать все эти тезисы литовских коллег.

Идея тождественности пруссов и литовцев весьма спорна. Да, безусловно, оба народа принадлежали к балтской ветви народов, имели сходный пантеон богов и похожие языки. Но археологические данные, как и данные письменных источников, позволяют говорить о более высоком уровне материальной и духовной культуры пруссов, чем литовцев; более того, известный специалист по археологии пруссов В.И. Кулаков считает, что именно пруссы повлияли на формирование государственности и культуры у литовцев [5, с. 45-86]. Отчасти, эту теорию пытался развить и крупнейший советский специалист по Литве В.Т. Пашуто [10, с. 60-72]. Пруссы, бежавшие в Литву от тевтонских рыцарей, помогли литовскому королю Миндаугасу (Миндовгу) объединить литовские племена, привнося одновременно и часть культурных традиций, свойственных именно прусской культуре.

Второй тезис, тезис о доминировании литовцев, который встречается практически у всех литовских историков, базируется на письменном источнике XVI в. – работе Симона Грунау «Прусская хроника». Опубликованная в 1526 г., хроника вводит термин «Maža Lietuva», или «Малая (Прусская) Литва» [14, р. 124-147]. Да, действительно, северные и северо-восточные районы Калининградской области были заселены преимущественно литовцами; но лишь северные и северо-восточные, да и то исключая города, в то время как ряд историков говорит о повсеместном их доминировании [21, р. 8-17]. Начиная с 1447 г. литовские переселенцы, уходя от польских притеснений, начинают заселять земли Скаловии и Надравии. С момента заключения до-

говора 1466 г. переселение увеличивается. Немцы же не очень-то обживали земли севера и северо-востока в XV-XVII вв. Но если даже (по максимальным оценкам) граница «Малой Литвы» доходила до линии Лабиау – Тапиау – Гумбиннен, то это менее 30% всей Восточной Пруссии и речь о доминировании не может идти, в то время как Литовский исторический атлас 2001 г. утверждает обратное [20, р. 11]. Матулявичюс же вообще говорит о границе по линии Хайлигенбайль - Прейсиш-Эйлау - Энгельштейн - Ангербург - Дубиненкай, тем самым включая в территорию «Малой Литвы» и часть польских земель [9, с. 9]. К тому же после чумы 1709 – 1711 гг. в «Малой Литве» умерло до 160 000 человек (53% литовского населения) [9, с. 12]. Данные основываются на переписях, сделанных в приходах «Малой Литвы». Чума и немецкая колонизация 1720 – 30-х гг. уменьшили процент литовцев в Восточной Пруссии, впрочем, литовские историки говорят о том, что многие литовцы, дабы продвинуться по служебной лестнице, записывались в немцы, либо их онемечивали насильно [23, р. 96].

Другой аргумент литовских историков сводится к утверждению, что «малолитовцы» и «великолитовцы» близки как в этническом плане, так и в культурном. Но если литовцы в Восточной Пруссии действительно близки к великолитовцам в этническом аспекте, то в культурном аспекте – далеко не так. Конечно, Маттеус Преториус, Мартинас Мажвидас, Кристионас Донелайтис и Видунас творили на литовском языке, а их работы стали классикой литовского наследия, но не стоит забывать, что население Восточной Пруссии было протестантским – в отличие от католиков Литвы; да и произведения Донелайтиса стали пользоваться в Литве популярностью лишь во второй половине XIX в. К тому же многие литовцы Восточной Пруссии недолюбливали своих соседей, что подогревалось политикой властей, направленной на пропаганду германизма.

Ещё один аргумент литовских историков основан на особенностях политической обстановки, сложившейся в 1918 г. После завершения Первой мировой войны Литва обрела независимость, а поражение Германии дало шанс националистическим кругам Литвы и её президенту А. Сметоне присоединить земли «Малой Литвы». Опираясь на литовскую интеллигенцию и буржуазию Восточной Пруссии, возглавляемую Мартинасом Янкусом, Кристинасом Лекшасом и Юргисом Стрекисом, Литва поднимала вопрос о присоединении «малолитовских земель». Позиции Литвы укреплял Совет Малой Литвы (Mažosios Lietuvos Tariba), созданный в Тильзите 16 ноября 1918 г., который в декларации от 16.11.1918 г. провозглашал присоединение «Малой Литвы» к «Великой Литве». Двадцать третьего марта 1919 г. было создано Объединение литовцев в Пруссии, которое требовало присоединения к Литве лишь Клайпедского края, а не всей «Малой Литвы». И если Клайпедский край удалось присоединить, то в остальной Восточной Пруссии идея присоединения к Литве не нашла должного отклика, что свидетельствует о небольшом влиянии литовского населения Восточной Пруссии. Поэтому и данный аргумент весьма спорен и не даёт литовским историкам оснований утверждать о принадлежности края Литве. Впрочем, реальнейший шанс заполучить земли Восточной Пруссии был упущен Литвой после окончания Второй мировой войны: предложение И.В. Сталина присоединить Кёнигс-

бергскую область к Литве было отвергнуто лидером литовских коммунистов А. Снечкусом [1, с. 3].

Но несправедливо судить о проблеме, зная позицию лишь литовских историков: необходимо знать и её оценки, данные немецкими и российскими историками. Современные немецкие историки не уделяют большого внимания территории нынешней Калининградской области, они не оспаривают решений послевоенных конференций, а идеи реваншизма исповедует лишь часть одиозных историков Германии [18]. Довоенные историки и археологи во многом отождествляли пруссов с германцами [19, S. 130-137], что объяснялось как пангерманизмом, так и последующей нацистской идеологией.

Советская и российская историографии, несмотря на недостаточное внимание к проблеме, стоят на одинаковых позициях: земля Калининградской области – неотъемлемый субъект России. Историки же, занимающиеся древней историей Пруссии, склонны считать термин «Малая Литва» во многом искусственным. Так, В.С. Суворов полагает, что сам термин был придуман С. Грунау с подачи герцога Альбрехта, пытавшегося объединить в государство немецких жителей с прусскими и литовскими колонистами [12]. Поэтому претензии иностранных государств беспочвенны, а послевоенное решение участников Потсдамской конференции не подлежит пересмотру.

Автор статьи полагает, что, если отбросить политический аспект проблемы, то историкам трёх стран было бы выгодно совместно работать над проблемой. В Германии сохранились архивы музея «Пруссия», в Литве, в Клайпед, находится Музей истории «Малой Литвы», а в Калининградской области есть все условия для изучения истории края. По этим причинам сотрудничество литовских, немецких и российских исследователей было бы весьма плодотворным.

Список литературы

1. Бикulichос В. Литовские власти от Снечкуса до Адамкуса // Правда. 2002. 3-4 сент.
2. Иванов А. О так называемой Малой Литве // За доблестный труд. 1990. 3 апр.
3. История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.
4. Исупов В.С. Прусское герцогство и реформа Альбрехта Бранденбургского // Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996.
5. Кулаков В.И. Древности пруссов VI – XIII вв. М., 1990.
6. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
7. Литва: Краткая энциклопедия. Вильнюс, 1989.
8. Литовцы и Малая Литва в течение веков: Тезисы докладов конференции 8-9 декабря 1989 г. Клайпеда, 1990.
9. Матулявичюс А. Кто ты, Малая Литва? // Замечательные люди Малой Литвы. Вильнюс, 1989.
10. Пацуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
11. Плотников А. «Мемельский вопрос» и национальные интересы в Прибалтике // Российская Федерация. 2002. 17 сент.
12. Суворов В.С. Малая Литва – результат культурной политики герцога Альбрехта // XXVI научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Калининград, 1990.

13. *Энциклопедический словарь*. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1898. Т. 50.
14. *Baltu istorija ir mitologia*. Vilnius, 2001. Т. 2.
15. *Batura R.* Prussai ir lietuviai // *Veidas*. 1999. № 2.
16. *Dapoka A.* Lietuvos istorija. Kaunas, 1936.
17. *Daugirdaite-Sruogiene V.* Lietuvos istorija. Kaunas, 1935.
18. *Daum F.* Urgeschichte Ostpreussens. Hamburg, 1997.
19. *Engel C., La Baume W.* Kulturen end Völker des Frühzeit im Preussenland. Königsberg, 1937.
20. *Lietuvos istorios žemėlapis*. Vilnius, 2002.
21. *Purvinas M.* Mažoji Lietuva – nuo Lazdyneliu iki Balgos. Dirva (Canada), 1990.
22. *Šilas V., Sambora H.* Mažiosios Lietuvos kultūros pedsakai Kaliningrado sri-tyje. Vilnius, 1990.
23. *Vileišis V.* Tautinai santykiai Maž. Lietuvoje. Kaunas, 1935.

Д.В. Манкевич
(Калининград, Россия)

**ТЕМАТИКА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА, ЗАЩИЩЁННЫХ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КГУ (2002 – 2003)¹**

*Дипломные работы, подготовленные на кафедре истории
Балтийского региона в 2002 г.*

1. *Антуфьева О.Н. История Гурьевского района (1946 – 1965 гг.)* [М.А. Клемешева]. В работе рассмотрены такие важные стороны истории Гурьевского района, как экономика, коммунальное хозяйство, культура и т. д. Автор проследил эволюцию экономической специализации региона от довоенного до послевоенного времени. В связи с этим большое значение имеет привлечение немецких источников и литературы. Используются обширные материалы периодической печати, местной и центральной. В приложении приведены ранее не публиковавшиеся статистические данные, характеризующие уровень жизни жителей района в указанный период, уровень развития хозяйства, а также интервью первых жителей района.

2. *Бухонов А.Ф. История здравоохранения Калининградской области (1965 – 1985 гг.)* [С.П. Гальцова]. В работе осуществлён многофакторный комплексный анализ развития учреждений здравоохранения в рамках Калининградской области. Изучена структура органов управления здравоохранения, материально-техническая и научная база, уровень оснащённости лечебных учреждений и динамика его изменений.

¹ Работы хранятся в кабинете истории КГУ. В квадратных скобках – фамилия научного руководителя.

3. Дружинина И.А. *Проблемы формирования Ливонии в первой четверти XII в.* [В.С. Суворов]. Изучение раннего периода истории Ливонии осуществлено на основе синтеза данных различных источников, в том числе древнерусских, германских, польских. Рассмотрена проблема взаимодействия местного ливонского нобилитета и германского рыцарства. Изучена трансформация роли, места и значения местной знати в процессе формирования Ливонии. Важным вкладом автора в разработку темы является выяснение роли региональных традиций, правовых обычаев в формировании ливонской государственности.

4. Зенченко Э.В. *История города Гусева (1945 – 1965 гг.)* [В.Н. Маслов]. Работа посвящена анализу экономического и инфраструктурного развития г. Гусева. Рассмотрен процесс становления органов городского управления, заселения города и формирования хозяйственного комплекса.

5. Истомина К.В. *Авиация в боевых действиях в Восточной Пруссии в период Второй мировой войны* [М.А. Клемешева]. На основе широкого круга источников (мемуары, дневники, энциклопедические издания, сообщения Советского информбюро) реконструирована картина взаимодействия советской авиации с сухопутными силами и флотами в период Восточно-прусской операции. Проанализирована деятельность немецкой авиации (возможности, состав, численность, направления ударов). Сформулированы задачи, стоявшие перед авиационными соединениями противников на момент начала операции; автор сумел проследить динамику эволюции этих задач.

6. Карплюк А.П. *История телефонизации Калининградской области (1945 – 1965 гг.)* [В.Н. Маслов]. В работе проанализированы и систематизированы документы Калининградского областного управления Министерства связи. Автор освещает состояние телефонного хозяйства области в первые послевоенные годы, взаимосвязь немецких телефонных коммуникаций и телефонных линий, созданных в 1945-1965 гг. Показана связь телефонного строительства с развитием народного хозяйства области в целом. Важной заслугой автора является анализ критериев и принципов телефонизации районов и улиц Калининграда. Сформулированы выводы об общем уровне и перспективах развития телефонной сети Калининграда в середине 1960-х гг.

7. Маткова Н.И. *Литературно-театральная жизнь Калининградской области в 1990-е гг.* [В.Н. Маслов]. В работе выявлены условия развития театрального искусства и театральной жизни. Автор проследил взаимосвязь калининградской художественной литературы, писательских организаций и театральной жизни. Воссоздана динамика посещаемости калининградских театров в указанный период. Развитие театральной жизни реконструировано на фоне сходных процессов в СССР. В работе использованы материалы устной истории.

8. Несвит Г.С. *Шведская гегемония на Балтике во второй половине XVII в.* [В.Н. Маслов]. В работе рассмотрены военно-политические и эконо-

мические основы шведской гегемонии на Балтике, проанализированы причины роста значения Швеции и международные условия, способствовавшие этому процессу. Уделено внимание усилиям шведской дипломатии, а также теоретическому обеспечению шведской экспансии.

9. *Новиков А.С. Ятвягия в системе международных отношений XIII в.* [В.С. Суворов]. Одним из главных достоинств работы является обширная база источников разных типов, широкий спектр историографии. С учётом различных точек зрения представлены такие базовые термины и положения, как этнос, ятвяги, территория их расселения. Автор исследовал «ятвяжский вопрос» как проблему международных отношений XIII в., выделил внешние и внутренние факторы, которые оказывали влияние на роль «ятвяжского вопроса». В работе дана чёткая периодизация развития этой международной проблемы. Автор сумел сопоставить причины заинтересованности окружающих государств в покорении Ятвягии и методы территориальной экспансии. Особым достижением автора работы следует признать мобилизацию немецких и польских источников и научных работ по данной теме.

10. *Огородников М.Е. История завода «Балткран» (1945 – 1965 гг.)* [С.П. Гальцова]. Автор мобилизовал многочисленные фонды Государственного архива Калининградской области (ГАКО) и Центрального хранилища исторических документов Новейшей истории Калининградской области (ЦХИДНИКО), в том числе фонды Статистического управления Калининградской области. Рассмотрен процесс становления и развития старейшего предприятия области. Получили развитие такие проблемы, как кадровая политика на заводе, материально-техническая база предприятия, научно-техническое обеспечение. Процесс развития предприятия рассмотрен на фоне эволюции государственной политики в отношении промышленности.

11. *Пересецкий В.Л. История автобусного транспорта Калининградской области (1946 – 1955 гг.)* [М.А. Клемешева]. Работа построена по проблемно-тематическому принципу и посвящена истории становления автобусного парка Калининградской области. Автором рассмотрены такие проблемы, как материально-техническая база автобусного парка, организация его работы. Проведён анализ выполнения государственных планов, а также особенностей кадровой политики. Работа основана главным образом на материалах Калининградских архивов.

12. *Черкашина Д.В. История города Светлого (1945 – 1965 гг.)* [В.Н. Маслов]. Работа основана на обширном круге источников, в том числе на материалах ГАКО и ЦХИДНИКО. Достоинство работы – привлечение материалов устной истории, интервью жителей г. Светлого. Рассмотрен процесс заселения Светлого в первые послевоенные годы, выделены общие и специфические черты этого процесса. Уделено внимание периоду становления и развития важнейших предприятий города, энергетической отрасли. В приложении к работе приводятся важные статистические материалы и интервью первых жителей Светлого.

*Дипломные работы, подготовленные на кафедре истории
Балтийского региона в 2003 г.*

1. *Голиков А.М. Литва и её соседи. 1385 – 1413 гг.* [В.С. Суворов]. В работе рассмотрены взаимоотношения Литовского государства с Тевтонским орденом, Польшей, Золотой Ордой и Московской Русью. Особое внимание уделяется выявлению роли Литвы в политических процессах, происходивших в русских землях в этот период. В работе использована литература на немецком языке.

2. *Григорьева И.Г. История Неманского целлюлозно-бумажного комбината с 1945 по 1991 гг.* [М.А. Клемешева]. Работа представляет собой образец микроисторического исследования. История предприятия рассматривается на основе значительного количества источников, анализируются причины кризисных явлений, уделяется внимание влиянию перестройки на деятельность предприятия. Работа включает интервью с руководителями и работниками комбината, схемы и фотоматериалы.

3. *Васильева Г.А. История образования и становления Багратионовского района в 1945 – 1955 гг.* [В.Н. Маслов]. В работе рассматриваются основные социально-экономические процессы, происходившие в Багратионовском районе в первое послевоенное десятилетие. Основой для создания работы послужили в основном неопубликованные архивные материалы, а также сведения, полученные в ходе интервьюирования.

4. *Зарицкова А.С. История города Светлогорска (1946 – 1965 гг.)* [С.П. Гальцова]. История города рассматривается комплексно, в сфере внимания – деятельность органов местного управления, промышленных предприятий, учреждений социальной сферы, рекреационного хозяйства. Источниками послужили в основном неопубликованные архивные материалы.

5. *Тимирёв И.А. Участие европейских феодалов в завоевании Пруссии* [Р.Ю. Качанов]. В работе использованы разнообразные русские, немецкие и польские источники, обширная литература по теме. Рассмотрены попытки завоевать Пруссию до прихода Тевтонского ордена (викинги, польские короли, русские князья). Описываются крестовые походы в Пруссию. Внимание уделено персоналиям видных крестоносцев.

6. *Шкрабо Т.А. История библиотек г. Калининграда в 1946 – 1955 гг.* [С.П. Гальцова]. В работе рассматриваются такие проблемы, как появление первых библиотек (в том числе Областной научной библиотеки), состояние книжных фондов и их пополнение, массовая работа с читателями, персонал библиотек. Сформулирован взгляд на значение библиотек как центров культурной и интеллектуальной жизни города.

7. *Батарин В.С. История развития Багратионовского района 1956 – 1970 гг.* [М.А. Клемешева]. В работе проанализированы важнейшие этапы и

особенности развития социальной, общественно-политической и производственной сфер жизни района.

8. *Черников А.И. Прусское ополчение в Освободительной войне Германии (1813 г.)* [Г.В. Кретинин]. Автором рассмотрена концепция создания прусского ополчения, формы реализации этой концепции, действия ополчения в 1813 г. Для решения задач исследования привлечена обширная литература – отечественная и немецкая.

9. *Бережная Е.В. История социально-экономического развития Гурьевского района (1965 – 1985 гг.)* [В.Н. Маслов]. Объектом исследования является экономика и коммунальное хозяйство района. Несомненное достоинство работы – большое количество приложений и дополнительных материалов.

10. *Мусина Н.М. Магистры Тевтонского ордена в Пруссии (1230 – 1410 гг.)* [В.С. Суворов]. В работе рассмотрены личности магистров Ордена в Пруссии, их военная и политическая деятельность. Дипломная работа снабжена большим количеством приложений и статистических материалов.

11. *Головач М.С. Национально-культурные общества Калининградской области на современном этапе* [М.А. Клемешева]. Работа основана на материалах периодической печати. В дипломном сочинении проанализированы специфика образования, история и основные проблемы деятельности национально-культурных обществ: финансирование, отношения с властями и общественными силами.

***Дипломные работы, подготовленные на кафедре
зарубежной истории и международных отношений в 2002 г.***

1. *Голованов М.В. Дипломатия и война в политике Фридриха II Великого* [М.В. Тихонова]. В работе дан обзор внешней политики Фридриха Великого и проанализированы его внешнеполитические воззрения. Рассмотрены корни концепции прусской внешней политики в первой половине XIX в. Дипломатия Фридриха рассмотрена в контексте центростремительных процессов в германских землях. Особое внимание уделено военному строительству и формированию прусской военной системы. В работе использованы немецкие источники и научные работы.

2. *Скорых А.В. Польский вопрос во франко-русских отношениях в начале XIX в.* [Ю.В. Костяшов]. В работе проанализирована динамика развития польского вопроса в период наполеоновских войн, рассмотрена предыстория российско-французских противоречий по польскому вопросу. Автор использовал обширную научную литературу как на русском, так и на немецком языке. Выявлена специфика подходов к решению польской проблемы в период до Тильзитского мира 1807 г.

3. *Чаплиева Е.В. Внешняя политика Второй Речи Посполитой в 1930-е гг.* [Ю.В. Костяшов]. Внешнеполитическая доктрина польского правительства

рассмотрена в свете концепции «Третьей Европы» и в контексте польско-германских и польско-литовских отношений. Выявлены предпосылки поражения Польши в начальный период Второй мировой войны. Рассмотрена деятельность польской дипломатии и военного ведомства Речи Посполитой в годы «умиротворения» гитлеровской Германии. Проанализирована польская историография по данному вопросу.

4. Школьникова В.В. *Внешиеполитическая деятельность польского правительства в эмиграции. 1939 – 1945 гг.* [Ю.В. Костяшов]. Всесторонний анализ деятельности польского эмигрантского правительства дополняется рассмотрением позиции западных держав в отношении воссоздания польского государства. Проведён сравнительный анализ внешнеполитических программ кабинетов Сикорского и Миколайчика, а также правительства Т. Арцишевского. На базе изучения польских источников и многочисленной научной литературы сформулирована оценка деятельности польского правительства в эмиграции.

***Дипломные работы, подготовленные на кафедре
зарубежной истории и международных отношений в 2003 г***

1. Назаренко А.Е. *Советизация Польши (1947 – 1953 гг.)* [Ю.В. Костяшов]. В работе рассмотрены геополитические изменения в Восточной Европе после Второй мировой войны, основные положения концепции «польского пути» как теоретической базы новой власти. Переход к форсированному строительству социализма рассматривается на основе формирования авторитарно-бюрократического режима.

2. Лопушкина О.А. *Уинстон Черчилль и польский вопрос* [Ю.В. Костяшов]. В дипломном сочинении прослеживается эволюция взглядов премьер-министра Великобритании на польскую проблему в годы Первой мировой войны, в межвоенный период. Особое внимание уделяется его позиции в ходе Второй мировой войны и в годы послевоенного урегулирования.

3. Зейдманис Я.В. *Польско-литовские отношения в межвоенный период* [Ю.В. Костяшов]. Ключевые проблемы истории польско-литовских отношений 20-30-х гг. рассматриваются на основе изучения большого количества источников и литературы, в основном отечественной. Особого внимания заслуживает раздел дипломного сочинения, посвящённый польско-литовскому вооружённому противостоянию и конфликтам в 1919-1920 гг.

ПОЛЬСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 1989 - 2002 гг.

Polityka zagraniczna RP 1989 – 2002. Warszawa: Wydawnictwo ASKON; Fundacja studiów międzynarodowych, 2002.

Внешняя политика РП 1989 – 2000. Варшава: Издательство АСКОН; Фонд международных исследований, 2002.

Фундаментальное исследование, предпринятое группой авторов под руководством известных учёных Романа Кужняра и Кшиштофа Шчепаника, представляет собой первую попытку обобщения и анализа внешней политики Республики Польша на современном этапе.

1989 год открыл новый этап в истории страны – бывший советский сателлит обрел полную суверенность, в том числе и независимость в принятии решений и реализации внешней политики. Интересы Польской Народной Республики, как и других участников социалистического блока, были подчинены единоличным лидером интересам всего лагеря. В такой ситуации внешняя политика не выполняла своей главной функции – не обеспечивала реализацию интересов прежде всего своего государства в международном сообществе.

Кадровые перестановки и изменение организационных структур польского внешнеполитического ведомства, смена геополитических ориентиров и изменения мировой обстановки, участие в процессах евроатлантической интеграции и «восточная политика» были впервые комплексно исследованы в одной монографии.

Авторы рассматривают восточную границу государства в традиционном для уже отошедшей в прошлое советологии ключе: не только как линию геополитического раскола «Восток – Запад», но и как границу культур «Европа – Восток». Правда, для новых – демократически преобразованных и «полностью суверенных» – Украины и Белоруссии место в «объединённой Европе» предполагается, хотя существование Калининградской области внутри единого политического и экономического пространства ЕС рассматривается скорее как проблема и вызов.

Особый интерес представляют разделы, посвящённые роли и месту РП в международных организациях, реализации внешнеэкономических интересов с помощью инструментов внешней политики.

С сожалением приходится констатировать, что отсутствует русскоязычная версия этой монографии, которая позволила бы исследователям российско-польских отношений лучше понять происходящие перемены в отношениях между нашими странами, в регионе Балтийского моря, в мировом сообществе.

И. Жуковский

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРУССКОГО ДУХА» НА «ДРЕВНЮЮ СЛАВЯНСКУЮ ЗЕМЛЮ»

Костяшов Ю. Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. **Маттес Ю.** Запрещённое воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945 – 2001). Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 162 с. (Серия «Terra Baltica»).

Книга Ю.В. Костяшова и Э. Маттеса – уникальный труд. В её основе – исследование тысяч страниц архивных документов и малотиражных публикаций. Читается на одном дыхании – как детектив. Процесс познания беско-

нечен, и поэтому авторы оставляют многие загадки неразгаданными, как будто передавая эстафету будущим исследователям. Книга состоит из двух частей, написанных порознь российским и немецким историками, однако эти тексты дополняют друг друга, образуя целостную и вполне беспристрастную картину формирования исторического самосознания калининградцев.

При разработке такой деликатной темы, как политика советского государства по отношению к прусскому историко-культурному наследию, проще всего было бы поддаться соблазну уже привычного очернения тяжкого тоталитарного прошлого. Ю.В. Костяшов обращается к образчикам военной пропаганды, рассматривает тексты советской пропаганды мирного времени, демонстрирует средства сталинских политических спекуляций в отношении исторического материала. Среди определений Кёнигсберга послевоенных лет самое примечательное – «Первый разбойничий немецкий притон Оттокара» (с. 14). Благодаря монографии, построенной практически полностью на архивных материалах (ГАРФ, ГАКО, ЦХИДНИКО), удаётся воссоздать картины советской политической пропаганды первых послевоенных лет. Исследователь обратился к фондам областного радио и реконструировал «краткий курс» истории Восточной Пруссии по текстам радиопередач 1947–1948 гг. Костяшов показывает, как пропагандисты воспроизводят сталинский тезис об «исконно славянской земле» Юго-Восточной Прибалтики, как одними чёрными красками рисуется вся довоенная история края (за исключением, может быть, эпизодов боевой славы русского оружия).

Борьба с низкопоклонством перед Западом, цензура лекций областного лекторского бюро, первые раскопки прусских поселений – все сюжеты, разработанные Ю.В. Костяшовым, трудно перечислить. Автор показывает, что культурный конфликт был неизбежен: наследие войны, специфика политического режима, этнокультурный облик советских переселенцев предопределяли конфронтационный характер отношений со старой культурой. Автор подчёркивает, что государственная политика по отношению к прусскому культурному наследию вообще не была «результатом какого-то анализа, следствием дискуссий во властных структурах или хотя бы наспех составленной концепции» (с. 77). И всё же «древо жизни пышно зеленеет». В то время как официальные советские власти держали под строгим запретом довоенную историю края, а научные и образовательные учреждения не рисковали даже заикаться об изучении немецкой истории, в планах и отчётах парка культуры и отдыха Калининграда с 1947 г. фигурирует нетрадиционная для учреждения подобного профиля задача: «Изучение исторического прошлого Восточной Пруссии и перспективы развития Калининградской области». «Как, откуда, каким образом эта крамольная цель попала в официальные документы и несколько лет в них фигурировала?» – спрашивает Ю.В. Костяшов (с. 41). Ни следов «изучения исторического прошлого», ни имён инициаторов такой деятельности парка культуры исследователю обнаружить не удалось.

Благодаря работе Ю.В. Костяшова сохраняются в истории имена тех людей, которые в советское время не переставали чувствовать глубокое уважение к богатому историческому прошлому новой советской земли. Среди них – преподаватель исторического факультета КГПИ А.В. Мельникова, предложившая в 1949 г. разработать спецкурс с включением тем по истории

Кёнигсберга (она была обвинена в «порочной методологии» и в следующем году уже не работала в пединституте, см. с. 37-38). В 1947 г. в редакцию газеты «Известия» поступило письмо от гражданина В.В. Любимова из Львовской области, в котором обращалось внимание на проблему сохранности могилы Канта в Калининграде (с. 51). Благодаря этой инициативе частного лица, а не официальных властных структур, доказывает Ю.В. Костяшов, могила была спасена. Директор краеведческого музея И.Г. Ковтун в 1954 г. пытался спасти могилы Ф.В. Бесселя и других немецких учёных и добился включения их в перечень памятников, находящихся под охраной государства (с. 46-47). Добрые слова в адрес другого директора музея – И.П. Колганова – находят оба автора рецензируемой монографии. В 1956 г. калининградский учитель Прохорехин вступился за Королевский замок, направив в правительство письмо, которое, по мнению Ю.В. Костяшова, стимулировало работу по выявлению и учёту памятников (с. 48-49). Лучшие представители калининградской интеллигенции – те люди, которые хотя бы чуть-чуть уменьшают наш стыд за уничтожение чужой культуры.

Часть книги, подготовленная Э. Маттесом, также поражает обилием использованных материалов. Кроме архивных документов и записей личных бесед с очевидцами процесса становления калининградского краеведения автор использует массу советской и немецкой литературы. В том числе и книги, изъятые из советских библиотек. В этом списке досадное упущение – биография Иммануила Канта из серии «Жизнь замечательных людей» (автор – советский философ Арсений Гулыга). Эта книга была, пожалуй, первым советским изданием, содержащим целую главу-очерк истории Кёнигсберга, а также иллюстрации старого города, недоступные тогда широкой читательской аудитории.

Э. Маттес скрупулёзно исследует историю деятельности областного архива, констатируя противоречие между официальной задачей сохранения исторического наследия и официальным же запретом на исследование немецкого материала. Работа калининградских историков по подготовке сборников документов «Самая Западная», история журнала «Запад России» как «форума для поиска идентичности» – всё это сюжеты, на которых останавливается немецкий учёный. Особое внимание уделяется работе историков КГУ и, конечно же, знаменитому проекту «Переселенцы рассказывают», который заключался в интервьюировании первых переселенцев и последующем издании книги воспоминаний под редакцией Ю.В. Костяшова (в 1999 г. усилиями самого Э. Маттеса – на немецком языке, а в 2002 г. – на русском). Шаг за шагом автор восстанавливает основные координаты регионального сознания калининградцев.

Характеризуя историю краеведческих исследований, Э. Маттес приводит имена тех, кому калининградцы обязаны пробуждением интереса к прошлому региона. Это В.В. Седов и В.И. Кулаков (Институт археологии, Москва), калининградцы И.П. Колганов, Э.М. Медведева, А.П. Бахтин, декан исторического факультета КГУ Г.П. Жидков, многие другие специалисты, которые в 1960 – 1980-х гг. обращались к довоенной истории. Наверное, ряд имён можно было бы продолжать. В монографии, к сожалению, не упоминается Е.В. Каменецкая, преподававшая археологию на историческом факультете в 1976-1981 гг. Нет сведений о Музее Канта в университете и

самоотверженной работе О.Ф. Крупиной по сохранению восточнопрусских исторических материалов. Вообще, калининградское кантоведение, в рамках которого было возможно безнаказанно обращаться к истории Кёнигсбергского университета, могло бы стать предметом рассмотрения отдельной главы рецензируемой монографии.

В конце работы автор характеризует проблемы и перспективы немецко-русского сотрудничества. «Пётр I, – резюмирует Э. Маттес, – главный герой русской истории и своеобразная точка её отсчёта – как бы передаёт нынешним калининградцам свой подтверждённый всем ходом истории завет отказаться от идеи изоляции и открыться для Западной Европы. Такая потребность лежит в русле реформаторских устремлений самого царя и полностью соответствует складывавшейся веками восточнопрусской традиции. В этой точке как раз и сходятся русская история, восточнопрусские традиции и будущее калининградской земли» (с. 150).

Книга Ю.Костяшова и Э. Маттеса – важная веха в развитии калининградской историографии. До сих пор лишь история края – немецкого и советского периодов – была объектом более или менее профессионального исследовательского интереса. Рецензируемая монография выводит нас на новый уровень: пришло время подводить итоги, писать историю самой исторической науки. В этом осмыслении мы встретимся ещё со многими «белыми пятнами», но сам факт появления подобного фундаментального исследования означает окончательное расставание с советским прошлым, с худшими традициями нашей недавней истории.

И. Дементьев

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОРОНЕЖЕ

РАХ BALTICA. Первый сборник балтийских исследований / Под ред. М.В. Кирчанова. Воронеж: Клуб «Политика и время», 2003. 29 с.

«РАХ BALTICA» – электронный сборник научных статей молодых исследователей-гуманитариев, политологов и социологов. Примечателен интерес к Балтийскому региону, проявленный сравнительно далеко от побережья Балтийского моря. В этом смысле инициативу молодых воронежских авторов можно только приветствовать.

Статьи в сборнике неравноценны. Некоторые представляют собой вполне добротные исследования (М. Кирчанов), иные отличаются излишней публицистичностью и грешат синдромом «открытия Америки» (М. Аммер, Е. Петрова). Чрезвычайно полезен обзор балтийских исследований на Западе после Второй мировой войны, представленный М. Кирчановым. Тот же автор в другой статье полагает, что отечественная историческая наука «в настоящее время переживает острый кризис и нуждается в расширении тематики исследований как одним из средств его преодоления» (с. 14). Рассматривая историю латвийского консерватизма в 1920-1940 гг., М. Кирчанов выявляет его основные позиции (антинемецкий национализм, антибольшевизм, религиозный фундаментализм и т. д.). Автор показывает, как к 1940 г. в Латвии «сложились условия для реализации консервативных принципов на практике, что было прервано советской оккупацией 1940 года» (с. 18).

Е. Петрова в статье, которая должна заинтересовать калининградского читателя, констатирует, что «проблема Калининграда очень сложна» в контексте развития европейских интеграционных процессов. Вывод следует вполне тривиальный: «Перед Российской Федерацией стоит одна задача – проведение такой политики в регионе, которая не способствовала [бы] росту националистических и экспансионистских идей как в Литве, так и в ФРГ» (с. 11). Важных задач для российской политики в регионе много, однако сформулировать внятно принципы этой политики до сих пор не удалось ни российскому дипломатическому корпусу, ни автору статьи.

Любопытны также материалы, посвящённые современной латвийской культуре. Неподдельный интерес к её состоянию делает честь российским авторам.

В аннотации к сборнику заявлено, что он посвящён проблемам истории «балтийских государств – Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии». Если это определение концептуально и Россия исключена из списка балтийских государств, то материалы по калининградской проблематике будут появляться только в рамках обзоров международных отношений.

К недостаткам сборника нужно отнести досадные опечатки, которые выдают недостаточно качественную редактуру. Курьёзом выглядит перевод Memeland (по-немецки Мемельский край) с литовского как «Малая Литва» (с. 11); в действительности, понятие Малой Литвы охватывает куда большую территорию (см. статью Е. Тюрина в настоящем издании).

Тем не менее сборник «РАХ ВАЛТИСА» представляет собой очень хорошее начинание, которое становится своеобразным вызовом калининградским исследователям, сосредоточившимся почти полностью на проблематике истории Восточной Пруссии – Калининградской области. Остаётся выразить надежду, что в следующих выпусках «РАХ ВАЛТИСА» найдётся место и для исследователей из самого западного российского края.

Содержание сборника: *Кирчанов М.* Балтийские исследования на Западе и в России: история, основные достижения и перспективы развития; *Аммер М.* Отношения Россия – страны Балтии: прошлое и настоящее; *Петрова Е.* Калининградская проблема и литовское общественное мнение; *Некрасова Т.* Завершение «зимней войны» (приказ Маннергейма №34); *Гусак А.* Историческая наука в современной Эстонии («Эстонский биографический словарь»); *Кирчанов М.* Латышский консерватизм периода существования Первой Республики в Латвии (1920 – 1940); *Ершова Л.* Некоторые проблемы истории эстонской литературы XVIII века; *Войнов Е.* Латвийское кино конца 1990-х годов («Страшное лето»); *Бартеньев П.* Латышская культура на пороге XXI века (о некоторых важных культурных событиях); *Лаенко Н.* Некоторые проблемы постсоветской латышской культуры.

Сайт политклуба: www.politclubvsu.narod.ru

Адрес редакции (сборник высылается по электронной почте): ist@comch.ru

П. Щербаков

Раздел 4

Научная жизнь. Общественные инициативы по регионалистике

ОТКУДА МЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ?

Наша жизнь полна стереотипов. В современной деревне жизнь быстро умирает: население спивается, молодёжь бежит от безработицы и безрадостного быта. Немцы приезжают в Калининград для того, чтобы увеличить доходы местных фирм от ностальгического туризма. Наши соседи поляки мечтают побыстрее вступить в ЕС и перекрыть границу с нами. Американские благотворительные фонды поддерживают российские общественные организации в целях разложения нации и искоренения русской духовности. В любом из этих утверждений можно при желании найти какую-то свою правду, но в каждом есть и своя ложь. Это особенно хорошо стало ясно тем, кто участвовал в 2002 г. в проекте «Откуда мы в Калининградской области?».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОЕКТА

История проекта началась по ту сторону границы – в Польше. Несколько лет назад Юзеф Шкандера, бывший директор сельского клуба и по-современному мыслящий человек, задумался над тем, как сделать жизнь в деревне интересной. Что могут изменить в своей жизни простые жители простой польской деревушки? Он нашёл единомышленников среди таких же равнодушных людей, работающих в других сельских клубах, детских домах, школах. Так родилось *Общество аниматоров культуры на селе*, которое принципиально отказалось прописываться в городе и зарегистрировалось в деревне Йонково.

Слово «аниматор» – латинского происхождения. Сейчас оно обозначает такого человека, который готов сделать усилия для оживления, «одушевления» и воодушевления людей вокруг себя. У Общества много разных дел – сотрудники этой неправительственной организации помогают простым людям в решении их проблем: открыли специальное Бюро помощи гражданам, в котором бесплатно консультируют, обучают составлению жалоб и требований, содействуют в защите поправленных прав. В этой работе участвуют, кстати, добровольцы из числа студентов. Но самым ярким проектом стала, конечно, серия встреч-выставок под общим названием «Откуда мы?». Встречи были организованы за последние два года в нескольких польских деревнях. Местные жители собирались – кто в школе, кто в библиотеке, кто в клубе – и рассказывали о своих корнях, об истории семей, об удивительных встречах и разлуках в своей жизни. Приносили фотографии из домашних архивов, уникальные документы. Кто-то нёс и угощение к столу, и тогда встреча превращалась в маленький деревенский праздник.

Как утверждают аниматоры, такие встречи становились чем-то большим, нежели простые фуршеты на выставках. Случалось, что два соседа, прежде

без особой симпатии смотревшие друг на друга, неожиданно обнаруживали сходства в судьбах своих семей. В домашней обстановке, которую удавалось создать односельчанам, сглаживались противоречия, забывались старые обиды. Ценными плодами польского проекта стали книжка и компакт-диск, сохраняющие для потомков фотографии и видеозаписи выставок.

В прошлом году Общество аниматоров решило поделиться своим опытом с коллегами в Калининградской области. Нашли партнёров – ими стали **Центр «Молодёжь за свободу слова»** и **историко-культурное общество «Королевская гора»**. Нашли понимание в польском отделении Фонда Сороса – **Фонде Стефана Батория**. Сетевая программа «Культура и искусство», поддерживающая сотрудничество организаций культуры из разных стран, оказала финансовое содействие в реализации проекта.

«Но самое главное, – говорит координатор проекта с нашей стороны Юлия Бардун, – это участие и интерес самих жителей посёлков. Без них проект бы не удался».

В марте 2002 г. группа калининградских аниматоров побывала в Польше с ознакомительным визитом. В её составе были учителя сельских школ, руководители домов культуры и библиотек, просто инициативные энергичные жители наших посёлков. Жили в деревне, знакомясь с тем, как динамично развивается польский агротуризм. До шоссе добирались на тракторе. Побывали и в музеях, и в сельских библиотеках, и в детском доме. Заряд, полученный в Польше, долго подпитывал наших аниматоров. В апреле-июне этого года встречи-выставки «Откуда мы в Калининградской области?» прошли в семи посёлках – Владимирово Багратионовского района, Гаврилово Озёрского, Краснолесье Нестеровского, Кубановке Гусевского, Мельниково Зеленоградского, Глушково, Загорском и Междуречье Черняховского. Отдельную выставку – городского масштаба – организовали сотрудники Зеленоградской районной библиотеки.

ПРОЕКТ НА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛЕ

У всех выставок был, в общем, один сценарий. Сначала аниматоры обходили старейших жителей посёлка, рассказывали им о проекте, просили фотографии. Затем оформлялись стенды, кипела подготовительная работа. За несколько дней до открытия участники приглашались буклетом, растиражированным организаторами. В буклете помимо вежливого приглашения содержалась историческая справка о посёлке с момента его основания и – главное! – некоторые фотографии. Все посёлки имеют богатую довоенную историю (не только немецкую – Мельниково-Рудау было заселено ещё пруссами), и полезными историческими сведениями аниматоров снабжали местные краеведы и сотрудник *Государственного архива Калининградской области* А.П. Бахтин.

Пришедшие на выставку жители общались. Рассказывали о происхождении своих семей – первые переселенцы прибыли на землю нашего края из Белоруссии и Воронежской, Горьковской, Курской, Пензенской, Псковской областей России... Среди участниц выставки во Владимирово были и недавние переселенцы – из Казахстана и Латвии. За каждой семьёй скрывается огромная история, история свершений и тягот. Везде вспоминали войну. Для

кого-то это были воспоминания о фронтовой юности: одна кубановская жительница рассказала, что до сих пор помнит каждый населённый пункт на всём пути, который она прошла пешком во время войны. Помнит каждый самолёт врага. «Внукам рассказываете?» – спрашивают её. «Рассказываю. Приглашают в школу. Только нынешнее поколение о войне мало что знает, – добавляет мудрая женщина. – Потому что не задают вопросов: тот, кто не спрашивает, ничего не знает».

Для других война – это оккупация, плен и принудительные работы в Германии. Краснолесенские бабушки не могли сдержать слёз – и сейчас, спустя шесть десятилетий, трагедия оккупации и гибель родных отзываются неизбывной болью. Житель посёлка Гаврилово рассказывал, как, будучи подростком, в Псковской области водил коров партизанам – в лаптях, чтобы на снегу оставались только следы человека. Чудом избежал казни, спасла в подвале одна селянка. Затем гитлеровцы сожгли всю деревню. В советское время, впрочем, ему тоже не очень повезло: в 53-м за неосторожное высказывание по доносу попал к гёбешникам. Если бы не бериевская амнистия, отсидел бы пять лет. Одна жительница из Владимирово неожиданно вспоминает, что обращались с ней немцы неплохо. Приходил сынишка хозяев и говорил: «Тётеньки, пойдёте на работу, а?».

Вспоминали участники встреч и первые годы в Калининградской области. Свидетельства о том, как ехали в Восточную Пруссию, у всех разные. Кто-то рассказывает о том, как кормили только на станциях, когда весь поезд сбегался разжигать костры и выменивать продукты. Многие из наших рассказчиков так и отставали от поезда где-то на советских полустанках...

Хорошо запомнили совместную с немцами жизнь жители Мельниково. Один из них ясно помнит, как приехал в посёлок с семьёй. Вместе с братом он – тогда подросток – поднялся на второй этаж дома и увидел посреди стола сковородку с жареной картошкой, которая ещё не остыла. Братя уже приготовились отобедать, как внезапно отец выхватил у них сковородку и выбросил тёплую ещё картошку в окно. «Боялись, что отравлено», – поясняет рассказчик. А вечером пришёл немец, живший в этой квартире. Объяснил, что испугался въезжающих в деревню автомобилей и убежал. Принёс с собой бутылку красного вина, которое они и распили с отцом семейства вместе. Ещё некоторое время жили в одном доме.

В воспоминаниях о немцах, живших в Восточной Пруссии, не было ненависти и даже антипатии. Житель Зеленоградска участвовал в первых археологических раскопках в конце 1940-х. В экспедиции работали и две немки. Запомнилась их аккуратность, бережное отношение к каждой находке. Работали даже лучше наших, отмечает очевидец. Во Владимирово одна жительница очень сдружилась с молодой немкой: доверяли друг другу секреты, вместе работали, грустили и радовались. Та не хотела уезжать в Германию, но остаться не разрешили. И по сей день наша соотечественница улыбается и раскланивается с каждой пожилой немецкой туристкой, приезжающей посмотреть то, что осталось от кирхи в знаменитом Тарау: в каждой туристке она надеется встретить близкую подругу своей юности. А другая жительница того же посёлка накрывает столы каждый год бывшим жителям дома, в котором все эти годы она была хозяйкой. Обижается: едят немецкие гости мало, скромничают. Дом культуры в Загорском получил теперь своего спон-

сора – ещё одну бывшую жительницу посёлка. Что побуждает её приезжать на родину, уже так мало воскрешающую картины её детства? Что заставляет её помогать непростой жизни современной российской деревни?

Почти все посёлки имеют свою совхозно-колхозную историю. Рассказывали о трудовых буднях, о том, как помогала или мешала советская власть. О простых, вообще-то, вещах: первый киносеанс в деревне, свадьба, открытие школы. В Краснолесье вспоминали, как ловили шпионов.

ПАМЯТЬ

В Загорском есть кирха со своей историей: построенная в конце XIX века, она стала совхозным складом в годы советской власти. Десять лет назад здание передали православной общине, теперь это действующая церковь. Рядом с кирхой, на склоне, находится братская могила – памятный знак советским воинам, погибшим в боях в Восточной Пруссии. Так же и в Краснолесье неподалёку располагаются руины кирхи, памятник немецким солдатам, погибшим в Первой мировой, братская могила советских солдат, павших во Второй мировой... В Мельниково вспоминали, как в 60-е годы власти распорядились уничтожить кладбище вокруг кирхи, как асфальтировали площадку, на которой теперь, кроме сорняков, ничего не найти. Всё это знаки, символы нашей непростой истории, в которой трагедия разрушения постоянно сочеталась с пафосом восстановления руин...

На выставках много пели. Целый ансамбль сложился в Гаврилово. Кубановские бабушки знают очень острые частушки, а загорские замечательно танцуют. Краснолесенские уже полночь разогнали молодёжь, собравшуюся на дискотеку в сельском клубе, и сами пустились в пляс. Жизнь в наших посёлках многограннее и ярче, чем это кажется из городского далёка.

Пока политики и дипломаты ломают головы над тем, как состыковать интересы России и ЕС, сотрудничество продолжается. Благодаря опыту польских друзей удалось организовать несколько праздников в нашем крае. Праздников, которых страшно не хватает. Теперь готовится к изданию общий буклет о проекте и компакт-диск, который окончательно сделает фотографии участников историческим документом.

Вот и выходит, что в нашей деревне есть жизнь, потому что есть в ней отзывчивые трудолюбивые люди. Немцы приезжают в Калининград для того, чтобы сделать что-то для тех, кому сейчас хуже, чем им. Наши соседи поляки за счёт американского фонда пересекают границу, чтобы помочь нам вспомнить о том, откуда мы в Калининградской области, кто были наши предки и для чего мы живём. Во всём этом тоже есть своя правда.

Организаторы благодарны *Фонду Стефана Батория* и *Фонду Боша* за поддержку проекта. Помощь также оказал магазин «*Пирамида – Kodak Express*», что расположен на площади Победы в Калининграде. В этом магазине 2 августа 2002 г. открылась и проходила почти три недели выставка, представляющая результаты проекта.

КТО ДЕЛАЛ ПРОЕКТ?

▪ Аниматоры – те, кто организовывал выставки в посёлках: Тамара Павловна Хмелёва и Любовь Евгеньевна Колузаева (Владимирово), Ольга Хусейновна Манько и Светлана Алексеевна Абакумова (Гаврилово), Игорь Павлович Тинкович (Глушково), Ираида Леонидовна Черныш и Валентина Владимировна Снитко (Загорское), Ирина Петровна Ковардо, Елена Владимировна Тюнякова и Надежда Владимировна Яковлева (Краснолесье), Галина Ивановна Киселёва (Кубановка), Галина Владимировна Гонтовая (Междуречье), Мария Константиновна Пушичева (Мельниково), Наталья Алексеевна Шумилова (Зеленоградск).

▪ Люди, которые помогли организовать выставки: Эльвира Валента, доктор Вольф, доктор Крех (все – Краснолесье), Ольга Борисовна Валенчус, Светлана Аркадьевна Козырева, Раиса Семёновна Пантелеева (все – Кубановка), Сергей Георгиевич Каюков, Анатолий Васильевич Фесенко, Татьяна Михайловна Чернышова (все – Гусев), Леонид Александрович Ефремов (Мельниково), Тамара Петровна Устина (Междуречье), Светлана Викторовна Щеглова (Глушково), Надежда Николаевна Кузнецова (Каменский с/округ), Елизавета Андреевна Лисянова, Татьяна Васильевна Овчинникова (Владимирово), Зоя Ивановна Пикалова, Геннадий Разумный (Черняховск), Леонид Александрович Ефремов и Наталья Станиславовна Суета (Зеленоградск), Анатолий Павлович Бахтин, Антон Фёдорович Войкин-Сапедион, Олег Владимирович Иванов, Николай Викторович Козловский, Александр Владимирович Косарев, Евгений Лямкин, Карина Яковлевна Перская, Светлана Седова, Лада Викторовна Сыроватко, Светлана Васильевна Шувалова (все – Калининград).

▪ Организации, которые помогли провести выставки:

Дом культуры и библиотека пос. Владимирово; средняя школа пос. Гаврилово и Клуб любителей истории края «КЛИК», администрация Озёрского района; администрация пос. Гаврилово; библиотека и сельский дом культуры пос. Глушково; Черняховская централизованная библиотечная система и редакция газеты «Полнос» (Черняховск); администрация Каменского сельского округа; библиотека пос. Загорское и Загорский дом культуры; Зеленоградская библиотечная система, библиотека пос. Мельниково, администрация муниципального образования «Зеленоградский район» (зам. главы Л.Г. Казмерчук), редакция газеты «Волна» (Зеленоградск); Краснолесенский дом культуры и библиотека пос. Краснолесье, Краснолесенская основная школа, Нестеровский лесхоз, Кубановский сельский дом культуры, музей г. Гусева, отдел культуры администрации Гусевского района, Кубановская неполная средняя школа, библиотека пос. Кубановка, Гусевское райпо (председатель В. В. Пузыревский); Дом культуры пос. Междуречье, сельсовет пос. Междуречье; Государственный архив Калининградской области; Областной образовательно-методический центр управления культуры администрации области.

И. Дементьев

**«СВЯЩЕННЫЙ ХРАМ ЖИВЫХ ПЕЧАТНЫХ СЛОВ»:
ИЗ ИСТОРИИ ЗЕЛЕНГРАДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ**

В послевоенном Зеленоградске библиотека была образована уже в феврале 1947 г.¹ Первой заведующей библиотекой стала Е. Толстопятова, а 7 июня 1947 г. на должность заведующей была назначена Людмила Васильевна Судемейкина. С многочисленными читателями работали три библиотекаря. На абонементе ежедневно обслуживались 90-100 человек, были очереди. До 29 июня 1959 г. в библиотеке был закрытый доступ к книжным фондам, в результате чего нагрузка у библиотекарей была огромной. При этом соблюдались жёсткая дисциплина и чёткий график работы. Так, в книге приказов № 2², начатой 01.09.1955 г., утвержден следующий распорядок дня: библиотека работала с 12 до 21 часа, читателей обслуживала с 14 часов (два часа давалось библиотекарям на статистику и чтение периодики). В субботу работали без обеденного перерыва с 12.00 до 18.00. Выходным днём был вторник.

На время выборной кампании в читальном зале библиотеки организовывался агитационный пункт. График работы читального зала менялся: он был открыт с 13.00 до 22.00 без выходных дней.

В книге приказов № 2 есть запись от 13 октября 1959 г.: «Библиотека закрыта на ремонт сроком на 6 дней. Приказываю библиотекарям выехать в сельские библиотеки и там вести работу. Зав. библиотекой Попцова Римма Федоровна».

Ещё один интересный факт в книге приказов № 2 обращает на себя внимание – это чехарда с приёмом и увольнением уборщиц. За год в библиотеке менялось по три уборщицы (кого-то увольняли, а кто-то уходил сам). Уборщице, при окладе в 260 рублей, приказывалось убирать чисто и работать строго 8 часов. Уборщица, помимо своих прямых обязанностей, должна была вести работу с задолжниками библиотеки: писать открытки, посещать на дому. Но есть и благодарности: к 8 Марта и очередной годовщине Октября они в книге приказов № 2 объявлялись только уборщицам – о библиотекарях не упоминалось ни разу. А библиотекари трудились: пополняли фонды, совершенствовали справочный аппарат, обслуживали читателей, проводили массовые мероприятия.

В 50-е годы популярными формами массовой работы с читателями были громкие читки, литературные вечера, читательские конференции. В те годы в городе работала щеточная фабрика, где библиотекари проводили громкие читки: рабочие занимались своим трудом, а библиотекарь читал им газеты, журналы, книги. Громкие читки проводились и в санаториях. Литературные вечера и читательские конференции проводились в Доме культуры, так как библиотека не могла вместить всех желающих. Активность читателей была высока, особенно деятельно сотрудничала с библиотекой интеллигенция.

До сих пор помнят библиотекари старшего поколения, как интересно, с большой отдачей прошла читательская конференция по книге

¹ Точной даты в архиве нет.

² Первая книга приказов утрачена.

А.Д. Коптяевой «Иван Иванович». Особенно ярким было выступление главврача 1-го санатория В.В. Филиппова.

Был и курьёзный случай. Все массовые мероприятия посещал 2-й секретарь райкома партии. За литературный вечер, посвящённый жизни и творчеству С. Есенина, им был объявлен выговор в устной форме зав. библиотекой за пропаганду творчества «поэта-пьяницы».

В праздничные и выходные дни библиотекари по очереди брали газеты и журналы и выходили в парк, к морю, предлагая отдыхающим почитать периодику.

История библиотеки – это прежде всего люди, которые создавали ее, работали в ней. У самых истоков создания Зеленоградской библиотеки стояла Лидия Нестеровна Молодцова, которая рассказала, что каталожные ящики для библиотеки в то непростое время делал старый немец, причем бесплатно. Сейчас Лидия Нестеровна находится на пенсии, но в библиотеку приходит постоянно. Интеллигентная, благородная женщина, безоглядно влюблённая в свою профессию, она много сделала для библиотеки, привила любовь к библиотечному труду не одному поколению молодых коллег. Лидия Нестеровна закончила Саратовский библиотечный техникум в 1945 г. Работала библиотекарем в Доме учителя г. Саратова. В октябре 1947 г. трудилась в детской библиотеке г. Зеленоградска, а с 1949 г. – в районной библиотеке. Лидия Нестеровна была библиотекарем абонемента, передвижки, заведующей библиотекой. За добросовестный труд Л.Н. Молодцова была награждена юбилейной медалью и грамотой «100 лет со дня рождения В.И. Ленина».

С 19 августа 1957 г. и по сей день в библиотеке трудится Мария Васильевна Тарасова. В 1954 г. она закончила Обоянский библиотечный техникум, три года проработала в сельской библиотеке Курской области. За отличный труд Мария Васильевна заслужила право участвовать во Всесоюзном совещании работников сельских библиотек, которое проходило в Москве в 1957 г. Это стало её «визитной карточкой» при приёме на работу в Зеленоградскую библиотеку. Мария Васильевна Тарасова обладает удивительной памятью, практически помнит весь фонд, не признаёт отказов, выполнит любую справку. Умная, благородная женщина, эталон библиотечной профессии.

Самый старый отчёт, сохранившийся в библиотеке, датирован 1964 г. Есть возможность проследить отдельные показатели библиотечной деятельности с того времени. Так, в 1964 г. в Зеленоградске проживало 1740 семей (7500 чел.). Читателей в 1963 г. было 2806, а в 1964 г. – 2605. Книговыдача в 1963 г. составляла 59 158 экз., а в 1964 г. – 52 554. В 1964 г. работали две передвижки; 1864 экземпляра книг и брошюр поступило в библиотеку в тот год. К 1967 г. во всех библиотеках Зеленоградского района имелись каталоги. Ещё один интересный факт, о котором хочется рассказать. В 1969 г. впервые отчёт библиотеки заполнялся шариковой ручкой – до этого времени только фиолетовыми чернилами.

Три раза Зеленоградская районная библиотека меняла свой адрес. С 1975 г. она располагается по улице Ленина, 31 в старинном немецком здании на втором этаже. Общая площадь библиотеки – 300 кв. метров, штат – 4 человека.

Активность и популярность библиотеки в 70-е годы была высока. Читатели воспитывались годами. Особенно старались привлечь в библиотеку молодёжь. В начале года ответственный библиотекарь составлял списки учащихся по классам, затем они сверялись с записями в библиотеке. В школе проводились библиотечные уроки, выяснялось, кто не записан в библиотеку, по какой причине, у ребят спрашивали, есть ли домашняя библиотечка. Библиотеки обслуживали и обслуживают по сей день ветеранов Великой Отечественной войны и труда, инвалидов, престарелых на дому.

Старания библиотекарей подтверждались статистикой. Так, в 1975 г. библиотека насчитывала 3334 читателя, работало 16 передвижек, росла посещаемость и книговыдача. В массовой работе в 70-е годы исчезает такая форма, как громкие читки, популярными стали устные журналы, которые готовились на юридические, медицинские и другие темы. За каждым работником районной библиотеки закреплялись по 2-3 библиотеки села, куда выезжали ежемесячно. Библиотекари в селе выступали и агитаторами, и лекторами, и художниками-оформителями. При отделе культуры был автоклуб, библиотекари вместе с культпросветработниками выезжали на полевые станы и на фермы, где после концерта художественной самодеятельности и агитбригады выступал библиотекарь с информацией из периодики, проводились тематические обзоры.

На протяжении всей своей деятельности в Зеленоградской районной библиотеке шла серьезная и кропотливая работа по краеведению. Библиограф мог гордиться своей работой: в краеведческой картотеке есть богатейший материал, хронологическая глубина которого измеряется 1946 г. В 1976 г., в 30-летний юбилей образования Калининградской области, областная научно-техническая библиотека отметила активную работу Зеленоградской районной библиотеки по пропаганде краеведческой литературы. 1979 г. памятен рядом встреч читателей с калининградскими писателями: А. Соболевым, Ю. Ивановым, М. Родионовой, Н. Зверевой. В 1981 г. в библиотеке обращаются к новой форме – «краеведческие чтения», в которых участвовали библиотекари, работники краеведческого музея, руководители хозяйств, знатные люди Зеленоградского района. Насыщенным краеведческой деятельностью стал для библиотеки 1982 г. Именно в это время библиотеку связывает тесное содружество с бюро путешествий и экскурсий. Библиотекари участвуют в разработке туристических маршрутов по Литве, Латвии и Эстонии. В этом же году начинается трудоемкая, кропотливая и ответственная деятельность группы методической и библиографической работы ЦРБ над созданием библиографического указателя «Зеленоградский район», которая завершилась в 1986 г. выпуском названного указателя. В.В. Лушина, Н.Н. Жуковская, Я.З. Шумилова, Р.Г. Лыскова – библиотекари, чей труд над указателем вызывает уважение, это показатель их высокого профессионализма, любви к своему краю. Не останавливаясь на достигнутом, библиотекари в 1983 г. подключились к информационной работе под девизом: «С чем связаны память и жизнь» – для членов общества охраны памятников истории и культуры. Рос и обновлялся фонд краеведческой литературы.

Работа и успехи Зеленоградской районной библиотеки не остались незамеченными. В 1981 г. по итогам работы государственных массовых библио-

тек Зеленоградская районная библиотека заняла второе место в области. Два года подряд – в 1985 и 1986 – она была победителем соцсоревнования. В 1987 г. отмечалась хорошая работа библиотеки в соревновании за звание «ЦБС отличной работы».

Девяностые годы для центральной районной библиотеки, как и для всей страны, были нелёгкими. С одной стороны, библиотека получила свободу в творчестве, в планировании своей работы, в выборе источников комплектования. Но материальная база ухудшилась настолько, что в библиотеке уже много лет не делался ремонт, а самая невосполнимая потеря – это мизерное комплектование. Если в 1995 г. в библиотеку поступило 1089 документов, то в 1996 г. – всего 303 экземпляра. Для проведения тех или иных массовых мероприятий библиотека ищет спонсоров среди предпринимателей, которые могут оказать материальную поддержку.

История Зеленоградской библиотеки продолжается. Каждое утро она радужно принимает читателей: библиотека им нужна. Хотелось бы, чтобы и администрация Зеленоградского района повернулась лицом к проблемам и нуждам культуры, частью которой является библиотека, чтобы, наконец, поняли те, кому доверена власть, что возрождение нации – это прежде всего возрождение культуры, бережное отношение к своим истокам и культурным традициям.

Список литературы³

1. *Растёт* интерес к книге / О Зеленоградской районной библиотеке // Ленинское знамя. 1968. 12 нояб.
2. *Косарева Л.* Посвящается родному краю. Устный журнал в районной библиотеке // Ленинское знамя. 1971. 27 апр.
3. *Щёголева В.Г.* Мои друзья – библиотекари. О лучших библиотеках Зеленоградского района // Калининградская правда. 1971. 9 сент.
4. *Центр* работы с читателями. О Зеленоградской районной библиотеке // Ленинское знамя. 1974. 14 дек.
5. *Щёголева В.Г.* По пути централизации // Ленинское знамя. 1977. 1 марта.
6. *Петрова А.* Щедрый дар. О сотрудниках ЦРБ // Ленинское знамя. 1977. 25 июня.
7. *Лыскова Р.Г.* На литературном празднике // Ленинское знамя. 1981. 16 июля.
8. *Жуковская Н.Н.* Главный контролер. О трудовой дисциплине // Ленинское знамя. 1983. 26 февр.
9. *Лыскова Р.Г.* Музыкальные вечера. О проведении муз. четвергов в ЦРБ // Ленинское знамя. 1983. 4 окт.
10. *Чернышевская Н.* А годы прожиты не зря. О директоре Зеленоградской ЦБС Лысковой Р.Г. // Ленинское знамя. 1990. 1 мая.
11. *Евсеев М.* За отличную работу. О работе ЦРБ // Ленинское знамя. 1991. 8 марта.

³ Неопубликованные источники: отчёты Зеленоградской центральной районной библиотеки с 1964 по 1996 г.; книги приказов № 2 (1955 г.) – № 9 (1996 г.); воспоминания библиотекарей Л.Н. Молодцовой, М.В. Тарасовой, Я.З. Шумиловой, Т.Н. Тимофеевой, В.В. Лушиной, Н.Н. Жуковской.

12. Шумилова Я.З. «Землянам – чистую планету». Экологический диалог в ЦРБ // Волна. 1996. 2 марта.
13. Шумилова Я.З. Признание в любви: 18 августа – День города // Волна. 1996. 10 авг.
14. Шумилова Н.А. Верный друг – библиотека // Волна. 1996. 23 нояб.
15. Василек Г. и др. Общение было приятным. О дне инвалидов, проходившем в ЦРБ // Волна. 1996. 4 дек.
16. Шумилова Н.А. Подарок читателям: к 50-летию районной библиотеки // Волна. 1997. 18 янв.
17. Зеленоградский район: Указ. лит. / Зеленоградская центральная библиотека. Сост. В.В. Лушина и др. Калининград, 1986.

Н.А. Шумилова

Сведения об авторах

Богушевич Татьяна – политолог, специалист по проблематике прав человека и прав национальных меньшинств; Whitney000@yahoo.com

Винокуров Евгений Юрьевич, кандидат философских наук (2001), докторант Института мировой экономики и международных отношений РАН. Окончил юридический ф-т КГУ (1998) и аспирантуру кафедры философии и логики КГУ (2001); yvinokurov@yahoo.com

Дементьев Илья Олегович, ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета. Окончил исторический ф-т КГУ (1997) и аспирантуру кафедры зарубежной истории КГУ (2000); ktmoo@mail.ru

Жуковский Игорь Игоревич, администратор Балтийского межрегионального института общественных наук, аспирант кафедры истории России КГУ, координатор Клуба исследователей Восточной Европы (Центр общественного развития «Открытый Калининград»). Окончил исторический ф-т КГУ (2001); joukovski_igor@mail.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – аспирант кафедры международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета. Окончил исторический ф-т ВГУ (2003); max_kirchanov@mail.ru

Колмагоров Константин Николаевич, аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений КГУ. Окончил исторический ф-т КГУ (2001).

Косс Александр Викторович, кандидат юридических наук, доцент спецотделения юридического ф-та КГУ, помощник Уполномоченного по правам человека в Калининградской области. Окончил КВШ МВД России (1997) и адъюнктуру Московской академии МВД России; avkoss@mail.ru

Манкевич Дмитрий Владимирович, студент 5-го курса исторического ф-та КГУ. Область научных интересов – ментальность дворянства в пореформенной России; manmax@bytacity.ru

Маслов Евгений Александрович, старший преподаватель кафедры истории России КГУ. Окончил исторический ф-т КГУ (1993).

Повилайтис Владас Ионо, кандидат философских наук (1999), доцент кафедры философии и культурологии КГУ. Окончил исторический ф-т КГУ (1995) и аспирантуру кафедры философии и культурологии КГУ (1998). Автор монографии «Философия Льва Карсавина (историософский аспект)» (Калининград, 2002); vladas73@mail.ru

Радзишевска Агнешка, экономист, окончила экономический ф-т Высшей торговой школы в Варшаве (2003). Этнография и туризм – хобби; radziszewska_agnieszka@poczta.onet.pl

Тюрин Евгений Александрович, студент 4-го курса исторического ф-та КГУ.

Федорович Кшиштоф, доктор политических наук, адъюнкт Восточного института университета им. А. Мицкевича (Познань, Польша); fedorow@amu.edu.pl

Шумилова Наталья Алексеевна – главный библиотекарь сектора краеведения Зеленоградской централизованной библиотечной системы Калининградской области.

Щербаков Павел – публицист, автор ряда публикаций в калининградской прессе и журнале «Знамя». Список публикаций в центральной прессе см.: <http://magazines.russ.ru/authors/s/scherbakov/>

Ярентовский Марек – политолог и юрист (Институт политических наук Варшавского университета), сотрудник правительственного центра законодательства. Сфера интересов – избирательное право и избирательные системы; jarentowski@op.pl

Научное издание

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Ответственный редактор Игорь Игоревич Жуковский

Редактор Л.Г. Ванцева
Корректор Е.В. Владимирова

Оригинал-макет подготовлен И.О. Дементьевым
Подписано в печать 11.02.2004. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Таймс». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 120 экз. Заказ

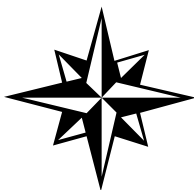
Издательство Калининградского государственного университета,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Сборник «Балтийские исследования» задуман как площадка для самореализации молодых исследователей Балтийского мира – историков, культурологов, политологов. Тематика материалов, представленных во втором выпуске, крайне разнообразна. Статьи, которые собраны под одной обложкой, освещают различные аспекты балтийской истории. Темой выпуска стала проблематика национальных и религиозных меньшинств в государствах Балтийского моря – история и современность. Все материалы объединены *локусом* – побережьем Балтийского моря, включающим несколько европейских культур. Наладить диалог этих культур, организовать форум идей молодых исследователей из Латвии, Польши, России, Эстонии – вот те задачи, которые ставили перед собой составители.

КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 2

Калининград
2004

Балтийские исследования

2